

А. П. Синнетт

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

Издание пятое, прокомментированное и дополненное автором

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Учения, заключённые в этой книге, проливают свет на те вопросы, связанные с буддийским учением, которые до недавнего времени сбивали с толку писавших о нём, и впервые предлагают практический ключ к пониманию почти всего древнего религиозного символизма. Более того, эзотерическая доктрина, если она правильно понята, превзойдёт все ожидания по части привлечения внимания искренних мыслителей. Её утверждения не даются в виде откровений пророка или основателя религии, и свидетельство её не основывается ни на каких писаниях. Её взгляды на природу развились из исследований бесконечной последовательности искателей, располагавших для выполнения своей задачи способностями и восприятием, превосходящими те, которые доступны обычному человечеству. С течением веков набравшаяся таким образом масса знаний о происхождении мира и человека, конечных судьбах человеческого рода, а также природы миров и состояний, отличных от нашего, всесторонне изучалась, перепроверялась, вновь исследовалась и, наконец, стала рассматриваться её хранителями в качестве истины относительно вещей духовных — действительных фактов, касающихся огромных областей жизненной деятельности, лежащих за пределами этого земного существования.

Европейская философия, будь то философия религиозная или же чистая метафизика, так давно свыклась с чувством неуверенности, связанным с рассуждениями, выходящими за пределы физического эксперимента, что абсолютная истина о духовных вещах уже с трудом признаётся осторожными мыслителями в качестве разумной цели исканий. В Азии, однако, сформировались другие традиции мышления. Тайное учение, которое мне было в некоторой мере позволено изложить, считается не только своими приверженцами, но и большим числом тех, кто никогда и не мечтал узнать о нём большего, чем просто факт его существования, кладезем достоверного знания, из которого почерпнули свои истины все религии и философии, и в соответствии с которым должна находиться всякая религия, претендующая на какое-то выражение истины.

Это на самом деле громкое заявление, но я решился сделать его в силу огромной важности этого для мира, поскольку считаю, что оно может быть доказано.

Я вовсе не говорю, что в рамках этого тома может быть доказана подлинность эзотерической доктрины. Такое доказательство не может быть дано средствами логики, но лишь развитием у каждого исследователя способностей, требуемых для непосредственного наблюдения за природой предписанными методами. Первые же выводы исследователя будут зависеть от того, в какой мере привлекут его ум перспективы природы, которые могут при этом открыться, а также от причин, по

которым он сможет доверять способностям наблюдения тех, кем эти знания были сообщены.

Полагаете, что сама величина притязаний, сделанных в связи с эзотерическим учением, уже выведет это заявление из области исследований, на которые указывает название — то есть исследования истинного внутреннего смысла определённой религии, именуемой буддизмом? Факт, однако, заключается в том, что эзотерический буддизм, хотя и никоим образом не будучи в разладе с буддизмом экзотерическим, не должен рассматриваться как просто государство в государстве, то есть как некая школа в орбите буддийского мира. Но чем сильнее углубляется буддизм в самую внутреннюю и сокровенную часть своей веры, тем он более сливается с тем самым сокровенным, что есть в других верах.

Представления о космосе и знания о природе, на которых буддизм не просто основывается, но которые как раз и составляют эзотерический буддизм, в равной мере составляют и эзотерический брахманизм. Таким образом, *просвещёнными* (в буддийском смысле) последователями всех вер эзотерическая доктрина считается абсолютной истиной о природе, человеке, происхождении вселенной и судьбах, ожидающих её обитателей. В то же время экзотерический буддизм сохранил больше единства с эзотерической доктриной, чем любая другая популярная религия. Таким образом, изложение внутреннего знания, адресованное современному английскому читателю, будет неизбежно ассоциироваться со знакомыми чертами буддийского учения. Оно непременно сообщит им живой смысл, которого они, казалось, были лишены, и более того, само эзотерическое учение удобнее всего изучать в буддийском его аспекте — хотя суть этого учения восходит и к более глубокой древности, чем времена Гаутамы Будды, он оказал на него такое влияние, что буддийская окраска проникает теперь всё его существо. Так что то, что я собираюсь изложить читателю, можно назвать "эзотерическим буддизмом", поскольку всякое другое обозначение оказалось бы для европейского исследователя, приближающегося к нему в первый раз, совершенно неподходящим.

То, что я собираюсь высказать, следует рассматривать целостно, прежде чем читатель сможет понять, почему посвящённые в эзотерическую доктрину считают снятие покровов с фундаментальных её основ огромным одолжением. Одно из объяснений этого, однако, легко усмотреть в исключительной святости, которую всегда придавали скрытым и жизненно важным истинам природы их древние хранители. До сих пор эта святость предписывала полностью скрывать их от масс профанов. И поскольку эта политика секретности — традиция бесчисленных веков — теперь оставляется, новый подход, о котором свидетельствует появление этой книги, будет встречен очень многими посвящёнными учениками изумлением и сожалением. Открытие для критики, иногда неуклюжей и непочтительной, учений, которые до сих пор считались слишком великими, чтобы вообще говорить о них кроме как с приличествующей этому торжественностью, может показаться им ужасной профанацией великих мистерий. Но подходя с европейской точки зрения, было бы неразумно ожидать, что такая книга сможет избежать такого бесцеремонного обсуждения, которое ожидает всякие новые идеи, в данном же случае убеждения фанатиков сделают его особенно недружелюбным. Но всё это, будучи делом житейским для европейских приверженцев учения вроде меня,

покажется прежним и более традиционным его последователям весьма прискорбным и отвратительным. В печали будут они апеллировать к мудрости испытанного временем правила, которое запрещало посвящённым метать бисер перед свиньями.

К счастью, как я думаю, это правило больше не действует в ущерб тем, кто, в оккультном смысле ещё далек от посвящения, но в силу современной культуры может оценить это одолжение.

Часть сведений, изложенных на следующих страницах, впервые была опубликована в "Теософисте" — ежемесячнике, издающемся в Мадрасе руководством Теософического Общества. А поскольку почти все эти статьи были написаны мною, я без колебаний включил сюда выдержки из них, когда это было уместно. В демонстрации того, как отдельные фрагменты, ранее представленные публике, заняли свое естественное место в сравнительно законченной мозаике, есть даже некоторое преимущество.

Доктрина или система знаний, которую мы в общих чертах раскрываем, до сих пор охранялась столь ревностно, что никакое даже самое тщательное литературное изыскание по всей Индии не выявило бы и малейшего её кусочка. Теперь же она даётся миру милостью тех, кто до сих пор её хранил, хотя ранее ничто не смогло бы вырвать у них и первой буквы. И только внимательно изучив все приводимые мною в книге пояснения, читатель сможет судить о причинах их нынешней открытости, равно как и прежней скрытности, или хотя бы понять их. Предлагаемый здесь взгляд на Природу совершенно чужд европейским мыслителям; политика же мастеров эзотерических знаний, вынесенная из их долгого знакомства с этими взглядами, должна рассматриваться в связи с конкретными приложениями самой этой доктрины.

Что же касается обстоятельств появления на свет этих откровений, первые предвестники которых появились в журнале "Теософист", а теперь как увидят наши читатели, публикуются в обработанном и расширенном виде, то на данный момент будет достаточно сказать, что само Теософическое Общество, благодаря связи с которым в мои руки попали материалы, разбираемые в этой книге, обязано своим появлением некоторым лицам, принадлежащим к хранителям эзотерической науки. Предоставленную ими информация — для блага тех, кто уже созрел для её восприятия — было решено передавать миру через Теософическое Общество, а последующие обстоятельства лишь указали на меня как на посредника, через которого эту передачу будет удобно осуществить.

Позвольте мне также добавить, что вовсе не считаю себя единственным человеком, способным нести внешнему миру эзотерическую истину в этот переломный исторический момент. В том, что касается философского знания, эти учения являются результатом взаимодействия с внешним миром, установленного *через* меня хранителями этой эзотерической истины. И только благодаря намерениям и действиям этих эзотерических учителей, решивших через меня действовать, я смог приобрести какие-то знания. Однако очевидно, что и некоторые другие авторы, каждый по-своему, излагают на благо мира (и, как мне кажется, в соответствии с великим планом, частью которого является и эта книга)

те же самые истины, что было поручено раскрыть мне, только в других аспектах. Возможно, и появляющееся сейчас в литературе всё большее количество умопостроений касательно проблем, выходящих за пределы физических знаний, тоже есть результат процесса, вызванного политикой, проводимой великими хранителями эзотерической истины, одним из проявлений которой стала моя книга. Опять же, небывалый всплеск интереса к "психическим исследованиям", проявляемый ныне выдающимися, талантливыми и высокообразованными людьми, возглавляющими в Лондоне общество, деятельность которого посвящена означенной цели, тоже является, по моему внутреннему убеждению (а я кое-что знаю о тех методах, при помощи которых незримо и молчаливо влияют на духовные устремления человечества те, кто трудится в этой области природы), очевидным результатом деятельности, параллельной той, в которой участвую я сам.

Мне остаётся только сделать оговорку, что нижеследующий трактат вовсе не претендует на то, чтобы стать последним словом в изложении всего учения; это касается и языка, которым он написан. Более долгое знакомство с обширной и очень сложной схемой космогонии, которой он посвящён, несомненно повлечет усовершенствование фразеологии, применённой для её изложения. Всего два года назад ни я, сам, ни кто бы то ни было еще из ныне здравствующих европейцев не знали даже азбуки этой науки, впервые облеченной в подлинно научную форму только сейчас. Во всяком случае, это можно назвать первой попыткой обобщить накопленные знания и придать им форму целостной науки — науки о духовных причинах и их следствиях, о сверхфизическом сознании и космической эволюции. Хотя ее идеи впервые начали являться миру под более или менее озадачивающей маской мистической символики, два года назад эзотерическими учителями ещё не предпринималось попыток изложить всё учение в ясной и абстрактной чистоте. И потому, в процессе обучения, мне приходилось самому подбирать фразы и английские слова, примерно соответствующие тем идеям, которые были мне представлены. Однако я вовсе не уверен, что мне всегда удавалось находить самые лучшие из всех возможных выражений или подбирать наиболее правильные и выразительные слова. Например, только ещё подходя к самому предмету, мы столкнулись с необходимостью подбора названий для различных элементов, или атрибутов, составляющих в совокупности человеческое существо. Слово "элемент" было использовать невозможно, поскольку из-за множественности значений этого слова могла бы получиться путаница. В конечном счете меньше всего возражений у меня вызвало слово "принцип" (или "начало"), хотя для слуха человека, искушенного в тонкостях метафизических выражений, и оно будет неудовлетворительным — опять же из-за некоторых значений, в которых оно сейчас употребляется. Потому вполне возможно, что со временем западная номенклатура эзотерической доктрины будет значительно развита по сравнению с составленной мною. Восточная номенклатура гораздо более разработана; но метафизический санскрит приводит переводчиков в замешательство, и как уверяли меня мои индийские друзья, в этом вина не санскрита, а того языка, на котором мы теперь пытаемся выразить санскритские идеи. Однако в конце концов может оказаться, что благодаря некоторым заимствованиям из знакомых греческих месторождений, английский язык может стать более восприимчивым к новому (а,

точнее — изначальному и недавно раскрытому) учению, чем могли предполагать на Востоке.

А.П. Синнетт

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени первой публикации этой книги в начале 1883 года в моём распоряжении оказалось много дополнительных сведений, касающихся обсуждаемых в ней проблем. Однако я рад заявить, что последовавшие учения указали лишь на неполноту моего первоначального представления о эзотерической доктрине, но пока что не выявили в ней существенных ошибок. Да и как могло быть иначе, если сам великий адепт, передавший мне все необходимые наставления для первого издания, подтвердил, что эта книга, даже в своей нынешней форме, представляет собой вполне достоверное описание схемы природы с точки зрения посвященных в оккультную науку, которое впрочем может быть существенным образом дополнено в будущем, если только вызванный ею во этой части света интерес будет требовать дальнейших сведений, но в котором не придётся ничего переделывать или приносить за что-то извинения. Учитывая это заверение, мне представляется за лучшее изложить свои позднейшие выводы и дополнительные сведения в форме примечаний и комментариев к каждой теме, не включая их в первоначальный текст, который я, в нынешних обстоятельствах, не склонен никоим образом изменять. Потому я принял этот план в настоящем издании.

Я могу также сослаться на критический отзыв "брахмана-индуиста" об этой книге, напечатанный в индийском журнале "Теософист" за июнь 1883 года и косвенным образом подтверждающий то, что изложенные в ней учения в общем гармонируют с признанными философскими доктринами некоторых других великих школ индийской мысли. Автор отзыва сетует на то, что в своей интерпретации эзотерической доктрины я без какой-либо необходимости отошёл от общепринятой санскритской терминологии. Однако его замечания ограничиваются тем, что я в ряде случаев дал непривычные названия идеям и понятиям, уже известным из священных писаний индуизма, и что я воздаю незаслуженно большие почести религиозной системе, известной под именем "буддизм", представляя её как самую близкую к эзотерической доктрине в сравнении с любыми другими. "Народная мудрость, которою руководствуется большинство индусов до наших дней, в большей или меньшей степени окрашена той эзотерической доктриной которой учит в своей книге мистер Синнетт, ошибочно называя её "эзотерическим буддизмом", — пишет мой критик-брахман, добавляя, что "во всей Индии нет ни одной деревни или хижины, в которой люди не были бы в той или иной мере знакомы с возвышенными постулатами философии веданты... Кармические последствия в следующем рождении, встреча с добрыми и злыми плодами кармы в субъектном, или духовном состоянии существования, предшествующем перевоплощению духовной монады в этом или каком-либо ином из миров, блуждание неудовлетворенных душ или человеческих оболочек, привязанных к земле (кама-лока), периоды пралай и манвантар... — всё

это не только понятно, но и знакомо огромному множеству индусов, хотя и под названиями, отличными от тех, которые использует автор "Эзотерического буддизма". Но так даже лучше, могу возразить я, — с точки зрения западного читателя, которому совершенно безразлично, эзотерическая ли индусская или же буддийская религия стоит ближе всех к абсолютно истинной духовной науке, у которой, конечно же, нет и не может быть никакого названия, привязывающего её к той или иной религии внешнего мира в большей степени, чем к другим. Всё, что требуется нам, европейцам, — это прийти к ясному пониманию сути этой науки, и если мы видим, что культурные представители более чем одной из великих религий Востока признают изложенные в этой книге принципы созвучными истинам, лежащим в основе их собственных систем, то мы лишь будем ещё более склонны считать, что наше изложение учения действительно достойно внимания.

Что же до самой жалобы на то, что название книги неточно отражает содержание учений, которым её автор постарался придать вразумительную форму, то лучшее, что я могу сделать, это процитировать примечание, которым редактор журнала "Теософист" отвечает на критику этого брахмана. В нём говорится: "Мы публикуем это письмо, поскольку в нём — вполне тактично и понятно — выражены взгляды многих наших братьев индусов. В то же время мы считаем своим долгом уточнить, что мистер Синнетт присвоил своей последней публикации имя "Эзотерического буддизма" вовсе не потому, что излагаемые в ней доктрины преимущественно связываются с тем или иным вероучением, а лишь потому, что буддизм — это учение *будд*, мудрецов, то есть религия мудрости". Со своей стороны я могу только добавить, что полностью признаю и поддерживаю это истолкование. Предполагать, что данная книга должна придерживаться, ради удовлетворения современных *дилетантских* вкусов, традиционных для Старого Света методов религиозного мышления, значит абсолютно неверно представлять себе её замысел. Внешние религиозные формы и пристрастия одного столетия могут быть несколько чище, а другого — несколько испорченнее; однако в любом случае они приспособлены к своему времени, и было бы странно полагать, что они взаимозаменяемы. Я говорю об этом вовсе не для того, чтобы обратить приверженцев иных религиозных систем в буддизм, а для того лишь, чтобы довести до вдумчивого читателя — как на Востоке, так и на Западе — ряд идей, касающихся фактических истин Природы и действительных фактов эволюционного продвижения человека, переданных мне восточными философами, а потому легче всего вмещающимися в восточные представления. Ибо ценность этих учений станет лучше понята, если мы ясно осознаем, что они носят скорее научный, чем полемический характер. К духовным истинам — если они действительно истины — нужно подходить не менее научно, чем к химическим реакциям. И потому ничье религиозное чувство, в какие бы цвета оно ни было окрашено, не должно быть обеспокоено прибавлением к уже имеющемуся стволу древа познания новых ветвей — новых открытий в области строения и природы человека на уровне его высшей деятельности. Истинная религия наконец найдет способ ассимилировать сколь угодно большой объем нового знания в этой сфере — так же, как она всегда в конечном счете справляется с умножением знаний на физическом уровне. На первых порах новые открытия могут внешне противоречить представлениям, традиционно связываемым с религией — как, например, геологическая наука нанесла в свое время серьезный удар по

библейской хронологии. Но в результате люди смогли осознать, что суть Библии — не в буквальном смысле космологических утверждений Ветхого Завета, и освобождение от них сделало религиозные представления только чище. Точно так же и в тех случаях, когда позитивное научное знание начинает проникать в сферу действия законов духовного развития человека: некоторые неверные представления о Природе, долгое время смешанные с религией, могут оказаться ниспровергнутыми; но основополагающие идеи истинной религии от этого только выигрывают, поскольку очищаются от наносного и становятся убедительнее. И особенно важно, что этот процесс способствует преодолению внутренних противоречий религиозного мира. Вражда между сектами происходит лишь из-за неспособности противоборствующих сторон усвоить фундаментальные истины. Только с наступлением того времени, когда базовые идеи, на которых основывается религия, станут такими же общепризнанными и бесспорными, как некоторые первичные законы физики, а все споры на их счет станут в глазах образованных людей смехотворными, для резких расхождений в религиозных чувствах уже не останется места. Внешние проявления религиозной мысли по-прежнему будут отличаться друг от друга в разных регионах и у разных рас — так же, как покрой одежды и традиционное меню; однако эти различия уже не будут причиной интеллектуального антагонизма.

И основные факты вышеуказанного характера, как мне представляется, и предлагаются в том изложении духовной науки, которое мы теперь получили от наших восточных друзей. Религиозным мыслителям вовсе не нужно отворачиваться от них под впечатлением, что это аргументы в пользу некоторых восточных вероучений в противовес основным западным. Если бы медицинская наука открыла какой-нибудь новый факт, касающийся человеческого тела, или выявила бы какой-нибудь доселе скрытый принцип, объясняющий механизм роста кожи, костей и других тканей организма, это открытие едва ли стало бы рассматриваться даже как граничащее с областью религии. Но можно ли считать вторжением в религию открытие, продвигающее нас хотя бы на один шаг за пределы нервной деятельности и касающееся более тонких сил, манипулирующих нервами так же, как последние манипулируют мышцами? Полагаю, что ни один человек, присоединяющий к своему религиозному чувству хотя бы малую толику высших способностей, не станет отвергать несомненный и очевидным образом доказанный факт природы просто потому, что он якобы противоречит религии; тем более что такое открытие могло бы положить бы начало примирению между наукой и религией. Если установлен реальный факт, значит, он не должен находиться в противоречии со всеми прочими фактами, включая и религиозную истину. Так же и со всей огромной массой информации о духовной эволюции человека, которая содержится в этой книге. Потому при изучении предложенного мною отчёта лучше всего обращать внимание не на то, соответствует ли он во всех отношениях предвзятому мнению, а на то, знакомит ли он нас с рядом природных фактов, касающихся роста и развития высших способностей человека. Если да, то мы вполне можем исследовать изложенные факты в научном духе, предоставляя им далее возможность оказывать на традиционные религиозные вероучения такое воздействие, которое окажется оправданным и разумным.

Хотя в процессе объяснения предмет разветвляется и нам приходится делать многочисленные тематические отступления, основной наш тезис составляет антропологическую теории, которая доводит до логического завершения и одухотворяет общераспространенные представления о физической эволюции. Теория, сводящая развитие человека к последовательному и крайне медленному, продолжающемуся из поколения в поколение усововершенствованию животных *форм*, представляется слишком примитивной и убогой для всеобъемлющей теории творения. Но будучи правильно понята, она открывает путь к пониманию параллельно идущего на более высоком уровне процесса, в ходе которого душа человека постоянно совершенствуется в духовном царстве существования. Такой взгляд на вещи примиряет эволюционный метод с неистребимым стремлением каждого обладающего самоосознанием существа к увековечению своей индивидуальной жизни. Не очень связанная последовательность появляющихся на нашей Земле совершенствующихся *форм* не имеет индивидуальности; и жизнь каждой из них представляется обособленным проявлением, не находящим в последующих аналогичных проявлениях ни компенсации за все перенесенные страдания, ни справедливости, ни заслуженных плодов своих усилий. Могут, конечно, утверждать — исходя из предположения, что всякий раз, когда в результате физиологического роста появляется новая человеческая форма, для нее создается новая, отдельная человеческая душа, — что справедливость этой душе может быть воздана в последующих состояниях, развоплощенных или духовных; однако такая концепция противоречит фундаментальной идее эволюции, которая в каждом случае прослеживает (или полагает, что прослеживает) возникновение новой души к действию высокоразвитой материи. Она также не согласуется с природными аналогиями, но не вдаваясь в их рассмотрение сейчас достаточно уяснить, что теория духовной эволюции, как она изложена в учениях эзотерической науки, вполне гармонирует с ними и в то же время вполне удовлетворяет требованиям справедливости и инстинктивной потребности человека в продолжении своей индивидуальной жизни.

Теория эта признаёт эволюцию души как процесс, сам по себе непрерывный, хотя и осуществляемый отчасти с помощью огромного ряда разрозненных форм. Оставив на время в стороне глубокую метафизику нашей теории, прослеживающую жизненный принцип к первопричине всего космоса, обнаруживаем, что душа как существо вышла из животного царства и перешла затем в самые первые человеческие формы, не созревши ещё тогда для полноценной интеллектуальной жизни, знакомой нам на современном этапе. Но благодаря множеству последовательных воплощений в различных формах, физическое совершенствование которых, в соответствии с дарвиновским законом, превращает их с каждым новым возвращением к вещественной жизни во всё более подходящее местопребывание для этой души, последняя постепенно накапливает огромный опыт, суммируемый в развитии её высшей природе. В промежутках между физическими воплощениями душа продолжает переживать, пока, наконец, не исчерпывает окончательно или не преобразует в абстрактное развитие весь личный опыт, накопленный за предыдущую жизнь. В этом кроется ключ к подлинному объяснению того кажущегося затруднения, которое сторонние аналитики приписывают иногда грубой форме теории перевоплощения. Человек

ничего не помнит о своих прошлых жизнях и потому полагает, что последующие жизни не смогут компенсировать ему все тяготы жизни нынешней. При этом он упускает из виду огромную важность промежуточного духовного состояния, в котором он вовсе не забывает все свои приключения, переживания и весь тот личный опыт, которые он накопил за прожитую жизнь, но очищает и трансмутирует их в своё космическое развитие. На последующих страницах предпринята попытка пролить свет на эту захватывающую тайну, и можно будет увидеть, что нам предлагается не только решение загадок жизни и смерти, но и объяснение многих озадачивающих опытов, с которыми мы встречаемся на границе между этими состояниями, или, вернее, между жизнью физической и духовной, которые в последние годы привлекли широкое внимание и породили множество теорий в самых цивилизованных странах.

А.П. Синнетт
1885

Глава I

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧИТЕЛЯ

Содержащиеся на следующих страницах сведения не являются собранием выводов, сделанных на основании моих собственных исследований. Я предлагаю читателям знания, полученные скорее благодаря оказанной мне милости, нежели в результате моих собственных усилий. Однако это нисколько не умаляет их значения, напротив — я даже беру на себя смелость утверждать обратное: то, с какой легкостью эти знания были приобретены, неизмеримо повышает их ценность в сравнении с любыми успехами, которых я мог бы добиться в этом же направлении, придерживаясь традиционных методов исследования, даже если бы в совершенстве владел тем, на что я никоим образом не претендую, — образованием в области востоковедения.

Каждый, кто когда-либо интересовался индийской литературой, а тем более тот, кто бывал в Индии и беседовал с образованными индийцами на философские темы, знает о бытующей на Востоке всеобщей убежденности в существовании живых людей, которым известно о философии — в самом возвышенном смысле этого понятия (то есть как о науке, истинном знании духовных вещей) — неизмеримо больше, нежели можно почерпнуть из каких бы то ни было книг. В Европе любой намек на секретность научного знания вызывает такую всеобъемлющую волну возмущения, что европейские мыслители инстинктивно стараются сразу же отрицать существование всего, что им так не нравится. Однако за время своего проживания в Индии я смог воочию убедиться в том, насколько прочно укоренилась там вышеупомянутая убежденность; и в конце концов я сам был удостоен чести воспринять множество наставлений в области того доселе скрытого знания, над которым восточные философы молчаливо размышляли с незапамятных времен, — наставления, которые передавались раньше только восприимчивым ученикам, уже готовым возложить на себя бремя ответственности за сохранение тайны. Их учителей вполне устраивало, что все любопытствующие

оставались при своих сомнениях относительно того, есть ли на самом деле хоть какая-нибудь ценность во всех тех знаниях, которые они окружают столь плотной завесой молчания.

Разделяя поначалу то негодование, которое неизменно вызывала у каждого европейца древняя восточная политика в отношении знаний, я всё-таки смог осознать, что древние знания востока являлись весьма реальной и важной ценностью. Можно понять и извинить того, кто называет кислым тот виноград, который висит слишком высоко, чтобы до него можно было дотянуться; но совершенно неразумно настаивать на своем прежнем мнении, когда кто-либо из ваших высокорослых друзей нагнет для вас ветку, и вы сами сможете убедиться в том, насколько он сладок.

По причинам, которые станут ясными из дальнейших пояснений, значительная часть до сих пор хранившейся в тайне, но теперь включенной в эту книгу информации была передана мне не только без обычных для такого случая условий и ограничений, но и с очевидным позволением передать её далее всему остальному миру.

Без путеводного света тайного до недавних пор восточного знания никакое изучение опубликованной экзотерической литературы — английской или санскритской — не могло бы позволить проникнуть в суть внутренних учений и в истинный смысл восточных религий, даже если бы за это дело взялся человек самой выдающейся учености. Это говорится вовсе не в упрек всем сочувственно настроенным, образованным, трудолюбивым и весьма талантливым авторам, которые изучали восточные религии (и особенно буддизм) в их внешних аспектах. С того самого момента, когда буддизм был явлен миру, ему более, нежели всем прочим религиям, было свойственно разделение на две составляющие — экзотерическую и эзотерическую. Настоящий, внутренний смысл учения был скрыт от непосвященных, а широким массам внешнее учение предлагало кодекс нравственных наставлений и иносказательную, символическую литературу, намекающую на существование некоего знания, лежащего в основе этого кодекса.

На самом деле это тайное знание существовало задолго до того, как оно проникло во внешний мир через земную жизнь Гаутамы Будды. За много столетий до рождения Будды брахманическая философия заключала в себе аналогичные учения, которые сейчас получили бы наименование эзотерического буддизма. Разумеется, ее черты к тому времени уже порядком размылись, а научность изложения была отчасти утрачена; однако основная часть знания оставалась во владении немногих избранных, прежде чем Будда вновь возвестил о нем в своих проповедях. Будда решил возложить на себя задачу исправления и обновления эзотерической науки внутреннего круга посвященных, а также придания свежего нравственного импульса внешнему миру. Обстоятельства этой деятельности были поняты совершенно неправильно, хотя прямое и конкретное их истолкование всё равно никто не смог бы правильно оценить, не получив предварительных пояснений, предполагающих общий обзор эзотерической науки.

Со времен Будды и до настоящего времени эта эзотерическая наука ревностно оберегалась как бесценное наследие, принадлежащее исключительно признанным

посвященным, членам мистических сообществ. Эти посвященные, если говорить о буддизме, — арахаты (или точнее — архаты), часто упоминаемые в буддийской литературе. Это посвященные, прошедшие "четырёхступенный путь святости", о котором говорится в эзотерических буддийских писаниях. Повествуя о многочисленных оригинальных текстах и санскритских авторитетах, мистер Рис Дэвидс сообщает: "Можно исписать целые страницы благоговейно трепетными и экстатически восторженными похвалами, которые буддийская литература расточает в адрес этого возвышенного состояния ума, являющегося плодом четвертого пути, состояния архата — человека, ставшего совершенным благодаря буддийской вере". А затем, после нескольких, следующих непрерывной чередой цитат из санскритских авторитетов, добавляет: "Для того, кто прошел весь путь до конца и вышел за пределы страдания, кто освободился во всех отношениях, сбросив с себя все возможные путы, кто не ведает более ни нетерпения, ни скорби... Для них не существует больше рождений... и они могут наслаждаться нирваной. Их прежняя карма исчерпана, а новая уже не создается; их сердца свободны от стремления к новой жизни, и никакие новые желания более не тревожат их. Они, мудрецы, погасли, как огонек лампы". Впрочем, все эти и подобные им высказывания создают у читателя (во всяком случае, европейского) совершенно превратное впечатление относительно того, кем на самом деле является архат, какого рода жизнь он ведет на земле и чего ожидает в будущем. Однако с прояснением этих моментов пока можно подождать. Сначала следует добавить еще несколько высказываний из эзотерических трактатов, иллюстрирующих распространенные представления об архатах.

Переходя к описанию *джханы** и *самадхи*, то есть веры в то, что путем интенсивного самопогружения можно приобрести сверхъестественные способности, мистер Рис Дэвидс далее пишет: "Насколько мне известно, ни один письменный источник не сообщает о том, чтобы эти способности приобрел кто-либо из членов ордена, или брахман-аскет, или кто бы то ни было еще. Будда обладал ими всегда. Но до сих пор неясно, обладали ли способностью производить все эти чудеса архаты как таковые, или же из нищенствующих монахов — только архаты или только асекхи". Можно добавить, что в уже изученных источниках ясным представляется лишь немного. Но в данном случае я всего лишь стараюсь показать, что буддийская литература действительно изобилует ссылками на величие и могущество архатов. Для более близкого знакомства с ними нам понадобятся дополнительные объяснения, а для этих объяснений, в свою очередь, необходим особый случай.

---

* Это палийский термин, то же самое, что санскритское дхьяна. — *Прим. ред.*

Мистер Артур Лилли в книге "Будда и ранний буддизм"* сообщает: "Считается, что аскет, прежде чем он сможет претендовать на звание архата, должен приобрести шесть сверхъестественных способностей. О них постоянно упоминается в сутрах, однако, как правило, не уточняется, что это за способности... Человек имеет тело, состоящее из четырех элементов... В этом преходящем теле заточен его разум, и когда аскет начинает осознавать это, он направляет свой ум на сотворение *манаса*. Он мысленно представляет себе иное тело, создаваемое из тела материального и тоже имеющее форму, органы и

конечности. По отношению к материальному телу это новое тело подобно мечу, выходящему из ножен, или змее, выползающей из корзины, в которой она спала. Так очистившийся и достигший совершенства аскет приступает к практическому овладению сверхъестественными способностями. Он обнаруживает, что теперь может проходить сквозь материальные препятствия: стены, крепостные валы и так далее; он может являть свой призрачный образ сразу во многих местах, ... он способен покидать этот мир и даже достигать небес самого Брахмы... Он обретает способность слышать звуки невидимых миров так же ясно, как и звуки мира явлений, а фактически — даже более отчетливо. Кроме того, благодаря силе манаса, он может читать самые сокровенные мысли других людей и определять черты их характера". И так далее, с приведением примеров. И хотя мистер Лилли не совсем точно угадал, какая именно истина скрыта за этим популярным изложением фактов, нет необходимости приводить какие-либо дополнительные цитаты, поскольку и без того уже ясно, что весь буддийский мир с глубочайшим уважением относится к способностям архатов и их познаниям духовной стороны вещей, даже несмотря на то, что сами архаты явно не стремятся к тому, чтобы облагодетельствовать мир своими автобиографиями или научными описаниями "шести сверхъестественных сил".

---

* Arthur Lillie, "Buddha and Early Buddhism".

Вполне уместными здесь будут несколько фраз из недавно выполненного мистером Хоуи перевода книги доктора Ольденберга "Будда: его жизнь, его учение, его орден", после чего мы сможем продолжить. Читаем: "Общераспространенная буддийская философия часто приписывает обладание нирваной некоему *святому*, до сих пор живущему на Земле: "Ученик, отринувший желания и страсти и обогатившийся мудростью, здесь, на Земле, достиг избавления от смерти и отдыха в нирване, вечном состоянии. Только того, кто выбрался из непролазных дебрей сансары, кто пересек море и выбрался на берег, кто погружен в себя и не ведает сомнения и страха, кто освободился от всего земного и достиг нирваны, я называю истинным брахманом". Если этот святой пожелает оставить свое нынешнее состояние бытия прямо сейчас, сию минуту, для него это не составит труда; однако большинство ему подобных терпеливо ждет, когда природа до конца осуществит свои планы. К таким святым лучше всего подойдут слова, вкладываемые в уста самого знаменитого из учеников Будды: "Я не стремлюсь к смерти и не стремлюсь к жизни; я жду, когда придет мой час, как слуга, ожидающий заслуженной награды"".

Умножение количества подобного рода цитат не дало бы нам ничего, кроме повторения в разных формах экзотерического представления об архатах. Как и всякое явление или мысль в буддизме, архат имеет два аспекта: тот, в котором он предстает перед широкими массами, и тот, в котором он действительно живет, действует и существует. В простонародном представлении это — святой, ожидающий духовной награды, такой, какую могут вообразить себе широкие массы; и пока эта награда не нашла его, он остается чудотворцем, получающим помощь свыше. Однако на самом деле он является испытанным и доказавшим свою надежность хранителем глубочайшей и самой сокровенной философии той единой, фундаментальной религии, которую обновил и возродил Будда,

изучающим науку о природе, превосходящую человеческое знание не только в том, что касается духовных тайн, но и в вопросах устройства материального мира.

Архат — буддийский термин. Однако в Индии, где свойства архата далеко не во всех случаях связываются с буддийским вероучением, более распространен термин "махатма". Индия просто изобилует всевозможными рассказами о махатмах. Древних махатм обычно называют "риши"; однако эти понятия взаимозаменяемы, и мне самому доводилось слышать, как титул риши применялся к людям и поныне здравствующим. Все перечисляемые в буддийских сочинениях качества архатов упоминаются, с неменьшим восхищением, и в индийской литературе, но уже как атрибуты махатм; и эту книгу тоже можно было бы при желании заполнить и переводами из туземных сочинений, в которых описываются чудесные достижения махатм, чьи имена сохранились в истории и преданиях.

В действительности, архаты и махатмы — одни и те же люди. На этой духовной высоте высшее знание эзотерической доктрины растворяет в себе все первоначальные конфессиональные различия. И как бы мы ни называли этих просветленных, все они являются адептами оккультного знания. В Индии этих хранителей духовной науки, полученной ими от своих предшественников, до сих пор иногда называют Братьями.

Мы можем перелистать множество томов как древней, так и современной литературы, но при этом нигде не найдем хоть сколь-нибудь систематизированного изложения учения или науки махатм. Значительная ее часть иносказательно изложена в оккультных сочинениях; однако все эти тексты едва ли могут принести какую-то пользу читателю, принимающемуся за их изучение без предварительной подготовки, не являющейся книжной. Если я все-таки смог составить очерк учения махатм, то только благодаря непосредственным наставлениям, переданным мне благодаря покровительству одного из них; и точно таким же образом я приобрел все свои нынешние познания о той организации, к которой большинство их (причем самые великие из них) ныне принадлежит.

Повсюду в мире есть оккультисты, достигшие различных степеней совершенства, и даже целые оккультные братства, у которых много общего с главным братством, ныне пребывающим в Тибете. Однако мои собственные изыскания убедили меня в том, что Тибетское Братство неизмеримо превосходит все прочие подобные сообщества и что представители последних разделяют это мнение, хотя их собственные организации тоже вполне достойны называться истинно "просвещёнными" в оккультном смысле этого слова. Разумеется, в Индии есть немало отдельных мистиков-самоучек, не связанных ни с какими оккультными братствами. И многие из них будут утверждать, что достигли куда более значительных высот духовного просветления, нежели тибетские Братья и вообще кто бы то ни было из живущих на Земле людей. Однако я думаю, что во всех случаях, с которыми мне приходилось сталкиваться, обстоятельное изучение подобного рода притязаний убедило бы беспристрастного стороннего наблюдателя в их явной необоснованности, как бы мало он ни был искушен в определении степени оккультного просветления. Например, я лично знаю одного индийца — человека с европейским образованием, занимающего ответственный пост в правительственном аппарате, обладающего высоким социальным статусом

и замечательным характером и к тому же на редкость уважительно относящегося к своим европейским коллегам по службе, — который ставит тибетских Братьев только на второе место в мире духовно просветленных. Первое место он безоговорочно отводит другому человеку, ныне уже ушедшему из жизни, — своему собственному оккультному учителю, которого он со всею убежденностью почитал воплощением Всевышнего. Этот учитель настолько пробудил его (моего знакомого) внутренние чувства, что теперь видения, являющиеся ему в состоянии транса, в которое он до сих пор может погружаться по собственной воле, являются единственной духовной сферой, представляющей для него интерес. Будучи убежденным в том, что Высшее Существо с самого начала было его личным наставником, а теперь продолжает наставлять его в субъективном состоянии, он (что совершенно естественно) оставался глух ко всем предположениям о том, что его впечатления, возможно, искажены его изначально неверно направленным психологическим развитием. Опять же, встречающиеся время от времени в Индии высокообразованные и одаренные ученики, строящие свои представления о природе, вселенной и Боге исключительно на метафизическом базисе и создающие свои системы, опираясь на одну лишь силу трансцендентного мышления, нередко берут за основу какую-нибудь признанную философскую систему и умножают ее до масштабов, которые может вообразить себе только восточный метафизик. Они собирают вокруг себя учеников, которые всецело преданы им в своей слепой вере, и создают свои собственные маленькие школы, какое-то время процветающие в своем маленьком мирке. Однако спекулятивная философия подобного рода — это скорее занятие для ума, нежели истинное знание. Подобные "учителя" в сравнении с адептами, объединенными в высочайшее Братство, всё равно что гребные шлюпки перед океанским лайнером: в собственном родном озере или на реке они могут быть весьма полезным средством передвижения, но едва ли разумно доверять им свою жизнь, отправляясь в кругосветное плавание через моря и океаны.

Спускаясь ещё ступенью ниже, мы видим по всей Индии великое множество йогов и факиров, стоящих на самых разных уровнях саморазвития: от чумазных дикарей, мало чем отличающихся от цыганских гадалок, коими изобилует любой английский ипподром, и до людей, уединение которых крайне трудно нарушить человеку стороннему, хотя достаточно было бы всего один раз увидеть или ощутить феноменальные способности и силы этих людей, чтобы рассеять недоверие даже самого самодовольного представителя современного западного скептицизма. И потому слишком торопливые исследователи склонны принимать таких людей за великих адептов, о которых они могли где-то что-то слышать.

Что же касается настоящих адептов, то я пока что не могу позволить себе никаких предположений относительно того, что представляет собою Тибетское Братство и как выглядят его высочайшие правители. Сами махатмы, о которых читатель сможет составить себе более или менее адекватное представление, если терпеливо прочтет эту книгу до конца, подчинены (опосредованно, через несколько еще более высоких иерархических ступеней) главному из них. Но лучше нам начать с более скромных стадий оккультного обучения, которые легче понять.

Уровень духовного развития, соответствующий человеку, которого внешний мир называет махатмой или "Братом", может быть достигнут только после

продолжительных и тяжелых испытаний и тщательных проверок, многие из которых отличаются необычайной суровостью. Можно встретить людей, которые в течение двадцати, тридцати или даже более лет живут безупречной и подвижнической жизнью, всё еще находясь на ранних ступенях ученичества, а на высоты адептства смотрят как на нечто значительно превышающее их уровень. И в каком бы возрасте мальчик или мужчина ни решал посвятить себя оккультному пути, он должен помнить, что ему следует сделать это безоговорочно и на всю жизнь. Ему предстоит развить в себе огромное множество способностей и качеств, которые у обычных людей настолько глубоко скрыты, что они даже не догадываются об их существовании и отрицают всякую возможность их проявления и развития. Причем развить в себе эти способности и качества должен сам чела* — с минимальной внешней помощью и при минимальном руководстве со стороны учителя или даже вовсе без них. Оккультный афоризм гласит: "Адептами не делают — ими становятся". Проиллюстрировать это можно на примере самого простого физического процесса. Каждый живой человек, нормально владеющий своими конечностями, способен плавать. Но того, кто, как это называется, не умеет плавать, бросить в глубокую воду, он начнет беспорядочно барахтаться и в конце концов утонет. Как нужно работать конечностями для того, чтобы плыть, ни для кого не секрет; но пока пловец, двигая конечностями, сам не поверит в то, что эти движения позволят ему добиться желаемого результата, этот самый результат не будет достигнут. В данном случае мы имеем дело исключительно с физическими силами, но тот же самый принцип действует и применительно к более тонким силам. Простая сила "убежденности" способна увести оккультного неопита гораздо дальше, нежели полагает большинство людей. Великое множество европейских читателей выразило бы немалое удивление и недоверие, если бы им сообщили хотя бы о некоторых результатах, которых должен добиться оккультный чела на самых ранних этапах своего обучения благодаря одной лишь силе убежденности. И хотя они регулярно посещают церковь, где то и дело слышат знакомые библейские уверения в огромной силе, которую таит в себе вера, эти слова, как ветер, пролетают мимо их ушей, не оставляя никакого впечатления.

---

* Принятый ученик — *прим. ред.*

Цель и назначение адептства — духовное развитие, природу и характер которого банальные фразы экзотерического языка только лишь скрывают. Слова о том, что адепт стремится соединить свою душу с Богом и что при этом он переходит в нирвану, не имеют никакого сколь-нибудь конкретного смысла для рядового читателя; и чем больше он пытается разобраться в этом при помощи экзотерических книг и традиционных методов, тем меньше у него шансов постичь сущность данного процесса или желаемого состояния. Прежде чем объяснение цели адепта сможет быть понятным, необходимо ознакомиться сперва с эзотерическими представлениями о природе, а также о происхождении и предназначения человека, во многом отличающимися от богословских.* Однако начать желательно с попытки рассеять заблуждения читателя относительно целей адептства, которые вполне могли у него сложиться.

---

* Об этом см. также книгу М. Чаттерджи и Л. Халловэй "Человек: фрагменты забытой истории", написанную вскоре после "Эзотерического буддизма" и имеющую целью восполнить упущения в нём. — *Прим. ред.*

Развитие духовных способностей, обладание которыми связано с наивысшими целями оккультной жизни, приносит с собою, по мере продвижения вперед, значительное количество побочных знаний, связанных с малоизвестными физическими законами природы. Эти знания, а также связанное с ними практическое искусство управления некоторыми таинственными силами природы, наделяют адепта и даже его учеников, находящихся на сравнительно ранних этапах своего оккультного обучения, такими экстраординарными способностями, что их использование в повседневной жизни порою влечет за собой результаты, которые могут показаться чудесными. А поскольку, с точки зрения стороннего человека, обретение кажущихся чудесными способностей уже само по себе выглядит величайшим достижением, многие склонны полагать, что адепт стремится приобщиться к оккультному знанию исключительно для того, чтобы этими способностями овладеть. Однако с тем же успехом можно было бы сказать о каждом патриоте, защищавшем свое отечество с оружием в руках, что он стал солдатом только для того, чтобы носить нарядный мундир и производить впечатление на горничных.

Восточные методы приобретения знаний всегда диаметрально отличались от тех, что применялись на Западе в период развития современной науки. Если в Европе изучение природы является максимально открытым процессом, где каждый шаг публично обсуждается и каждый новообретенный факт ставится на службу всему человечеству, то азиатская наука изучается тайно, а ее достижения ревниво оберегаются. Я не стану ни критиковать, ни отстаивать эти методы. Скажу только, что в моем случае было сделано некоторое послабление, и, как уже говорилось выше, я сообщаю сейчас, следуя своей естественной европейской склонности, обо всём, что узнал, всем тем, кому это может быть интересно, с позволения и согласия своих учителей. Однако ниже будет показано, что данное отступление от общепринятых правил, материально воплощенное в этой книге, самым естественным образом вписывается в общую схему оккультной философии. Собственно говоря, в каком-то смысле доступ к этой философии всегда был и остается открытым для всех. По всему миру разными путями распространялась идея о том, что есть *некий* путь обучения, которому то тут, то там, следовали отдельные люди, и что он может привести к знаниям более возвышенным, нежели те, что преподавались человечеству эзотерическими книгами и публичными религиозными проповедниками. Как мы уже говорили, на Востоке эти идеи всегда присутствовали в гораздо более определенной и убедительной форме, нежели просто слухи; но даже на Западе, в европейском обществе, издревле существовал и существует по сей день целый корпус символической литературы, касающийся астрологии, алхимии и мистицизма. Поэтому самые восприимчивые и подготовленные европейские умы также могли удостовериться в том, что за всей этой с виду бессмысленной чепухой скрываются великие истины. Нетрадиционный подход к символическим книгам раскрывал иногда перед этими немногими скрытый смысл написанного, вознося их к высочайшим сферам просветления, доступным человеческому воображению. Однако до настоящего

времени во всех подобных случаях, как только неопит пробивал себе дорогу в сферы таинственного, он тут же, в соответствии с законом школ оккультизма, оказывался связанным строжайшим обетом держать в секрете всё, что относится к его вхождению и дальнейшему обучению в одной из этих школ. Аналогичным образом и в Азии, чела (ученик-оккультист) становится таковым не ранее, чем перестанет свидетельствовать в пользу реальности оккультного знания. С тех пор, как я сам стал причастен к этому знанию, я был поражён, обнаружив насколько многочисленны эти челы. Но при этом невозможно представить себе человеческое деяние более невероятное, нежели несанкционированное свыше открытое признание одного из таких чел постороннему человеку в том, что он действительно ученик оккультной школы. Так великая эзотерическая школа философии продолжает успешно сохранять свою удалённость от мира.

В своей предыдущей книге "Оккультный мир" я уже опубликовал подробный и искренний рассказ об обстоятельствах, при которых я соприкоснулся с теми одарёнными и высокоучёными людьми, от которых затем получил учение, содержащееся в настоящей книге. Поэтому мне нет необходимости повторять свой рассказ. Теперь я готов подойти к предмету иначе. В существовании оккультных адептов и важности их достижений можно убедиться двумя способами: во-первых, при помощи внешних свидетельств — сообщений заслуживающих доверия очевидцев или демонстраций людьми, связанными с адептами, или же через этих людей необычных способностей, позволяющих предположить, что где-то должно существовать такое же необычное знание; и во-вторых — через знакомство с некоторой, достаточно солидной, порцией этого знания, чтобы оно могло говорить само за себя. В моей первой книге акцент был сделан на первом способе доказательства; теперь же мне предстоит решить более сложную задачу — доказать реальность существования оккультного знания вторым способом.

Замечания

Чем дальше мы продвигаемся в оккультном изучении, тем более возвышенными и многогранными становятся наши представления о махатмах. При помощи одних только интеллектуальных усилий невозможно в полной мере осознать, чем эти люди отличаются от основной массы человечества. В природе адепта имеются такие аспекты, которые связаны с развитием высших принципов в человеке и потому не могут быть осознаны его низшими принципами. Складывающиеся поначалу сырые представления об адептах с течением времени обнаруживают всё большее несоответствие истинному уровню изучаемого явления, и это создает одно любопытное затруднение. Наши первые понятия об адепте как о человеке, развившем в себе талант проникновения в захватывающие тайны духовной природы, складываются по типу представлений об ученом нашего собственного уровня — только очень талантливым ученом. Мы склонны полагать, что адепт всегда должен быть адептом, то есть сверхчеловеком, который во всех жизненных ситуациях пользуется своими способностями махатмы. Как уже было указано выше, подобная точка зрения, как бы мы не старались воздать должное в своих мыслях этим самым качествам махатм, неизбежно заводит нас в тупик, а затем и в противоположную крайность, когда мы, в какой-то мере ознакомившись с

реалиями оккультного мира, начинаем упускать из виду земную, человеческую природу адепта, что еще больше усугубляет наше заблуждение. Ведь как раз потому, что самые высокие адептские качества имеют отношение к тем принципам человеческой природы, которые всецело превосходят пределы физического существования, адепт, или махатма, может быть таковым (в высшем смысле этого слова) лишь когда он, как говорится, "вне тела", или, во всяком случае, когда он по своей воле вошёл в какое-то необычное состояние. Однако когда ему не требуется таких усилий, а тем более полного выхода за пределы своей плотской темницы, адепт гораздо больше похож на обычного человека, нежели склонны считать его ученики, знающие его в некоторых других его аспектах.

Правильное понимание этого положения вещей позволяет устранить кажущееся противоречие в отношениях между оккультным учеником и учителем, возникающее вследствие некоторых высказываний учителя, которые он то и дело повторяет. Например, махатмы постоянно утверждают, что их нельзя считать непогрешимыми, что они — такие же люди, как и все мы, только, возможно, с несколько более обширными познаниями о природе, чем у основной массы человечества, и что им так же свойственно ошибаться — как в своей практической деятельности, так и в оценке характера других людей или способностей претендентов на оккультное развитие. Но как же нам примирить эти утверждения с фундаментальным принципом, лежащим в основе всякого оккультного исследования, — принципом, согласно которому неофит должен полностью и безоговорочно верить учениям и наставлениям своего учителя? Разрешение этого затруднения следует искать в том положении вещей, о котором мы только что говорили. В то время как адепт, как это ни удивительно, может иногда заблуждаться в мирских делах (точно так же, как известные нам величайшие земные гении нередко ошибаются в своей повседневной жизни, порою даже там, где самый обычный деловой человек ни за что не допустил бы ошибки), с величайшими тайнами духовной науки он соприкасается непосредственно, благодаря использованию своих качеств махатмы, и потому в отношении этих тайн он едва ли будет подвержен ошибкам.

Эти соображения убеждают нас в том, что достоверность учений, заимствованных из того же источника, что и содержание данной книги, не зависит от мелких досадных казусов, возникающих порою по мере накопления нами нового опыта и, как нам кажется, требующих пересмотра прежнего восторженного доверия к высшей мудрости адептов, возникшего при наших первых подходах к изучению оккультизма.

Не следует думать в связи с этим, будто энтузиазм или почтение оккультного члена к своему учителю уменьшаются по мере лучшего знакомства с миром, в который он вступает. И то обстоятельство, что человек, который в одном из своих аспектов является махатмой, в повседневной жизни далеко не так заметно возвышается над обычным уровнем человеческих ощущений, чем мы можем это вообразить на основании некоторых его нирванических опытов, скорее вводит его в круг любящих человеческих отношений, нежели подрывает его право на уважение.

И если мы постоянно будем помнить о том, что адепт становится адептом в полном смысле этого понятия только тогда, когда использует свои экстраординарные способности — и когда он это делает, то действительно может вознестись на уровень непосредственного духовного взаимодействия с тем, что мы называем всеведением (во всяком случае, в пределах нашей Солнечной Системы), — это позволит нам уберечься от многих ошибок, неизбежных при приближении к подобным темам.

Некоторые сложности, связанные с природой адепта, невозможно прояснить, не обратившись к содержанию последующих глав этой книги. Однако эти моменты настолько важны для правильного понимания того, что в действительности представляет собою адепт, что удобнее рассмотреть их прямо сейчас. Двойственная природа махатмы настолько совершенна, что его влияние или, вернее, его мудрость, принадлежащая к высшим планам природы, может реально заимствоваться теми, кто поддерживает с ним особые психические отношения. При этом земной махатма может даже не догадываться о том, откуда к нему поступил такой призыв. Учитывая этот факт, мы можем предполагать возможность установления между духовным махатмой и земным махатмой-человеком таких отношений, о которых в эзотерической литературе иногда говорят как об осенении, а не о воплощении в полном смысле этого слова.

Отдельное усложнение вносит тот факт, что всякий махатма — это не просто человеческое "я" в более возвышенном, чем у большинства людей, состоянии, но принадлежит, если можно так сказать, к какому-то особому отделу огромного царства природы. Каждый адепт должен принадлежать к какому-либо из семи типов,* и хотя мы можем с достаточной степенью уверенности предположить, что между этими типами и семью принципами человека явно должно быть какое-то соответствие, я воздержусь пока что от каких-либо попыток детального анализа данной гипотезы. Достаточно применить эту идею к нашим смутным познаниям, касающихся высших отделов оккультной организации. Некоторое время назад в эзотерической литературе упоминались пять великих чоханов, или верховных махатм, возглавляющих братство адептов. Когда я писал предыдущую главу этой книги, у меня складывалось впечатление, что этими пятью чоханами руководит еще один верховный начальник, стоящий на более высоком уровне. Однако теперь мне представляется, что этого наставника следует считать скорее шестым чоханом, возглавляющим шестой тип махатм; что в свою очередь приводит к заключению о седьмом чохане, завершающем ряд уловленных нами соответствий. И если седьмой принцип в природе или в человеке есть понятие в высшей степени непостижимое, недоступное никакому интеллектуальному осмыслению и описываемое исключительно ничем не значащими для нас метафизическими фразами, то мы можем быть уверены в том, что седьмой чохан совершенно недоступен рядовому воображению. Но даже он, без сомнения, играет свою роль в том, что мы могли бы назвать высшей экономикой духовной природы, и можно не сомневаться в том, что время от времени является видимым для других махатм. Следовательно, всякие рассуждения о нем могут быть полезны исключительно в плане придания логической обоснованности уже высказанной ранее идее, согласно которой махатмы, в своем истинном аспекте, должны рассматриваться как закономерное природное явление, без которого эволюцию человечества

невозможно было бы представить как всеобъемлющий процесс, а не как отдельные случаи достижения огромных духовных высот исключительными людьми.

---

* Или лучей. — *Прим. ред.*

Глава II

СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Прежде чем предпринимать какие-то попытки объяснить, какими способами оккультная наука приобретает свои космогонические познания, необходимо представить читателю краткий очерк этой космогонии. Методы эзотерического исследования проистекают из природных фактов, с которыми экзотерическая наука совершенно незнакома. С ними и связано ускоренное развитие у адептов оккультизма тех способностей, которые еще не развиты у основной массы человечества. И эти способности помогают, в свою очередь, их обладателям изучать тайны природы и проникать в суть ее великого плана, всё более убеждаясь в истинности эзотерических учений. Ученик, изучающий оккультизм на практике, может сперва развить такие способности, а затем уже использовать их при наблюдении за природой; однако прежде чем рассказывать о необходимых для подлинно оккультного исследования внутренних чувствах западному читателю, требующему исключительно интеллектуальных объяснений, необходимо в общих чертах изложить оккультную теорию строения природы. С другой стороны, добиться научного изложения оккультной космогонии удалось бы лишь за счёт понятности для западного читателя. Если начинать с самого начала, то нам следует прежде всего постараться представить себе состояние вселенной на заре эволюции. Эту тему эзотерические ученики ни в коем случае не обходят своим вниманием, и чуть далее по ходу этого очерка мы попытаемся сформулировать в самых общих чертах взгляды оккультизма на те ранние процессы, через которые космическая материя проходит на своем пути к эволюции. Однако последовательное изложение этих первичных природных процессов потребует ссылок на духовный состав человека, которого не понять без некоторых предварительных пояснений.

Согласно эзотерической науке, в состав человека входят семь принципов, или начал. Их классификация настолько сильно отличается от всего, что до сих пор могло быть известно европейским читателям, что меня непременно спросят, на каком основании оккультизм строит столь далекоидущие выводы. Однако, учитывая некоторые специфические особенности, присущие этому вопросу, о которых будет сказано ниже, я вынужден просить читателя отнестись к этому восточному учению не по-западному, а по-восточному, во всяком случае, на первых порах. Восточные и европейские методы передачи знания отличаются друг от друга настолько, насколько это вообще возможно. Запад на каждом шагу подстегивает скептический инстинкт ученика, поощряя споры и поддерживая сомнения. Ученику запрещается принимать какое-либо научное утверждение на

веру, полагаясь на авторитеты. Параллельно с усвоением знания, он должен понять, как это знание было приобретено. Его учат думать, что от простого знания факта мало пользы, если он не в состоянии доказать, что это действительно факт. На Востоке от ученика требуется нечто совершенно иное. Здесь доказательству истинности учения придается никоим образом не меньшее значение, чем на Западе, только речь идет о доказательствах совершенно иного рода. Восточный метод исследования позволяет ученику изучать природу самостоятельно и самому проверять истинность учения — непосредственно в тех сферах, в которые западная философия может проникать только через опосредованные рассуждения и выводы. Последователи восточного метода не тратят силы на споры. Он гласит: "То-то или то-то есть факт; вот ключ к познанию, ступай и убедись в этом сам". И в этом случае оказывается, что учение как таковое базируется исключительно на авторитетах. Учения и доказательства их истинности не идут рука об руку, но следуют одни за другими в должном порядке, из чего можно сделать вывод, что восточная философия пользуется методом, абсолютно неприемлемым для Запада, так как он противоречит западной линии интеллектуального развития, поскольку состоит в рассуждении от общего к частностям. Разумеется, подобная методика совершенно не отвечает тем целям, которые в большинстве случаев преследует европейская наука; и я уверен, что каждый, кто отнесется с достаточным вниманием к этому исследованию, рано или поздно ощутит, что европейская система мышления — от частных знаний к обобщающим выводам — также абсолютно к нему неприменима. В этой области знания невозможно понять какие бы то ни было детали, не получив сперва общего представления обо всей исследуемой системе. Даже передача этих общих представлений простым общедоступным языком является трудоемким и крайне сложным делом. Было бы практически невозможно останавливаться после каждого заявления, чтобы подыскать соответствующее доказательство, которое подтверждало бы его истинность и обоснованность. Подобный метод вскоре истощил бы терпение читателя, который в результате так и не смог бы приобрести сколь-нибудь конкретное представление о смысле и значении эзотерической доктрины, и моя цель не была бы достигнута.

Эти рассуждения, между прочим, подсказывают нам новую точку зрения, тесно связанную с нашим предметом, на методы рассуждения, принятые в платоновской и аристотелевской системах. Система Платона, упрощенно описываемая как размышления от универсалий к частностям, отринута современной западной цивилизацией в пользу более поздней и диаметрально противоположной системы. Платон не имел возможности свободно отстаивать собственную точку зрения. Есть все основания считать, что создать свою систему ему помогло близкое знакомство с эзотерической наукой; но если он был посвященным оккультистом, то на него должны были распространяться обычные ограничения, вынуждавшие его быть осторожным в выборе аргументов в защиту этой системы. Достаточно познакомиться с эзотерической наукой в самых общих чертах (даже в пределах содержания этой книги) и обратиться затем к Платону (или же просто к разумному краткому изложению его системы мышления), чтобы обнаружить многочисленные соответствия.

Высшие из составляющих человека принципов еще не развиты в обычном, хорошо знакомом нам человечестве; но полностью сформировавшийся, или совершенный, человек складывается из нижеследующих элементов. Мы приводим их названия как на языке оригинала (санскрите), так и в переводе, дабы облегчить их приложение к текстам известных экзотерических буддийских сочинений.*

1. Тело	Рупа.
2. Жизненная сила	Прана, или джива.
3. Астральное тело	Линга-шарира.
4. Животная душа	Кама-рупа.
5. Человеческая душа	Манас.
6. Духовная душа	Буддхи.
7. Дух	Атма.

---

* Принятая здесь терминология несколько отличается от той, которую читатель мог видеть в первом, отрывочном изложении этого же самого учения на страницах журнала "Теософист". Из последующих объяснений станет ясно, что названия, которым мы ныне отдаем предпочтение, дают более полное представление обо всей системе и позволяют избежать некоторых затруднений, создаваемых прежней терминологией. И если прежнее изложение эзотерической науки было несовершенным, то едва ли стоит удивляться тому, что ее английским распространителям приходилось сталкиваться с разного рода сложностями. Однако не было допущено никаких столь существенных ошибок, о которых стоило бы сожалеть и которые потребовали бы извинений. Выбранные для этой книги и переведенные термины точнее передают смысл и сопутствующие значения оригинальных понятий, нежели те, что использовались ранее; однако все прежние толкования, в том, что касается их фактического содержания, находятся в полной гармонии с нынешними.

Как только столь трансцендентные понятия, как некоторые из упомянутых, оказываются изложенными в виде таблицы, они как бы подвергаются некоторому выхолащиванию, против которого мы должны быть всегда настороже, когда пытаемся осознать, что же они означают. Конечно же, даже самый опытный наставник в области оккультных наук не смог бы представить каждый из этих принципов отдельно и обособленно от остальных, как это можно проделать, например, с отдельными частями физического тела. Физические компоненты тела можно отделить друг от друга и демонстрировать по отдельности, потому что все они принадлежат к одному и тому же уровню материальности, но оккультные элементы человека существуют на весьма различных уровнях, или планах. Даже тончайшие газы, входящие в химический состав человеческого тела, оказываются, в масштабах целого, почти что на самом низком уровне материальности. Второй принцип, который, благодаря своему тесному контакту с грубой материей, изменяет ее, переводя ее из состояния, которое мы обычно называем неорганическим (хотя правильнее, пожалуй, было бы называть его инертным), в живое состояние, уже представляет собою нечто качественно отличное даже от самых тончайших форм материи в ее низшем состоянии. Так можем ли мы называть этот второй принцип материальным? Заданный в самом начале нашего исследования, этот вопрос сразу же переносит нас в эпицентр тонкой метафизической дискуссии о том, тождественны ли сила и материя или же отличны друг от друга. Пока что достаточно будет сказать, что оккультная наука

считает их тождественными, и что ни один из принципов природы не рассматривается ею как полностью нематериальный. Таким образом, несмотря на то, что ни одна концепция вселенной, человеческого предназначения или природы в целом не является более духовной, нежели концепция оккультной науки, эта наука полностью свободна от распространенной логической ошибки приписывать материальным следствиям нематериальные причины. А следовательно, эзотерическая доктрина является тем самым недостающим звеном, которое связывает материализм с духовностью.

Ключ к этой тайне кроется, конечно же, в той непосредственно познаваемой мастерами оккультизма истине, что материя существует и в иных состояниях помимо тех, которые мы можем воспринимать нашими пятью чувствами.

Итак, второй принцип человека (жизненность) состоит из материи в силовом её аспекте, и сродство её с грубой материей столь велико, что её невозможно отделить ни от одной ее частицы или массы иначе как на краткий миг перехода к другой частице или массе. Когда человеческое тело умирает, вследствие отделения от него высших принципов, делавших его живым существом, второй (или жизненный) принцип, который также теряет свою целостность, всё-таки остается в частицах этого тела в период его распада, переходя затем в другие организмы, которым сам этот процесс распада дает жизнь. Похороните тело в земле, и его джива перейдет в растительность, которая появится на поверхности, или в низшие животные формы, выстраивающие свои тела из разлагающегося вещества. Сожгите тело, и неразрушимая джива так же мгновенно вернется в тело планеты, из которого она была первоначально позаимствована, чтобы потом присоединиться к какому-нибудь новому материальному образованию, согласно её сродству.

Третьим принципом является астральное тело, или линга-шарира — эфирный двойник физического тела, его первоначальный прообраз. Линга-шарира направляет дживу, оживляющую физические частицы и заставляющую их выстраиваться в ту или иную форму. И поскольку сама она оживляется вышестоящими принципами, ее целостность сохраняется только благодаря единению с ними. После смерти тела для нее наступает краткий период развоплощенного существования, и в это время, при стечении некоторых аномальных обстоятельств, она может стать доступной физическому зрению живущих на земле людей. В этом случае её принимают, конечно же, за призрак умершего человека. Появление привидений может быть вызвано и другими причинами, но всякий раз, причиной видимого явления является именно этот принцип, он представляет собою всего лишь определенное состояние скопления молекул, у которого нет никакой собственной жизни и никакого собственного сознания. Это — существо не в большей степени, чем облако, которому случилось принять форму, напоминающую какое-нибудь животное. В общем, линга-шарира никогда не покидает тело, кроме как после смерти, и даже в этом последнем случае она не отдаляется от тела на сколько-нибудь значительное расстояние. А если она и становится видимой, что само по себе бывает крайне редко, то только рядом с тем местом, где находится ее физическое тело. В некоторых особых случаях, сопряженных со спиритическим медиумизмом, линга-шарира может на некоторое время вытекать из физического тела и становиться видимой неподалеку

от него; однако в это время медиум подвергает свою жизнь существенной опасности. Если, случайно или намеренно, условия, при которых астральное тело было высвобождено, будут изменены, его возврат к физическому телу может оказаться затруднен. Тогда второй принцип вскоре перестанет оживлять физическое тело как целостный организм, что повлечет за собою физическую смерть.

В последние год или два, когда отрывки и намёки оккультной науки начали проникать в непосвященный мир, выражение "астральное тело" стало использоваться для обозначения некоего подобия человеческой формы, в котором присутствуют все вышестоящие принципы и которое может удаляться на сколь угодно большое расстояние от физического тела, осознанно и с определенной целью выделяемое живым адептом или же бессознательно направляемое произвольным импульсом определенных ментальных сил в момент смерти, когда происходит высвобождение человеческих принципов. В использовании такого выражения для практических целей нет никакого неудобства — в действительности, более точное выражение, как вскоре будет видно, оказалось бы громоздким, и мы можем продолжать использовать этот термин в обоих его значениях. Это не должно привести к путанице, хотя, строго говоря, лингвистика, или третий принцип, это астральное тело, которое не может посылаться в качестве проводника высших принципов.

Три низших принципа, как будет показано ниже, всецело земные; они смертны по своей природе как целостные образования, хотя неразрушимы в том, что касается их молекул. После смерти человек полностью избавляется от них.

Четвертый принцип является первым из принадлежащих к высшей природе человека. Его санскритское название кама-рупа часто переводится как "тело желания", хотя это довольно неуклюжее и не совсем точное выражение. Более точным переводом этого термина, отражающим скорее смысл, нежели буквальное значение слов, было бы "проводник воли"; однако уже принятое ранее название "животная душа", возможно, точнее передаёт идею.

В журнале "Теософист" за октябрь 1881 года, где были опубликованы первые указания на существование семичленного состава человека, "животной душой" был назван пятый принцип, дабы его можно было противопоставить шестому принципу, или "духовной душе". Впрочем, справляясь с задачей противопоставления, он в то же время низводил пятый принцип до животного уровня, хотя по своей сути этот принцип — чисто человеческий. Хотя земное человечество по своей природе стоит ближе к животным, нежели к духу, во всех остальных аспектах оно возвышается над четко очерченными рамками животного творения. Предлагая теперь новое название для пятого принципа, мы можем вернуть определение "животная душа" на его законное место. Это уточнение ни в коей мере не отменяет утверждения о том, что четвертый принцип является вмещителем воли и желания (на что указывает его санскритское название). И в то же время кама-рупа — это животная душа, наивысший *развившийся* принцип животного существа, способный эволюционировать в нечто гораздо более возвышенное путем союза с развивающимся в человеке пятым принципом. Но всё-таки животная душа, которой вовсе не лишен каждый человек, является

вместилищем всех животных желаний, а также могущественной силой, которая может устремляться, если можно так сказать, как вверх, так и вниз: она способна влиять на пятый принцип, определяя характер его деятельности, и в то же время сама может находиться под его контролем и совершенствоваться под его влиянием.

Пятый принцип — человеческая душа, или манас (как называется на санскрите один из его аспектов), — является вместилищем рассудка и *памяти*. На самом деле именно часть этого принципа, оживляемая четвертым принципом, посылается адептом в отдалённые места, проявляясь в той форме, которую называют обычно астральным телом.

У большинства людей пятый принцип (или человеческая душа) до сих пор еще развит не полностью. И этот факт неполного развития высших принципов очень важен. Мы не сможем правильно понять нынешнее место человека в природе, если будем ошибочно считать его уже окончательно сформировавшимся, совершенным существом. Эта ошибка может стать фатальной для всякого сколь-нибудь правдоподобного прогноза относительно будущего, ожидающего человечество, и не менее губительной для адекватной оценки обоснованности того прогноза на будущее, который предлагает человечеству эзотерическая доктрина.

Раз пятый принцип еще не полностью развит, то можно и не говорить о том, что шестой принцип находится пока лишь в зачаточном состоянии. На это уже неоднократно и в различной форме указывалось в недавних предвосхищениях великого учения. Иногда говорилось, что в действительности у нас еще нет никакого шестого принципа, а есть только его потенциальный зародыш. Говорилось также, что шестой принцип находится не в нас, а как бы парит над нами и что он является тем, к чему нас должны двигать самые возвышенные устремления нашей природы. Однако было сказано также и следующее. У всех вещей — не только у человека, но и у каждого животного, растения и минерала, — есть семь принципов, и высочайший из них, седьмой, оживляет непрерывающуюся нить жизни, которая тянется через всю эволюцию, последовательно соединяя друг с другом почти неисчислимые воплощения этой самой единой жизни, образующие полный ряд. Таким образом, чтобы понять идею шестого принципа, нам остается только усвоить все эти концепции, собрать их воедино и извлечь из них суть. Развивая далее ту же последовательность идей, которая побудила нас назвать четвертый принцип животной душой, а пятый — человеческой душой, мы можем применить наименование "духовная душа" к шестому принципу человека, а седьмым принципом, соответственно, будет сам дух.

Другой аспект этой же самой идеи представляет шестой принцип проводником седьмого, а четвертый — проводником пятого; и если рассматривать в этом аспекте все высшие принципы человека, начиная с четвертого и далее, то мы можем заметить, что каждый из них является проводником того, что в буддийской философии называется Единой Жизнью или Духом. Согласно этому воззрению, единая жизнь и есть то, что совершенствуется, населяя разные проводники. У животного единая жизнь сосредоточена в кама-рупе. У человека она начинает проникать также и в пятый принцип. У совершенного человека она проникает в

шестой; а когда она достигает седьмого, человек перестает быть человеком и достигает качественно нового состояния бытия.

Последний взгляд на вещи особенно ценен потому, что он оберегает нас от соблазна увидеть в этих четырех высших принципах нечто вроде связки прутьев, каждый из которых сохраняет свою собственную индивидуальность, даже когда между ними уже нет связи. Но ни животная душа, ни духовная душа сами по себе не обладают какой бы то ни было индивидуальностью, а с другой стороны, и пятый принцип нельзя отделить таким образом, чтобы он сохранял свою индивидуальность, в то время как оба покинутых им принципа оставались без сознания. Мы уже говорили, что даже самые возвышенные принципы материальны и имеют молекулярную структуру, хотя и состоят из материи гораздо более высокого порядка, нежели та, которую могут ощутить физические чувства. Так что они отделимы, и шестой принцип можно представить как отделившийся от своего нижестоящего соседа. В этом состоянии отделенности и на этой стадии развития человечества он легко может, в случае необходимости, перевоплотиться и вырастить новый пятый принцип через взаимодействие с человеческим организмом. В таком случае оставленный пятый принцип по необходимости будет опираться на четвертый: он соединится с ним и соответственно станет более низменным. И всё же этот пятый принцип, не могущий существовать обособленно, и является личностью человека; а наиболее возвышенная его часть в сочетании с шестым принципом составляет бессмертную индивидуальность человека, переходящую из одной жизни в другую.

Обстоятельства и силы притяжения, из-за которых разделяются принципы, а также происходящие при этом изменения в человеческом сознании будут рассмотрены позже. Пока же для лучшего понимания всей точки зрения, к которой можно прийти благодаря продолжению исследований в указанных направлениях, обратимся сначала к рассмотрению эволюции, в результате которой развились принципы человека.

Замечания

Метод изложения эзотерического учения в этой книге уже подвергся нареканиям как материалистический. Однако я сомневаюсь, что те идеи, которым она посвящена, можно было бы довести до сведения моего читателя каким-либо более доступным и понятным способом. А поняв существо этих идей, несложно будет потом перевести их на язык идеализма. Излагать учение о высших принципах гораздо проще, если представить эти принципы как различные состояния "я", а специфические качества этих состояний — как принципы, проходящие эволюцию. Было бы небесполезным также рассмотреть ту точку зрения на строение человека, согласно которой сознание последовательно проходит через определенные стадии развития, представляемые различными принципами.

По поводу самого высокого из тех этапов эволюции, что нам нужно рассмотреть, то есть ступени совершенного махатмы, в оккультных учениях иногда утверждается, что сознание "я" приобретает при этом способность полностью

пребывать в шестом принципе. Однако было бы слишком упрощенно и ошибочно полагать, будто махатма в этом случае просто сбрасывает с себя, как ненужные оболочки, четвертый и пятый принципы, в которых его сознание пребывало на более раннем этапе эволюции. На самом деле сущность, которая *была* ранее четвертым или пятым принципом, просто изменяет свои свойства, полностью освобождается от некоторых своих тенденций и предрасположенностей и таким образом *становится* шестым принципом. Более простыми словами это изменение можно описать как освобождение природы адепта от привязанности к своему низшему "я", от желаний обычной земной жизни и даже от ограничений, создаваемых привязанностями обычного человека; поскольку "я", ставшее полностью сознательным на уровне шестого принципа, осознаёт единство истинных "я" всего человечества на высшем уровне и потому не может испытывать к одному человеку б`ольшую привязанность, чем к другому. Такой человек любит все человечество в целом, и эта любовь превосходит любовь уровня майи, или иллюзии, создающей обособленные человеческие личности для обособленного существования на низших уровнях эволюции. Он не потерял свои четвертый и пятый принципы — они тоже достигли уровня махатмы, точно так же животная душа, принадлежащая к нижестоящему царству, достигнув человеческого уровня, расцветает в пятое состояние. Это соображение помогает нам лучше осознать, как происходит прохождение обычных людей через долгую последовательность воплощений. Как только примитивный человек в достаточной степени утвердился на этой ступени существования, его сознание начинает постепенно приобретать качества пятого принципа. Однако поначалу "я" остается средоточием мыслительной деятельности, направляемой преимущественно импульсами и желаниями четвертого этапа эволюции. Поначалу вспышки более высокого человеческого разума озаряют его лишь периодически, но более интеллектуальный человек постепенно вступает во всё более полное владение пятым принципом. Импульсы человеческого мышления проявляются в нем со всё более возрастающей силой. Укрепленный разум становится доминирующим фактором в жизни. Сознание перемещается в пятый принцип, но еще долгое время колеблется между склонностями высшей и низшей природы, что охватывает весьма продолжительный период развития во много сотен жизней, в течение которого "я" постепенно очищается и повышает свой уровень. Таким образом, всё это время оно является целостным существом лишь в одном аспекте материи, а его шестой принцип остается для него потенциальной возможностью, конечной целью его развития. Что же касается седьмого принципа, то это поистине непостижимая, наивысшая причина всех вещей, та же самая для одного человека, и для всего человечества, и для животного царства, и для физического, и для астрального, и для дэвачанического, и для нирванического планов бытия. Ни об одном человеке нельзя сказать, что он имеет собственный седьмой принцип, если трактовать этот термин в его подлинном, возвышенном значении: мы все, одним и тем же непостижимым образом, осенены седьмым принципом космоса.

Но как согласуется это со сделанным выше заявлением о том, что в определенном смысле принципы отделимы друг от друга и что можно представить себе даже, как шестой принцип отделяется от своего нижестоящего соседа и посредством перевоплощения выращивает новый пятый принцип через взаимодействие с человеческим организмом? По своему духу эти две точки зрения никоим образом

не противоречат друг другу. Седьмой принцип — единый и неделимый для всей природы, но из него постоянно и таинственно исходят особые жизненные импульсы, создающие те самые нити, на которые могут быть нанизаны последовательные существования. Такой жизненный импульс не исчезает даже в том чрезвычайно редком случае, когда выделенное им "я" уже продвинувшееся вместе с ним по пути эволюции до некоей определенной точки, вдруг полностью отпадает от него, как единое целое.* Я не настолько большой знаток, чтобы со всею уверенностью, категорически утверждать, что именно происходит в подобном случае; но последовательные воплощения духа по линии того же самого жизненного импульса при этом не прекращаются, а продолжают на основании того, что осталось. Таким образом, анализируя эту идею с материалистической точки зрения, мы можем сказать (насколько точно, насколько это допускают возможности английского языка), что шестой принцип падшего существа в вышеописанном случае отделяется от первоначального пятого и перевоплощается сам по себе.

---

* Об этом редком случае, иногда называемом "потерянной душой", Е. П. Блаватская даёт объяснения в III томе "Тайной доктрины". — *Прим. ред.*

Впрочем, нам нет пока необходимости подробно останавливаться на этих необычных процессах. Следует для начала разобраться с нормальным ходом эволюции. И хотя рассмотрение учения о семи принципах является, на мой взгляд, способом, позволяющим более ясно передать суть вопроса, хорошо бы и помнить, что "я" есть некое единство, эволюционирующее через разные сферы или состояния бытия, и проходящее перемены, рост и очищение на протяжении всей своей эволюции, и что оно есть сознание, пребывающее в том или ином из потенциальных качеств человеческого существа.

Глава III

ПЛАНЕТНАЯ ЦЕПЬ

Хотя эзотерическая наука является самой духовной системой, какую только можно представить, она предлагает самое исчерпывающее учение об эволюции, которое может постичь человеческий разум, охватывая при этом все стороны природы. Дарвиновская теория эволюции является просто отдельным открытием некоторой, к сожалению, очень небольшой, части великой истины природы. Но оккультисты знают, как можно изложить учение об эволюции, не принижая высших принципов человека. Эзотерическая доктрина вовсе не обязана держать свою науку и религию в отдельных водонепроницаемых сосудах. Ее теория физики и её теория духовности не только не противоречат друг другу, но и очень тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. И самый первый великий факт, касающийся происхождения человека, который предлагает нам оккультная наука, как будет видно далее, способен помочь нашему воображению справиться с некоторыми серьезными затруднениями знакомой нам научной концепции эволюции. Эволюция человека — процесс, который происходит не только на этой

планете. Это результат, в достижение которого внесли свой вклад многие миры, находившиеся в разных состояниях материального и духовного развития. Даже если бы это заявление было высказано как обычная гипотеза, оно непременно должно было бы привлечь к себе самое серьезное внимание со стороны рационально мыслящих умов. Ибо невозможно не заметить явной иррациональности в расхожих представлениях, согласно которым человеческое существование делится на начальный период — материальное существование, продолжающееся шестьдесят или семьдесят лет, и остальной период — духовное существование, которое длится вечно. Неразумность этого доходит до абсурда, когда нам говорят, что совершенная справедливость мудрого Провидения позволяет деяниям первых шестидесяти или семидесяти лет, наполненных ошибками и беспомощными метаниями невежественной человеческой жизни, определять условия всего последующего, бесконечного существования. И даже если не принимать во внимание справедливость, нельзя не удивляться тому, что загробная жизнь не подчинена закону изменения, развития и совершенствования, несмотря на то, что всякая аналогия природы указывает на то, что этот закон проходит через все состояния существования вселенной. Но стоит только отказаться от идеи единообразной, неизменной и лишенной развития загробной жизни и применить к ней концепцию изменения и прогресса, и мы должны будем признать, что ни одна гипотеза не вписывается так органично в эту эволюционную концепцию, как гипотеза о прохождении через последовательность миров. И как мы уже говорили ранее, для оккультной науки это вовсе не гипотеза, а проверенный и доказанный факт, не вызывающий (у оккультистов) никаких сомнений и возражений.

Жизнь и эволюционные процессы этой планеты (то есть всё, что делает её чем-то б`ольшим, нежели просто мёртвым сгустком хаотической материи) связаны с жизнью и эволюционными процессами некоторых других планет. Но не следует полагать, что у этой планетной цепи, к которой мы принадлежим, нет ни начала, ни конца. Выпущенное на свободу человеческое воображение склонно временами заходить слишком далеко. Стоит только принять гипотезу, согласно которой наша Земля является всего лишь звеном в великой цепи миров — предполагаемой или истинной, — и наше воображение может превратить всё звездное небо в законное наследство человеческого рода. Подобная идея может привести к серьезному заблуждению. Разумеется, одна планета не дает природе достаточных возможностей для того, чтобы из хаоса мог развиваться человек; однако для этого процесса требуется ограниченное и вполне определенное число планет. Если судить по их грубой, механической материи, то эти планеты обособлены одна от другой, но на самом деле они тесно связаны друг с другом тонкими потоками и силами, существование которых разуму будет не так уж трудно допустить, поскольку наличие *некоторой* связи — посредством сил или эфирной среды, — соединяющей все видимые небесные тела, подтверждается уже тем фактом, что они *видимы*. Именно по этим тонким потокам элементы жизни переходят из одного мира в другой.

Впрочем, и этот факт человеческий разум склонен истолковывать превратно, следуя своим привычным представлениям. Так, некоторые наши читатели могут вообразить, будто после смерти тела бессмертная человеческая душа будет

втянута в потоки того мира, с которым её связывает естественное сродство. Но в действительности этот процесс протекает более методично. Система миров являет собою цикл, через который должны пройти *все* индивидуальные духовные сущности; и это продвижение как раз и составляет эволюцию человека. Нужно сознавать, что человеческая эволюция — процесс незавершённый, он всё ещё продолжается. Сочинения Дарвина приучили современный мир считать своим предком обезьяну, но банальное тщеславие западной мысли нечасто позволяет европейским эволюционистам смотреть в противоположном направлении и задумываться над возможностью того, что нашим отдаленным потомкам мы тоже будем казаться точно такими же, какими представляются нам сейчас наши малосимпатичные предки. Оба сформулированных выше факта взаимосвязаны. Наше высшее развитие будет завершено путём прохождения через последующие миры системы; и мы будем снова и снова возвращаться на эту Землю во всё более высоких формах. Однако пути мысли, которые позволили бы взглянуть в эту отдаленную перспективу, находятся далеко за горизонтом нашего ограниченного воображения.

Несложно понять и признать то, что далеко не все миры из той цепи, к которой относится наша Земля, пригодны для материального существования, в точности или хотя бы приблизительно напоминающего наше собственное. В существовании упорядоченной цепи миров не было бы никакого смысла, если бы все они были похожими друг на друга и допускали бы возможность соединения в один мир. В действительности те миры, с которыми мы связаны, очень непохожи друг на друга, и не только по внешним условиям, но и по самому главному параметру — по соотношению духа и материи в их структуре. В нашем нынешнем мире дух и материя представлены примерно в одинаковой пропорции и находятся в равновесии. Однако из этого вовсе не следует, что наш мир занимает достаточно высокое место в шкале совершенства. Напротив, его положение на ней крайне низкое. Более высокие на этой шкале — те миры, в которых значительно преобладает дух. К нашей цепи присоединен еще один мир (именно скорее присоединен, нежели составляет ее часть), в котором материя утверждает себя еще более явно, чем на нашей Земле; однако о нем можно будет сказать позже.

Сама по себе приходит в голову мысль о том, что вышестоящие миры, которые человеку предстоит населять по ходу своей восходящей эволюции, должны постепенно становиться всё более и более духовными, и жизнь в них будет постепенно избавлена от грубых материальных нужд. Но при этом с первого взгляда может показаться, что миры, которые, напротив, допустимо назвать нижестоящими (хотя правильнее было бы называть их предшествующими), должны быть менее духовными и более материальными, чем наша Земля. Однако это не так, в чём несложно убедиться, вдумчиво поразмыслив над тем, что цепь миров бесконечна, то есть эволюционный процесс непрестанно движется по кругу. Если бы этот процесс можно было представить себе в виде прямого пути, который никогда не возвращается на круги своя, то можно было бы подумать, что мировой прогресс постепенно ведет нас от абсолютной материальности к чистому, абсолютному духу. Но природа избегает прямолинейного движения и всегда идёт по замкнутым путям, которые повторяют сами себя. Самыми нематериальными и бесплотными из всей цепи являются самый первый и самый последний из

развивающихся миров, то есть самые отдаленные от нас как впереди, так и позади. И это вполне соответствует логике вещей, в чем можно убедиться, если принять во внимание тот факт, что самый последний из миров нашей цепи вовсе не является конечным; напротив, он — ступень к началу, так же как последний месяц года, декабрь, ведет нас к новому январю. Не следует думать также, будто это некая высшая точка, откуда индивидуальная монада падает, словно в пропасть, в то состояние, из которого она миллионы лет назад начала свое медленное восхождение. Путь, соединяющий мир, являющийся для нас конечным на восходящей дуге цикла, с самым первым миром на нисходящей дуге, который является в определенном смысле самым низким в нашей цепи развития, вовсе не похож на падение. Напротив, этот путь продолжает прежнее прогрессирующее восхождение. Ведь духовная монада (или сущность), преодолевающая весь цикл эволюции, всякий раз начинает новый виток, или новую стадию развития, на которые делится проходимый нами эволюционный путь, с более возвышенной ступени. Поэтому завершение цикла и переход от буквы "Я" снова к букве "А" не влечет за собою регресса. Монада проходит по цепи миров не один, а много кругов; однако не следует воспринимать ее развитие как простое круговое движение по орбите. На шкале духовного совершенства ее траектория образует непрестанно восходящую спираль. Если мы сравним эту цепь миров с системой расставленных по кругу многоэтажных башен, каждый этаж которых символизирует определенный уровень совершенства, то можно сказать, что духовная монада, круг за кругом, движется по их галереям, проходя поочередно каждую башню, но с каждым новым кругом она взбирается на более высокий этаж.

Именно из-за того, что эта идея не осознаётся, все умопостроения, основанные только лишь на физической эволюции, неизменно натываются на глухую стену. Это поиск недостающих звеньев в том мире, где их более невозможно найти, поскольку они были нужны лишь временно, а потом исчезли. Человек, говорят дарвинисты, был некогда обезьяной. Это так; однако известные дарвинистам обезьяны никогда не станут людьми — то есть их *форма* не станет меняться от поколения к поколению до тех пор, пока не отвалится хвост, задние лапы не превратятся в ноги и так далее. Обычная наука признает, что, хотя внутривидовые изменения возможны, о переходе одного вида в другой можно делать заключение лишь на основе вывода. Она довольствуется предположением, что для перехода одного вида в другой потребовались огромные периоды времени, а все промежуточные формы уже вымерли. Не приходится сомневаться в том, что промежуточные или ранние формы всех видов (в самом широком смысле этого слова, то есть промежуточные виды, принадлежащие ко всем царствам: минеральному, растительному, животному, человеческому и так далее) действительно вымерли; но обычная наука может просто строить догадки, будучи не в состоянии понять, что за условия сделали их вымирание неотвратимым и что воспрепятствовало продолжению физического размножения этих промежуточных форм.

Именно спиральным характером продвижения жизненных импульсов, развивающих различные царства природы, объясняются пробелы, наблюдаемые ныне между животными формами, населяющими Землю. Бороздка винтовой

резьбы представляет собой ровную наклонную плоскость, но если смотреть на нее вдоль линии, параллельной её оси, то она выглядит как прерывистая череда равномерных ступенек. Духовные монады, совершающие свое циклическое движение на животном уровне, переходят в другие миры после того, как пройдут через этап животного воплощения. Ко времени своего возвращения они уже готовы воплотиться в человеческой форме; и при этом нет никакой необходимости осуществлять развитие человеческих форм из животных, поскольку эти человеческие формы уже ожидают своих будущих духовных обитателей. Но если мы углубимся в достаточно далекое прошлое, мы попадем в эпоху, когда на Земле еще не было развившихся человеческих форм. Когда духовные монады, проходившие самый ранний, или низший, этап человеческого уровня, начинают прибывать, прогрессивное давление, оказываемое ими на мир, в котором присутствуют пока что только животные формы, становится всё более сильным, пока, наконец, не заставляет самую развитую из них видоизменяться, превращаясь в то самое пресловутое промежуточное звено.

Поначалу может показаться, что это истолкование причин развития и исчезновения потерянных звеньев идентично выводам эволюционистов-дарвинистов. Во всяком случае, материалист вполне может сказать: "Мы вовсе не собирались высказывать какие-либо догадки на тот счет, почему различные виды проявляют тенденцию к развитию более высоких форм. Мы утверждаем только, что они действительно создают более высокие формы через посредство промежуточных звеньев и что эти промежуточные звенья затем исчезают. А вы говорите то же самое". Однако каждый, кто сможет хоть немного глубже вникнуть в тонкости, заметит разницу между этими двумя идеями. Естественному процессу эволюции, идущей благодаря изменению условий жизни и половому отбору, не следует приписывать создание промежуточных форм; вот почему эти формы неизбежно должны носить преходящий характер и сравнительно быстро исчезать. В противном случае наш мир оказался бы переполненным промежуточными звеньями всех сортов, животная жизнь вплотную подходила бы к человеческой, и нельзя было бы провести четкую грань между близкородственными человеческими и животными формами. Как мы уже говорили, импульс к новой эволюции более высоких форм придаёт приток духовных монад, приходящих в цикл в состоянии, подходящем для этих новых форм. Эти импульсы более высокой жизни прорывают коконы прежних форм планеты, на которую они вторглись, и вызывают расцвет чего-то более высшего. Формы, которые на протяжении тысячелетий всего лишь повторяли друг друга, снова начинают видоизменяться и совершенствоваться. Сравнительно быстро они достигают более высокой стадии, пройдя через промежуточные; а поскольку теперь, с присущими всякому новому росту силой и быстротой, начинают размножаться уже высшие формы, призванные предоставить плотские вместилища для духовных существ, вступающих на соответствующую эволюционную ступень (или план существования), населять промежуточные формы становится некому, и они неизбежно вымирают.

Так, путём *спирального прогресса* через миры, совершается эволюция, если говорить о том импульсе, который составляет её суть. В ходе объяснения этой идеи мы отчасти предвосхитили и объявление ещё одного факта, имеющего

первостепенную важность для того, чтобы составить верное представление о системе миров, к которой мы принадлежим. Он состоит в том, что жизненная волна — волна существования, или духовный импульс (назовите это как хотите) — переходит от одной планеты к другой рывками, скачкообразно, а не равномерно движущимся потоком. В качестве самой простой иллюстрации к этой идее мы могли бы сравнить данный процесс с заполнением водою серии углублений или вкопанных в землю по верхнюю кромку сосудов, соединенных между собою неглубокими поверхностными желобками. Такие сооружения устраиваются иногда возле бьющих из-под земли слабых и неглубоких родничков для удобства забора воды. Вода из родника поступает сначала в сосуд "А" и льется исключительно в него до тех пор, пока он не окажется наполненным доверху. Только после этого приток из родника заставляет воду переливаться из сосуда "А" в сосуд "Б" по желобку. Таким образом сосуд "Б" тоже наполняется, после чего вода устремляется в сосуд "В", и так далее. Хотя неуклюжие аналогии вроде этой едва ли помогут нам продвинуться далеко, они все-таки достаточно точно иллюстрируют процесс эволюции жизни в цепях миров, подобных нашей, равно как и эволюцию самих миров. Ведь происходящий процесс не предполагает предсуществования цепи шаров, которые природа затем наделяет жизнью; эволюция каждого из них — результат предыдущих эволюций и следствие определённых импульсов, являющихся итогом их развития. И теперь нам необходимо обратиться к описанию именно этой стороны процесса. Впрочем, если мы перейдем к рассмотрению непосредственно этой эволюционной фазы, нам придется перенестись в воображении в период развития нашей системы гораздо более древний, чем тот, который составляет основную тему данной книги, — период эволюции человека. И очевидно, что как только мы заговорим о начале миров, нам придется иметь дело с явлениями, имеющими мало общего с *жизнью* в нашем понимании этого слова и, как может показаться, не имеющими к жизненному импульсу никакого отношения. Так что давайте продвигаться в прошлое постепенно. Думаю, каждый согласится с тем, что жизненному импульсу, создавшему человечество, предшествовал импульс, создавший чисто животные формы. А этому импульсу должен был, в свою очередь, предшествовать импульс, давший урожай в виде растительных форм, ведь некоторые из них, несомненно, существовали до того, как на нашей планете появились первые животные. Ещё прежде растительных организмов возникли различные минеральные структуры. Но ведь минерал — это тоже продукт природы, результат некой предшествовавшей ему эволюции, каковым результатом должно быть вообще любое воображаемое природное проявление. А этот вывод приводит наш разум — через серию проявлений, подобных вышеупомянутым, — к непроявленному началу всех вещей. Однако чистой метафизикой такого рода мы сейчас не занимаемся. Достаточно будет показать, что мы можем (и должны, если хотим ответить на поставленные вопросы) представить себе не только жизненный импульс, возвышающий человекообразных обезьян до уровня первобытного человека, но и аналогичный жизненный импульс, рождающий минеральные формы. Впрочем, оккультная наука продвинулась в своем исчерпывающем анализе эволюции гораздо далее того периода, когда стали появляться минералы. Процесс образования миров из огненных туманностей природа начинает не с минералов, а с ещё более ранней стадии — с элементарных (стихийных) сил, стоящих за всеми явлениями природы, которые видимы и доступны человеческим

ощущениям. Однако эту часть нашего предмета пока лучше отложить. Давайте займёмся тем этапом, когда самый первый из миров в цепи (назовем его планетой "А") представлял собою всего лишь скопление минеральных форм. Следует напомнить, что планета "А" гораздо более бесплотна, нежели та, которую мы можем сейчас изучать на собственном опыте, и что на ней доминирует дух, а не материя, и потому наши первоначальные слова о том, что эта планета представляет собою скопление минеральных форм, следует воспринимать с известной долей условности. Минеральные формы могут быть минеральными в том смысле, что они не принадлежат к вышестоящему царству растительных организмов, однако при этом они могут оставаться нематериальными (в том смысле, в каком мы воспринимаем материю), весьма бесплотными и состоять из очень тонкой материи, в которой преобладает противоположный полюс природы — дух. Минералы, о которых мы говорим сейчас, это скорее призраки минералов, а вовсе не те твёрдые, совершенные и прекрасные кристаллы, которые можно увидеть в минералогических музеях нашего мира. На нижних спиральных витках эволюции, о которых мы сейчас ведем речь, равно как и на вышестоящих в сравнении с нашим этапом, происходит переход от одного мира к другому; и это очень важный факт, на который мы постоянно указываем. Сперва наблюдается, так сказать, нисходящее развитие — развитие форм, их материальности и плотности, а затем начинается восходящее движение — обратно к духу, но уже с тем совершенством, которое материя обрела в результате первого процесса. Можно заметить, что и на более высоких ступенях эволюции, включая человеческую, происходит в точности то же самое. На всём протяжении этой книги мы не раз будем сталкиваться с тем, что в природе один процесс служит прообразом другого, а большое является повторением малого, только в более широком масштабе.

Из того, что мы уже говорили (в том числе и об эволюции организмов на планете "А"), становится ясно, что минеральное царство на планете "А" не сможет создать царство растительности до тех пор, пока не получит внешний импульс, так же, как и Земля не сможет создать человека из обезьяны, пока не получит импульса извне. Однако в данный момент не имеет смысла углубляться в сущность тех импульсов, которые воздействуют на планету "А" в самом начале построения системы миров.

Мы уже упоминали об эволюционных периодах настолько древних, что даже становление минерального царства на планете "А" выглядит на их фоне сравнительно поздним этапом, и дальнейшее отступление в прошлое радикально изменило бы весь характер нашего повествования. Поэтому нам лучше остановиться здесь и временно принять жизненные импульсы, рождающие планету "А", как некую гипотетическую данность. Данное решение позволит нам очень кратко и схематично описать весь огромный временной период, отделяющий минеральную эпоху на планете "А" от эпохи человеческой эволюции, и вернуться таким образом к своей главной задаче. А то, что уже было сказано ранее, значительно облегчит этот краткий обзор. Полное развитие минерального царства на планете "А" подготавливает почву для эволюции растительности, и как только эта эволюция начинается, импульс минеральной жизни перетекает на планету "Б". Далее, по достижении расцвета растительной эволюции на планете "А" и с началом эволюции животных, на планету "Б" перетекает импульс

растительной жизни, а минеральный импульс переходит на планету "В". Тогда, наконец, на планету "А" приходит импульс человеческой жизни.

Здесь необходимо ненадолго остановиться, чтобы предостеречь читателя от неверного представления, которое у него может сложиться, так как весьма обобщенно и приблизительно описанный выше процесс может создать впечатление, будто ко времени проявления на планете "А" человеческого импульса минеральный импульс достигает только планеты "Г", а далее её продолжает господствовать хаос. Однако это мнение довольно далеко от истины, и тому есть две причины. Во-первых, как мы уже говорили, существуют эволюционные процессы, предшествующие минеральной эволюции, а следовательно, есть волна эволюции, а в действительности, даже несколько волн, которые предшествуют минеральной в её продвижении через мировые сферы. Но гораздо важнее другой факт, имеющий большое влияние на ход вещей, и осознание которого позволяет увидеть, что еще до начала проявления человеческого импульса на планете "А" жизненный импульс успевает несколько раз пройти через всю цепь миров. Факт этот следующий: каждое эволюционное царство — растительное, животное и так далее — делится на несколько спиральных слоев. Духовные единицы, или монады — индивидуальные атомы тех огромных жизненных импульсов, о которых уже так много сказано, — не завершают полностью свое минеральное существование на планете "А", равно как и на планете "Б" и так далее. Они несколько раз проходят по всему кругу как минералы, затем — опять же несколько раз — как растения и несколько раз — как животные. Мы намеренно воздерживаемся от приведения каких-либо конкретных цифр, поскольку в настоящее время самое главное — это представить себе саму схему, хотя бы в самых общих чертах. Однако цифры, касающиеся этих природных процессов, уже переданы миру оккультными адептами (полагаю, впервые), и очень скоро мы обратимся к ним по ходу нашего повествования. Но для первого раза, как мы уже говорили, достаточно воспринять саму идею как пищу для размышлений.

Итак, первые примитивные люди начинают свое существование на планете "А" — в мире, где все вещи подобны призракам соответствующих вещей, которые мы видим вокруг себя. Человек начинает свое долгое нисхождение в материю. Жизненный импульс каждого "круга" наполняет поочередно все планеты, и на каждой из них человеческие расы перемещаются на следующие ступени совершенства. Однако устройство этих кругов намного сложнее всего того, что мы успели рассказать о них до сих пор. И процесс, переживаемый каждой монадой, не ограничивается простым переходом с одной планеты на другую. На каждой планете, с каждым своим появлением на ней, монада претерпевает довольно сложный процесс эволюции. Она много раз воплощается в следующих друг за другом человеческих расах, прежде чем перемещается далее, и даже в каждой великой расе переживает множество воплощений. В процессе дальнейших пояснений станет ясно, что данный факт проливает много света на нынешнее состояние человечества, указывая нам причины наблюдаемых нами значительных, хотя загадочных и зачастую весьма досадных различий в уровне интеллекта и нравственности, а также благосостояния (в самом возвышенном смысле этого слова).

У того, у чего есть определенное начало, обычно есть и конец. И поскольку мы уже показали, что рассматриваемый эволюционный процесс начинается с того, как впервые подействовали определенные импульсы, то можно заключить, что эти импульсы стремятся к некоей конечной цели, к своему естественному завершению. И это так, хотя цель эта еще очень далека. Человек, известный нам по нашей планете, всего лишь на полпути в эволюционном процессе, которому он обязан своим нынешним развитием. Но еще до того, как завершит свой путь наша система, человеку предстоит настолько возвыситься над своим сегодняшним уровнем, насколько он теперь отличается от исчезнувшего промежуточного звена. И это усовершенствование произойдет ещё на этой Земле, тогда как в иных мирах восходящего цикла ему предстоит покорить еще более величественные вершины совершенства. Воображению тех, кто не научен распознавать оккультные тайны, невозможно представить себе ту жизнь, которую человек будет вести непосредственно перед тем, как великий цикл достигнет зенита. Однако мы уже достаточно дали подробностей, чтобы заполнить ими общие контуры, представленные читателю, в то же время не пытаюсь предсказать те из них, что относятся к существованиям, которых эволюция стремится достичь в далёком будущем, от которого нас ещё отделяет бездна времени.

Замечания

В предшествующей главе есть высказывание, которое не способствует лучшему пониманию рассматриваемой темы, нежели то, которое я смог приобрести, когда еще только работал над этой книгой. Там сказано: "Духовные монады ... не завершают полностью свое минеральное существование на планете "А", равно как и на планете "Б" и так далее. *Они* несколько раз проходят по всему кругу как минералы, затем — опять же несколько раз — как растения..." и так далее. Теперь я понимаю, что мне позволили использовать такую формулировку, поскольку главной целью данной книги было пояснить, как человеческое существо постепенно развивалось из природных процессов, происходящих в первую очередь в низших царствах. Но в действительности, на более поздней стадии исследования, становится ясно, что этот великий процесс, который увенчивается эволюцией человечества и всем, что к ней ведёт, а именно нисхождение духа в материю, вызывает выделение индивидуальностей на гораздо более позднем этапе, нежели можно предположить на основании вышепротитированного фрагмента. В минеральных мирах, на который еще не утвердились более высокие — растительные и животные — формы, нет индивидуальных духовных монад, если только такую не создаст какое-нибудь поистине непостижимое соединение (непостижимое, но тем не менее доступное для нашего теоретизирования) жизненных импульсов, призванное создавать последующие цепи высокоорганизованного существования. Точно так же, как в замечаниях к предыдущей главе мы говорили о сохранении целостности жизненного импульса извращённого человеческого "я", полностью отпавшего от своего эволюционного потока, так мы можем предположить, что такая целостность существует ещё в самом начале планетной цепи. Но это — не более чем рабочая гипотеза, оставляющая нам право исследовать потом некоторые загадки, в которые нам не нужно углубляться сейчас. Для общего понимания предмета лучше считать

первое, если так можно выразиться, понимания рассматриваемой проблемы необходимо представить себе самое вливание духа в материю, как вызывающее однородное проявление. Все конкретные формы минерального царства — кристаллы и отдельные камни — это всего лишь пузыри, всплывающие на поверхности кипящей массы и приобретающие на некоторое время индивидуальные образы, прежде чем снова раствориться в общей массе растущего космоса. Их нельзя назвать подлинными индивидуальностями. Даже в растительном царстве индивидуальность еще не утвердилась. Оно утверждает органическую материю в физическом уровне проявления, подготавливая тем самым почву для более высокой эволюционной ступени — царства животных. Только на этом этапе, да и то лишь в самых высших его сферах, впервые пробуждается подлинная индивидуальность. Следовательно, только тогда, когда мы мысленно представим себе переход великого жизненного импульса, движущегося вдоль планетной цепи, на уровень животного воплощения, нам будет в полной мере позволено говорить о духовных монадах как о совершающем свое эволюционное движение множестве, в отношении которого применимо местоимение "они".

Адепты, коим принадлежит сформулированное в этой книге учение, включили в него тему планетной цепи, конечно же, не ради подробного изучения нами эволюции в том масштабе, с которым мы имеем дело сейчас. Даже если говорить только о человечестве, то тот период, который наша раса проводит на этой Земле, является достаточно продолжительным для того, чтобы на него пришлось потратить всю нашу умственную энергию. И масштаба эволюционного процесса, который должен быть совершен за это время, более чем достаточно для того, чтобы полностью исчерпать возможности обычного воображения. Но изучающим оккультную доктрину прежде чем сосредоточивать внимание на эволюции этой отдельной планеты, в высшей степени полезно раз и навсегда осознать множественность миров в нашей системе, их связь и взаимозависимость. Ведь эволюция отдельной планеты, как это будет показано, во многих отношениях следует порядку, аналогичному эволюционным процессам, которому подлежит вся планетная цепь, к которой она принадлежит. В древних сочинениях по оккультной науке, написанных иносказательным языком, последовательные стадии развития одного мира порою описываются так, как будто речь идет о разных мирах и наоборот. Из-за этого у читателей может возникнуть путаница, и каждый интерпретирует их туманные выражения в соответствии с собственными представлениями и склонностями. Но неясность исчезнет, когда мы осознаем, что в действительных фактах природы нам нужно распознать *оба* порядка изменений. Каждая планета, когда населена человечеством, претерпевает метаморфозы настолько грандиозные и важные, что их эффект вполне можно сравнить с переустройством мира. Тем не менее, если рассматривать всю группу таких перемен как единое целое, то она образует одну переменную в более высокой их последовательности. Несколько миров цепи являют собою объективные реальности, а не просто символизируют перемены одного изменчивого мира. В конце одной из последующих глав мы приведем еще несколько замечаний на эту тему — там они более естественно займут своё место.

Глава IV

МИРОВЫЕ ПЕРИОДЫ

Поразительный пример единообразия природных процессов можно обнаружить сразу же, стоит лишь только обратить внимание на оккультную доктрину в той ее части, которая посвящена развитию человека на Земле. Общие контуры тут те же самые, что и в более широкой схеме, охватывающей целую цепь миров. И детали внутренней конструкции нашего мира также аналогичны деталям более грандиозного организма, в который наш мир входит на правах составной части. То есть развитие человечества на нашей Земле осуществляется последовательными волнами, соответствующими следующим друг за другом мирам великой планетной цепи. Нужно помнить, что как уже говорилось, великая волна человеческой жизни обходит всю цепь миров несколько раз, следующими друг за другом циклами. Эти основные периоды роста человечества можно условно назвать кругами. Мы также не должны забывать о том, что индивидуальные существа, описывающие эти последовательные круги, сохраняют свою индивидуальность в том, что касается их высших принципов, то есть те же самые индивидуальности, которые проходят через наш мир в процессе продвижения по первому кругу, снова возвращаются сюда, пройдя все миры планетной цепи, чтобы описать второй круг, и так далее. Впрочем, особое внимание в данном случае следует обратить на то, что индивидуальность, достигая какой-либо из планет в процессе прохождения того или иного круга, не ограничивается тем, что просто фиксирует на ней свое присутствие, а затем направляется к следующей планете. Прежде чем отправиться далее, человек должен воплотиться в ряде рас на этой планете. И этот факт наводит на общий принцип, который скоро проявится в уме читателя и продемонстрирует подобие планов для отдельного мира и для всей серии миров, на что мы уже обращали внимание. Иными словами, если вся схема природы, к которой мы принадлежим, осуществляется серией кругов, каждый из которых проходит все миры нашей цепи, то и в каждом из миров человечество проходит в своем развитии через серию рас, развивающихся в пределах своего собственного, отдельно взятого мира.

Теперь настал черёд прояснить действие этого закона, перейдя к конкретным цифрам, имеющим отношение к нашей доктрине. Начинать с них было бы преждевременно, но как только идея о системе миров, образующих цепь, и об эволюции жизни на каждом из них через серию перевоплощений достаточно усвоена, дальнейшее исследование этих законов будет в значительной мере облегчено обращением к конкретным цифрам, к точному числу миров, кругов и рас, необходимых для завершения цикла эволюции всей системы. Ибо следует помнить, что существование системы миров так же ограничено во времени, как и жизнь отдельного человека. Хотя ее существование вряд ли можно ограничить каким-то предопределенным с самого начала конкретным числом лет, всё то, что когда-либо начинает эволюционное движение, неизбежно развивается в направлении своего логического завершения. Человеческая жизнь (если не принимать во внимание несчастные случаи) охватывает вполне конкретный, ограниченный период времени; и жизнь целой системы миров равным образом должна когда-нибудь завершиться. И хотя продолжительность жизни мировой системы, как правило, поражает человеческое воображение своей огромной

протяженностью, это ни в коей мере не означает, что она неизмерима. Жизнь этой системы подразделяется, в свою очередь, на особые периоды разных видов, число которых также является вполне определённым.

Какой пророческий инстинкт надоумил Шекспира остановиться на числе семь, когда он создавал свою фантастическую классификацию возрастов человека? Не станем гадать об этом, но зато мы со всей уверенностью можем заявить, что он сделал наиболее удачный выбор. Эволюцию человеческих рас можно разделить на семь периодов, и число объективных миров, составляющих нашу систему, одним из которых является наша Земля, также равно семи. Напомню, что для оккультистов это такой же несомненный факт, как и для физической науки — знание того, что спектр состоит из семи цветов, а музыкальная гамма — из семи нот. В природе тоже семь царств, а не три, как то утверждает несовершенная классификация современной науки. Человек принадлежит к царству, определенно отличному от царства животных и включающему существ в более высоких состояниях, пока что не знакомых человечеству. Ниже минерального существуют еще три царства природы, совершенно неизвестные западной науке. Однако о них мы сможем поговорить чуть позже. Мы упомянули их сейчас только для того, чтобы продемонстрировать повсеместность действия семеричного закона в природе.

Возвращаясь к наиболее интересующему нас царству, мы можем сказать, что человек развивается в процессе прохождения через серию кругов (каждый из которых охватывает всю мировую цепь) и что только после преодоления семи таких кругов предназначение нашей системы будет полностью выполнено. Круг, который мы проходим сейчас, является четвертым по счету. Некоторые соображения, связанные с точными знаниями этих моментов, представляют величайший интерес, потому что каждый круг специально предназначен для преимущественного развития одного из семи принципов человека, в строгом порядке их последовательного проявления.

Индивидуальность, прибыв на планету в ходе прохождения круга, должна пройти на ней через семь рас, прежде чем переместиться на следующую. Каждая из этих рас населяет Землю на протяжении достаточно долгого времени. Наши старомодные суждения о времени и вечности, навеянные туманными религиозными системами Запада, породили и распространили довольно странные представления, касающиеся конкретной протяженности этих долговременных периодов. Мы можем бойко рассуждать о вечности, а с другой стороны, нас не потрясают периоды в несколько тысяч лет, но вот что касается точной длительности периодов, лежащих на шкале между этими величинами, нелогично мыслящие западные теологи, как правило, считают подобное исчисление абсурдом. Мы сами — живущее ныне на Земле человечество (вернее, основная его масса, так как есть еще исключительные случаи, о которых будет рассказано ниже) — проходим сейчас через пятую расу четвертого круга. Однако эволюция этой пятой расы началась уже около миллиона лет назад. Но нужно ли читателю, приняв во внимание, что на работу с вечностью данная космогония не претендует, нервничать по поводу оценочных расчётов, имеющих дело с миллионами лет и даже исчисляющими эти миллионы вполне определёнными числами?

Каждая раса из семи, образующих круг (то есть последовательно развивающихся на Земле, по мере прохождения через нее великой волны человечества, совершающей круговое движение вдоль планетной цепи), подразделяется на подрасы. Ведь если бы не это обстоятельство, то активные существования каждого индивидуального человека были бы чрезвычайно редкими и немногочисленными. В каждой расе насчитывается семь таких подрас, каждая из которых делится, в свою очередь, на семь малых подрас, или ответвлений. Обобщенно говоря, каждая человеческая индивидуальность должна пройти за время своего пребывания на Земле через все эти расы, каждый раз, когда приходит на эту планету в своем круговом перемещении по системе планет. По зрелому размышлению, это учение звучит не так пугающе для человеческого ума, как любая другая гипотеза, предлагающая меньшее число воплощений. Ибо какое бы количество жизней ни прожил на Земле человек в течение одного круга — большое или малое, — он все равно не сможет продвинуться дальше, пока для эволюционной волны не придет время двигаться вперед. Даже того, что мы уже успели сказать о продолжительности существования человека на каждой планете, вполне достаточно, чтобы заметить, что протяженность одной его физической жизни составляет всего лишь малую часть того времени, которое он проводит между своим появлением на Земле и перемещением на следующую планету. И большую часть этого времени (с точки зрения нашего измерения временной протяженности) мы проводим в тех субъективных состояниях существования, которые принадлежат "миру следствий", или духовной Земле, сопутствующей нашей физической планете, на которой протекает наше предметное существование.

Характер существования на этой духовной Земле во многом определяется жизнью, прожитой на Земле физической, и рассматривать его, опять-таки, надлежит в свете вышеперечисленных расовых воплощений. Мы не должны забывать, что между физическими жизнями индивидуальность переживает период существования в соответствующем духовном мире. И поскольку условия пребывания в этом мире определяются тем, как человек использовал предоставленные ему возможности в предшествующем физическом рождении, в оккультных сочинениях духовную Землю нередко называют миром следствий, а физическую Землю — соответствующим ей миром причин.

То, что естественным образом переходит в мир следствий после воплощения в мире причин, это и есть индивидуальность, или духовная монада. Но вместе с нею туда переходит и только что распавшаяся личность — но лишь в той мере, какую позволяют качества этой личности, иными словами, эта мера зависит от того, насколько эффективно человек использовал предоставившиеся ему при жизни возможности. Период, который человек должен провести в мире следствий (к которому соответствуют в традиционной теологии "потусторонний мир", или небеса), в каждом случае намного превосходит по своей продолжительности предшествующую жизнь, предопределяющую его свойства. Однако узкий кругозор распространенных религиозных представлений охватывает только одну жизнь и ее последствия в жизни будущей. Богословие утверждает, что человеческое существование начинается в физическом мире и что следующая за этим духовная жизнь длится вечно. И эту пару существований, которая, как показывает раскрываемая нами оккультная наука, составляет всего лишь малую

часть жизни человеческого существа в пределах малой расы — одной из семи, составляющих подрасу, семь каковых составляют основную расу, отмечающую, вкупе с шестью другими такими же расами, прохождение по нашей Земле одной из семи волн человеческой эволюции, каждая из которых должна пройти полный круг, прежде чем ее природная функция будет исполнена, — эту микроскопическую молекулу, составляющую мизерную часть целого, теология ставит даже *выше* этого целого, поскольку приписывает ей вечность.

Здесь нужно предостеречь читателя от одного неверного умозаключения, которое он может сделать по той простой причине, что сказанное мною, хотя и не содержит никаких неточностей, не охватывает, что вполне естественно, всего спектра проблемы. Он не должен думать, что получит точное число жизней, проживаемых индивидуальной сущностью на Земле за время прохождения через нее одной круговой волны, если возведет число семь в третью степень. Если бы в каждой малой расе человеку было отмерено только одно воплощенное существование, то общее число воплощений должно было бы равняться 343. Но в каждой малой расе каждая жизнь нисходит в предметное состояние по крайней мере дважды; или, иными словами, в каждой малой расе человеческая монада воплощается минимум два раза. Опять же, существует любопытный циклический закон, стремящийся к тому, чтобы число воплощений было более 686. В кульминационной точке каждой подрасы скапливается некоторый излишек жизненной энергии, который стремится создать в этой точке эволюционного развития дополнительную, побочную расу. И еще одна побочная раса создается в конце жизни каждой подрасы — так сказать, остаточным инерционным движением последней. Волна человеческой жизни в полном объеме проходит через все эти расы, и в результате реальное число воплощений каждой монады приближается к 800. Правда, это число может варьироваться, хотя и в сравнительно узких пределах, причина чему будет рассмотрена ниже.

Методично действующий закон, который движет каждую человеческую индивидуальность через огромный эволюционный процесс, описанный нами в общих чертах, нисколько не препятствует ей отклоняться от своего нормального предназначения или даже деградировать до окончательного самоуничтожения, что угрожает *личностям* людей, культивирующих в себе низменные пристрастия. На это довольно ясно указывает распределение семи принципов после смерти, а если рассмотреть это в свете наших дальнейших объяснений, положение дел будет осознано ещё лучше. Постоянная индивидуальность — это то, что проживает всю серию жизней — не только в тех расах, которые создает на Земле нынешняя жизненная волна, но и в других мирах и в других круговых волнах. Говоря в общем, со временем (хотя если это время измерить в годах, оно покажется немыслимо далёким будущим) она восстановит память о всех своих прошлых жизнях, которые будут для неё, как для нас — прожитые дни. А вот астральные "шлаки", отбрасываемые при каждом переходе в мир следствий, продолжают более или менее независимое существование — совершенно отдельно от духовного существа, от которого они только что отделились.

Естественная история этих астральных останков представляет собой весьма интересную и очень важную проблему; однако последовательное рассмотрение всего предмета требует, чтобы мы сначала постарались понять, что происходит с

более возвышенным и постоянным духовным "я". Кроме того, прежде чем углубляться в изучение этого предмета, нам есть ещё много что сказать о развитии предметных рас.

Эзотерическая наука — хотя она и интересуется преимущественно теми проблемами, которые принято связывать с религией — не могла бы претендовать на звание всеобъемлющей и достоверной системы (каковой она является на самом деле), если бы не была способна примирить со своими учениями все известные факты земной жизни. И ей вряд ли удалось бы выяснить, как развивалось человечество на протяжении эонов времени и целых серий планет, если бы она не могла установить, как человеческая волна, к которой мы принадлежим и о которой ведем речь, эволюционировала на нашей Земле; ведь общее складывается из частного и связано с ним законами аналогии. Способности, которые позволяют адептам постигать тайны иных миров и состояний бытия, вполне соответствуют задаче прослеживания жизненного потока нашей планеты. И если наша так называемая всемирная история охватывает лишь краткий период, протяженностью всего в несколько тысячелетий, то история Земли, являющаяся разделом эзотерических знаний, охватывает и события жизни четвертой расы, предшествовавшей нашей, и даже третьей расы, еще более ранней. В действительности она углубляется в еще более отдаленное прошлое, но вторая и первая расы не создали ничего, что можно было бы назвать цивилизацией, и потому о них можно сообщить гораздо меньше, чем об их преемниках. Третья и четвертая расы уже были цивилизованными, как ни странно может звучать для некоторых современных читателей упоминание о существовании на Земле цивилизации несколько миллионов лет тому назад.

Где же следы этой цивилизации? — могут спросить они нас. И может ли цивилизация, которую дала человечеству Европа, исчезнуть так бесследно, что будущие обитатели Земли нашей планеты даже не будут подозревать о ее существовании? И наконец, чем вообще можно объяснить тот факт, что цивилизация, подобная нашей, способна испариться, не оставив по себе никаких воспоминаний?

Ответ следует искать в закономерностях жизни планеты, протекающей параллельно с жизнью её обитателей. Периоды великих коренных рас отделены друг от друга великими природными катаклизмами и геологическими изменениями. В те времена, когда на Земле процветала четвертая раса, Европа еще не существовала как континент. А тот континент, на котором жила четвертая раса, не существовал в период расцвета третьей. И ни один из этих двух континентов, на которых развивались цивилизации прежних рас, не сохранился до сего дня. За время прохождения по Земле человеческой жизненной волны одного круга происходят семь великих континентальных катаклизмов. И каждая раса в назначенное время прекращает свое существование, хотя ее немногочисленные осколки остаются разбросанными по разным уголкам мира, продолжая существовать вне своего родного дома. Но они неизменно демонстрируют склонность к упадку, и с большей или меньшей скоростью скатываются к варварству.

Собственным домом для четвертой расы, непосредственно предшествовавшей нашей, был континент, некоторые воспоминания о котором сохранились даже в экзотерической литературе — это пропавшая Атлантида. Однако на самом деле огромный остров, разрушение которого описал Платон, был всего лишь последним осколком древнего континента. Вот что мне сообщили об этом: "В эпоху эоцена, уже в самом ее начале, великий цикл четвертой человеческой расы (расы атлантов) уже достиг своей наивысшей точки, и великий континент — отец едва ли не всех современных континентов — уже начал проявлять первые признаки погружения. Этот процесс завершился только 11446 лет назад, когда последний остров, который мы, переводя его название с туземного языка, с полным правом можем называть Посейдонисом, погрузился в результате катастрофы.

Лемурия" (бывший континент, располагавшийся к югу от Индии, на месте нынешнего Индийского океана, но соединявшийся с Атлантидой, поскольку Африки еще не существовало) "отличается от Атлантиды так же, как Европа отличается от Америки, и потому смешивать их не следует. Оба континента утонули и исчезли с лица Земли, вместе со своими высокоразвитыми цивилизациями и "богами"; однако эти две катастрофы разделяет эпоха протяженностью в 700000 лет: примерно такой срок отделяет расцвет и гибель Лемурии от начала эоцена, поскольку лемурийская раса была только третьей. Реликтами этого некогда великого народа являются некоторые плоскоголовые аборигены вашей Австралии".

Автор недавно опубликованного сочинения об Атлантиде ошибается, наводняя Индию и Египет колонистами с этого континента, однако об этом после.

"Почему вашим геологам, — спрашивает мой достопочтенный учитель-махатма, — никак не приходит в голову, что под толщей исследуемых ими материков, в недрах которых они уже обнаружили следы эпохи эоцена, и даже заставили эту эпоху открыть им свои секреты, могут находиться скрытые в неизмеримой (или вернее, до сих пор не измеренной) глубине океанского ложа иные, более древние континенты, геологические слои которых еще никогда не исследовали ученые, и что их изучение заставит когда-нибудь пересмотреть все существующие в настоящее время теории? И почему они никак не могут предположить, что наши нынешние континенты тоже могли несколько раз уходить под воду, как Лемурия и Атлантида, а потом снова подниматься, чтобы взрастить на своей поверхности новые человеческие общности и цивилизации, и что при первом же смещении геологических пластов, знаменующем новый катаклизм — один из тех, что периодически происходят с самого начала и до конца каждого цикла, — наши уже стареющие континенты снова утонут, а Лемурия и Атлантида поднимутся опять?

Разумеется, у четвертой расы тоже были свои периоды наивысшего расцвета цивилизации". (Письмо, которое я цитирую, было отправлено в ответ на мои многочисленные вопросы.) "Греческая, римская и даже египетская цивилизации не идут ни в какое сравнение с цивилизациями, начавшимися с третьей расой. Люди второй расы не были дикарями, но и цивилизованными их тоже нельзя назвать.

Греки и римляне были небольшими подрасами, а египтяне — неотъемлемой частью нашего нынешнего, кавказского ствола. Взгляните на Египет и на Индию. Достигнув вершины своей цивилизации и, что еще более важно, *знания*, они скатились вниз. Египет, как отдельная подраса, полностью исчез (нынешние копты — всего лишь смешанные его остатки); но Индия, как одно из первых и наиболее мощных ответвлений материнской расы, породившее, в свою очередь, несколько подрас, дожила до наших дней и теперь борется за то, чтобы снова занять достойное место в истории. А история выхватывает из египетского прошлого лишь несколько случайных и туманных фрагментов, давность которых не превышает 12000 лет, хотя цикл египетской цивилизации достиг своего апогея за тысячи лет до этого времени и уже начал двигаться по нисходящей линии.

"Халдеи были на вершине своей оккультной славы до начала эпохи, называемой вами бронзовым веком. Мы считаем, что на Земле поднимались и приходили в упадок более великие цивилизации, чем наша нынешняя; но чем вы сможете подтвердить миру нашу правоту? Недостаточно просто сказать, как это делают некоторые ваши современные авторы, что та или иная исчезнувшая цивилизация существовала до того, как были основаны Рим и Афины. Мы утверждаем, что как до, так и после ледникового периода существовал ряд цивилизаций, и что они возникали в разных точках земного шара, достигали зенита славы, а затем умирали. Всякий след и самые воспоминания об ассирийской и финикийской цивилизациях исчезли, пока несколько лет назад они не были открыты вновь. И теперь они открывают новую, хотя и далеко не самую древнюю, страницу истории человечества. И всё же, невзирая на то, что эти цивилизации никак нельзя отнести к древнейшим, историческая наука явно не спешила признать их реальность. Археология достаточно показала, что память человеческая способна увести нас гораздо дальше в прошлое, чем история готова признать, а священные тексты некогда могущественных народов, сохраненные их потомками, ещё более достойны доверия. Мы говорим о цивилизациях, существовавших до ледникового периода, но наши заявления кажутся абсурдными не только невеждам и профанам, но и высокообразованным геологам. Что бы вы сказали, если бы слышали от нас, что китайцы (я говорю сейчас об истинных китайцах из внутренних районов, а не о тех, что представляют собою смесь четвертой и пятой рас и занимают сейчас китайский трон), принадлежащие, во всей целостности своей расовой чистоты, к наивысшей и последней ветви четвертой расы, достигли пика своей цивилизации, когда пятая раса едва только появилась в Азии? Когда это было? Подсчитайте сами. Открытая "Вегой" Норденшюльда группа островов возле берегов Сибири буквально усеяна окаменелыми останками лошадей, овец, быков и т.п., вперемешку с гигантскими костями слонов, мамонтов, носорогов и других монстров, принадлежащих к тем временам, когда человек, по утверждению вашей науки, еще не появился на Земле. Как же лошади и овцы могли оказаться соседями огромных допотопных животных?

Очень скоро будет доказано не только то, что климат области, скованной ныне холодом вечной зимы и не обитаемой человеком (самым нежным из всех животных), был раньше тропическим (что, впрочем, уже известно вашей науке, которая даже не оспаривает данный факт), но и то, что она была очагом одной из древнейших цивилизаций четвертой расы, самым возвышенным потомком

которой является вырождающийся китаец, а самые низшие её потомки безнадежно (для непосвященного ученого) перемешаны с остатками третьей расы. Я уже говорил вам раньше, что наиболее возвышенный (в духовном плане) из ныне живущих на Земле народов принадлежит к первой подрасе пятой коренной расы; это — азиатские арии. А раса, наиболее совершенная в плане физического интеллекта, самая молодая подраса пятой расы — это вы, белые завоеватели. Большинство человечества принадлежит ещё к седьмой подрасе четвертой коренной расы — это вышеупомянутые китайцы и их отпрыски и ответвления (малайцы, монголы, тибетцы, яванцы и т.д.) с остатками других подрас четвертой расы и седьмой подрасы третьей расы. Все павшие, деградировавшие образчики человечества являются прямыми потомками высокоразвитых, цивилизованных народов, не оставивших после себя ни памяти, ни названия, разве что только в некоторых книгах, таких, как "Пополь-Вух" (священная книга гватемальцев) и еще нескольких, неизвестных науке".

Я спрашивал, можно ли чем-нибудь объяснить то явление, которое представляется нам странным и удивительным всплеском человеческого развития в последние два тысячелетия, по сравнению с относительно застойным состоянием человечества четвертого круга вплоть до начала эпохи современного прогресса. Именно этот вопрос дал повод для процитированных выше пояснений, а также для нижеследующих замечаний, касающихся причин недавнего "всплеска человеческого развития".

"Последнее [развитие] оканчивает важный цикл. У каждого круга, каждой расы, равно как и у каждой подрасы, есть свой великий и свои малые циклы на каждой планете, через которую должно пройти человечество. У нынешнего человечества четвертого круга тоже есть свой великий цикл и свои расы и подрасы.

"Удивительный всплеск" объясняется двумя воздействиями: с одной стороны — началом нисхождения большего цикла, а с другой — приближением меньшего цикла (малого цикла вашей подрасы) к своей вершине. Помните, что вы принадлежите к пятой расе, но лишь к одной из её подрас — западной. Несмотря на все ваши усилия, то, что вы называете цивилизацией, ограничено только вашей собственной подрасой, да её ответвлениями в Америке. Её обманчивый свет, распространяясь, создаёт впечатление, будто её лучи достигают гораздо дальше, нежели на самом деле. Но в Китае нет никакого ускорения, а из Японии вы сделали просто карикатуру.

Тот, кто изучает оккультизм, не должен говорить о застойном состоянии народов четвертой расы, так как история не знает ничего или почти ничего о состоянии народов (кроме западных) "до начала современного прогресса". Что вам известно, например, об Америке до вторжения туда испанцев? Менее чем за два столетия до появления Кортеса у подрас Перу и Мексики началось столь же сильное устремление к прогрессу, какое теперь присутствует в Европе и Соединенных Штатах. Только развитие этих подрас закончилось почти полным их уничтожением в силу причин, созданных ими самими. Мы можем говорить лишь о том "застое", в который всякая раса и подраса периодически впадает в переходные периоды, следуя закону становления, роста, зрелости и упадка. Лишь с этим переходным периодом знакома ваша всемирная история, оставаясь в полном неведении относительно того, что, например, представляла собою Индия каких-

нибудь десять столетий назад. Ваши подрасы стремятся сейчас к кульминационным точкам своих циклов, но их историческая наука всё еще не может продвинуться в прошлое дальше периодов упадка некоторых других подрас, большинство которых принадлежит к предшествующей, четвертой расе".

Я спрашивал также, к какой эпохе следует отнести существование Атлантиды и можно ли считать, уничтоживший её катаклизм имеет законное место в эволюции, соответствуя для расы тому, чем является обскурация (затемнение) для планеты.

"К эпохе миоцена. В эволюции кругов все происходит в положенное время и в положенном месте; иначе даже лучший видящий не смог бы рассчитать точный день и час того или иного великого или малого катаклизма. Всё, что мог бы сделать адепт, это предсказать приблизительное время, тогда как на самом деле события, влекущие за собою великие геологические изменения, можно предвещать с математической точностью — так же, как, например, затмения и прочие явления, касающиеся обращения космических тел. Погружение Атлантиды (группы континентов и островов) началось в период миоцена (точно так же постепенно погружаются некоторые ваши континенты, что уже замечено) и достигло кульминационной точки сначала тогда, когда окончательно исчез крупнейший континент (событие, совпавшее по времени с подъемом Альп), а затем — когда перестал существовать последний значительный остров, описанный в свое время Платоном. Египетские жрецы из Саиса говорили его предку Солону, что Атлантида (то есть единственный оставшийся от нее крупный остров) погиб за 9000 лет до их времени. И это не придуманная дата, так как они бережно хранили свои хроники на протяжении тысячелетий. Но тогда, повторяю я, они говорили только о Посейдонисе, не желая открывать свою тайную хронологию даже этому великому греческому законодателю. И поскольку не было никаких геологических причин для сомнений, но, напротив, находились все новые и новые свидетельства, подтверждавшие данные предания, наука в конце концов признала факт существования великого континента и архипелага, подтвердив таким образом истинность еще одной "басни".

Приближение каждого нового затемнения всегда возвещается катаклизмами, связанными с огнем или водой. Но помимо этого, история каждой коренной расы как бы делится надвое еще одной из таких катастроф. Так, достигнув вершины своей славы и величия, четвертая раса — атлантическая — была уничтожена водою. И теперь вы видите только её одичавшие и выродившиеся остатки, каждая из подрас которых тем не менее имела периоды поздней славы и относительного величия. Со временем и вы сами станете такими же, как они, потому что закон циклов един для всех и неизменен. Когда ваша, пятая раса достигнет зенита своей физической интеллектуальности и наивысшего уровня своей цивилизации (помните разницу между материальной и духовной цивилизациями), дальнейшее ее развитие в рамках этого цикла станет уже невозможно; её продвижение в сторону абсолютного зла будет остановлено (точно так же, как было остановлено продвижение к нему её предшественников — лемурийцев и атлантов, людей третьей и четвертой рас) одним из таких великих катаклизмов; её великая цивилизация будет разрушена, а все подрасы этой расы пойдут по нисходящей линии своих циклов, пережив лишь кратковременный период славы и учености. Посмотрите на остатки атлантов — древних греков и римлян (нынешние

принадлежат уже к пятой расе). Какими блистательными, но недолгими и непрочными были их слава и могущество. Ибо они были только подрасами семи ответвлений коренной расы.* Единый и всевластный закон не позволяет ни одной материнской расе, равно как и ни одной из её подрас или ответвлений, присваивать себе prerogatives расы или подрасы, которая должна прийти им на смену, и уж тем более — посягать на знания и силы, припасённые для той расы, которая за ней последует."

---

* Ответвления подразделений, если следовать номеннлатуре, которую я ранее принял.

"Движение к абсолютному злу", прерываемое для каждой расы очередным катаклизмом, устанавливается с приобретением и накоплением (посредством обычного интеллектуального исследования и развития науки) сил, позволяющих господствовать над природой, — тех сил, которыми наделяются адепты, благодаря преждевременному развитию в себе способностей более высоких, чем те, что мы обычно применяем. Я уже немного говорил об этих способностях в предыдущей главе, когда пытался описать наших эзотерических учителей, но детальный их анализ потребовал бы пространного отступления, посвященного оккультным феноменам. Достаточно сказать, что эти способности как таковые могут быть очень опасными для общества в целом, если попадут в руки людей, которые не рассматривают их как священный дар и знак высокого доверия, так как они позволяя им совершать разнообразные преступления, которые невозможно будет раскрыть. Некоторые из этих способностей представляют собой просто практическое использование скрытых сил природы — сил, которые в принципе можно обнаружить в ходе обычного научного исследования. Этот научный прогресс был в свое время достигнут атлантами. Мирские ученые той расы познали тайны дезинтеграции и реинтеграции материи, возможность чего сейчас признана лишь немногими практикующими спиритами, а также научились контролировать элементалы, с помощью которых можно осуществлять эти и многие другие, еще более поразительные, феномены. Эти силы, попадая в руки людей, неразборчивых в средствах и склонных применять их в эгоистических целях, могут не только привести к социальной катастрофе, но и самих этих людей повести в направлении зол духовного характера, куда более страшных, чем страдания и неудобства, которые они могут перенести в этом мире. Так что когда физический интеллект, не защищенный высокой нравственностью, выходит за рамки соответствующего ему уровня духовного развития, закон природы обеспечивает его насильственное подавление. Это непредвиденное обстоятельство станет лучше понятно, когда мы перейдём к рассмотрению вероятных общих судеб человечества.

Таким образом, ясно утверждается существование некоего принципа, по которому развиваются человеческие расы, коллективно управляемые законом циклов, хотя индивидуально люди могут проявлять свободную волю, которой они несомненно обладают. Однако люди, привыкшие думать, что человеческие дела уходят в прошлое совсем не глубоко — не дальше, чем им позволяет историческая наука, — едва ли увидят в развитии человечества циклический характер; для них это скорее переменчивый прогресс — иногда ускоряемый великими людьми и благоприятными обстоятельствами, иногда замедляемый войнами, фанатизмом

или периодами интеллектуального застоя, но всё-таки в конечном счёте то быстрее, то медленнее, но продвигающийся. А поскольку эзотерический взгляд на этот предмет, подкреплённый бесчисленными наблюдениями оккультной науки, представляет нам тенденцию, диаметрально противоположную вышеописанной, то мне кажется уместным завершить эти рассуждения цитатой, заимствованной у известного автора, совершенно не связанного с оккультным миром, но тем не менее ставшего, благодаря вдумчивому анализу одних лишь исторических сведений, решительным сторонником теории циклов. В своей "Истории интеллектуального развития Европы" доктор Дж. У. Дрейпер пишет:

"Мы часто называем себя порождениями обстоятельств. И в этом утверждении кроется куда более высокая философия, чем может показаться на первый взгляд... С этой, более правильной, точки зрения нам следует рассматривать ход всех этих событий, исходя из принципа, согласно которому дела людские разворачиваются и распространяются predetermined путями. А из этого можно заключить, что дела и события, которые мы всегда считали делом выбора, в действительности были навязаны их видимым авторам и исполнителям необходимостями времени. Но поистине их следует считать закономерными признаками определенной жизненной фазы, через которую, рано или поздно, проходят в своем движении вперед все народы. У человека, хорошо известного нам трезвой рассудительностью своих действий и надлежащей степенностью поведения, свойственными зрелому возрасту, отказ от своенравного упрямства юности мог произойти или начать проявляться вследствие разных случайных причин: например, семейных потерь, или утраты состояния, или ухудшения здоровья. И мы будем правы, если припишем изменения в его характере всем этим тяжким испытаниям. Но мы ни за что не станем обманывать себя, полагая, что он никогда не стал бы таким, каким стал, если бы не эти пережитые невзгоды. За всеми этими превратностями судьбы стоит неотвратимый рок... Между жизнью отдельного человека и целого народа имеются очевидные аналогии, так как человека, — хотя его и можно назвать, в определенном смысле, творцом своей собственной жизни (счастливой или несчастной, наполненной добром или злом), стремящимся вдаль или же остающимся на месте, в зависимости от своих наклонностей; делающим что-то или от чего-то воздерживающимся, следуя собственному выбору, — всё равно цепко держит в своих руках неумолимая судьба — судьба, которая привела его в мир против его воли (или вернее, без его ведома) и заставляет пройти определенный жизненный путь через закономерные и неизбежные стадии — младенчество, детство, юность, зрелость и старость, со всеми характерными для них действиями и страстями; и она же убирает его со сцены в положенное время, в большинстве случаев — также против его воли. Так же и с народами — произвольность является только внешней маской, прикрывающей, но едва ли скрывающей predetermined. Мы можем контролировать события нашей жизни, но не закон ее развития. Есть некая геометрия, что вычерчивает для каждого народа кривую его развития, следуя вполне определенному математическому уравнению. И его ни один смертный не может изменить".*

---

* J. W. Draper, "History of the Intellectual Development of Europe".

Глава V

ДЭВАЧАН

Невозможно подойти к рассмотрению состояний, в которые высшие принципы человека переходят после смерти, не описав предварительно в общих чертах тот план, который осуществляется в ходе эволюции человека. Но поскольку эта часть моей задачи уже выполнена, мы можем перейти к рассмотрению естественных судеб человеческих "Я" в период между окончанием одной жизни в предметном мире и началом другой. В начале следующей такой жизни карма предыдущей определяет те условия, в которых человеку предстоит родиться. Это учение о карме — одно из наиболее интересных в буддийской философии. Оно никогда не было тайным, хотя из-за незнания некоторых элементов философии, которые были строго эзотерическими, его часто понимали неправильно.

Карма — это собирательное понятие, применяемое ко всей совокупности средств к хорошему или к дурному, накопленных человеком в течение жизни и сохраняемых в его пятом принципе на всем протяжении между его смертью в одной предметной жизни и рождением в другой. Иногда заявляют, что учение о карме предполагает существование некоей верховной духовной власти, которая суммирует все деяния человеческой жизни после её завершения, учитывая как добрые, так и плохие поступки человека, и выносит свое суждение о том, каков он в общем и целом. Но знание того, как человеческие принципы разделяются после смерти, даст ключ к пониманию того, как действует карма, а также еще одного важнейшего вопроса, который нам как раз и лучше сперва рассмотреть — о духовном состоянии человека непосредственно после смерти.

После смерти три низших принципа — тело, его сугубо физическая жизненная энергия и астральное соответствие — полностью отделяются от того, что составляет самого человека, а четыре более высоких принципа переходят в мир, расположенный непосредственно над нашим. Говоря "непосредственно над нашим", мы имеем в виду только уровень духовности: не пространственное расположение непосредственно над нашим миром, но скорее пребывание внутри него — на астральном плане или в кама-локе, если следовать хорошо знакомому санскритскому выражению. Здесь происходит разделение этих четырех принципов на две пары. Мы уже объясняли, что высшие человеческие принципы развиты пока еще не полностью; и этот факт подсказывает нам, что взгляд на рассматриваемую проблему как на чисто механическое разделение принципов был бы слишком грубым. Читателю следует представлять себе этот процесс в свете всего того, что уже было сказано выше. Другими словами, его можно описать как испытание степени развития пятого принципа. Впрочем, в свете изложенного выше, можно сказать, что, с одной стороны, шестой и седьмой принципы увлекают пятый (человеческую душу) в одном направлении, а с другой стороны, четвертый тянет его назад к земле. Пятый принцип — довольно сложная сущность, сама делимая на высший и низший элементы. И в ходе борьбы между соседними с ним принципами, связь между которыми начинает распадаться, лучшая, чистая, наиболее возвышенная и духовная часть пятого принципа присоединяется к шестому, а его низшие инстинкты, импульсы и воспоминания притягиваются к четвертому, и пятый принцип в некотором смысле разрывается.

Низшая часть, связавшая себя с четвертым принципом, плавает в земной атмосфере, в то время как лучшие элементы, которые (это важно понять) составляют истинное "Я" умершей земной личности, её индивидуальность и сознание, следуют за шестым и седьмым принципами в духовное состояние, природу которого мы как раз и собираемся исследовать.

Распространенное английское название этого духовного состояния вызывает слишком много неверных представлений, чтобы мы могли признать его подходящим; поэтому мы предпочитаем отказаться от него в пользу восточного определения этой сферы, или состояния, в которое после смерти переходят высшие принципы человеческого существа. Это также желательно потому, что хотя дэвачан буддийских философов и соответствует в некоторых своих аспектах нынешнему европейскому представлению о рае, в иных, гораздо более важных, аспектах он от этого отличается.

Во-первых, то, что продолжает жить в дэвачане, это не просто индивидуальная монада, которая проходит через все изменения, происходящие с человеком во время его эволюционного продвижения, перемещаясь из тела в тело, от планеты к планете и так далее; в дэвачан попадает собственно человеческая личность, обладающая самоосознанием, — конечно, в определенной мере урезанная (о чем мы поговорим в самом скором времени), но всё-таки та же самая личность, которой свойственны те же самые возвышенные чувства, устремления, привязанности и даже вкусы, что и на земле. Поэтому, пожалуй, лучше всего будет сказать, что здесь мы имеем дело с самой сутью сознательной личности умершего.

Читателю стоит ознакомиться с тем, что говорит полковник Х.С. Олкотт в своем выдержавшем множество изданий "Буддийском катехизисе" по поводу существенной разницы между "индивидуальностью" и "личностью". Его слова наверняка будут иметь вес для ученика-окультиста, так как полковник писал свой "Катехизис" не только с одобрения Сумангалы — верховного старкйшины Шрипады и Галле, но и под непосредственным руководством своего гуру-адепта. Вот что он говорит в своем приложении:

"По размышлении, я написал "личность" вместо "индивидуальность", как было написано в первом издании. Череда личностей — это последовательные появления (или "нисхождения в рождение") на одной или многих землях *танхически* связанных частиц (скандх) определённого существа. В каждом из своих рождений *личность* отличается от той, что была в предыдущем или будет в последующем рождении. Карма — "бог из машины" — скрывается (или, возможно, отражается?) за личностью то мудреца, то ремесленника и так далее в течение цепи рождений. И хотя личности постоянно меняются, нить жизни, на которую они нанизаны подобно бусинкам, остается непрерывной.

На всём протяжении *это одна и та же нить*, и никакая другая, а потому она индивидуальна. Эта индивидуальная жизненная волна, которая началась в нирване (или субъектной стороне природы), подобно световым или тепловым колебаниям, исходящим из своего динамического источника и идущим сквозь эфир, пересекает объектную сторону природы под воздействием импульса кармы и творческим

руководством танхи и, после множества циклических изменений, стремится вернуться обратно в нирвану. Мистер Рис Дэвидс называет то, что переходит от личности к личности по индивидуальной цепи, "характером" или "линией поведения". Но поскольку "характер" — это не чисто метафизическая абстракция, а сумма умственных качеств и нравственных установок человека, то не поможет ли нам рассеять то, что мистер Рис Дэвидс называет "непроницаемой завесой тайны", подход, при котором мы будем рассматривать жизненную волну как индивидуальность, а каждое из серии проявлений в рождениях — отдельной личностью?

Отрицание Буддой "души" (см. "Самьютта-никая", "Сутта-питака") указывает на распространенную, но вводящую в заблуждение веру в обособленную, переходящую из одного существования в другое, личность, а также в сущность, способную продвигаться от рождения к рождению, не претерпевая никаких изменений, или достигать такого места или состояния, где это совершенное существо будет вечно наслаждаться либо вечно страдать. Он лишь показывает, что вечное сознание "я есмь я" логически невозможно, ибо его элементарные составляющие постоянно меняются, и "я" одного рождения отличается от "я" любого другого. Однако всё, что мне удалось обнаружить в буддизме, согласуется с теорией постепенной эволюции к состоянию совершенного человека, то есть будды, через опыты бесчисленных рождений. Сознание того, кто достиг окончания цепи существований и стал буддой или смог достичь четвертой ступени дхьяны (мистического самосовершенствования) в одном из своих рождений, предшествующих заключительному, приобретает способность вызывать в памяти сцены из всех пережитых им ранее рождений. В "Джатакаттахаваннае", столь хорошо переведенной мистером Рисом Дэвидсом, постоянно повторяется фраза, которая, как мне кажется, подтверждает это мнение: "И тогда Благословенный сделал явным событие, которое было скрыто сменой рождения", и так далее. Следовательно, ранний буддизм явно признавал нетленность хроник акаши и потенциальную способность человека читать их по достижении определённой ступени подлинного индивидуального просветления."

Сугубо чувственные ощущения и вкусы личности умершего оставляются на пороге дэвачана. Однако из этого вовсе не следует, что в состоянии дэвачана личность не сохраняет ничего, кроме мыслей и чувств, имеющих непосредственное отношение к религии или духовной философии. Напротив, все возвышенные аспекты даже чувственных эмоций находят в дэвачане соответствующую сферу развития. Если постараться проиллюстрировать весь спектр идей, связанных с пребыванием в дэвачане, на одном примере, мы можем сказать, что душа человека, при жизни самозабвенно любившего музыку, достигнув дэвачана, непрестанно испытывает восторженные ощущения, вызываемые музыкой. А человек, находивший свое высшее счастье на земле в чувстве любви, встречает в дэвачане всех тех, кого когда-то любил. Тут сразу же могут спросить: как же быть, если кто-то из этих любимых людей еще не готов войти в дэвачан? Ответ таков: это не имеет значения. Для того, кто их любит, *все они будут там*, рядом с ним. Не требуется многословных объяснений, чтобы дать читателю ключ к разрешению этой загадки. Дэвачан является субъективным состоянием. И он представляется таким же реальным, как столы и стулья вокруг

нас. Но самое главное, следует помнить, что для глубокой оккультной философии именно столы и стулья, равно как и все предметное окружение нашего мира, представляются нереальными и преходящими иллюзиями восприятия. Так что для попавшего в дэвачан это состояние будет таким же, и даже еще более реальным, чем все реалии нашего мира.*

---

* Подробнее об этом см.: Е.П. Блаватская, "Ключ к теософии", и Ч. Ледбитер, "Ментальный план". — *Прим. ред.*

А отсюда следует, что субъективная изоляция в дэвачане (а именно такое мнение об этом состоянии может поначалу сложиться у читателя) вовсе не является уединением в том понимании этого слова, которое вкладывается в него на нашем уровне существования. Напротив, это есть состояние содружества со всем, чего желает истинная душа — будь то люди, вещи или знания. А вдумчивое размышление о месте, которое занимает в природе дэвачан, покажет, что это субъективное уединение каждого человеческого существа является единственным состоянием, которое делает возможным для всего человечества достижение действительно блаженного духовного состояния после смерти. Дэвачан является настолько же чистым и абсолютным блаженством для каждого, кто достигает его, насколько авичи — его противоположностью. В этой системе нет никакого неравенства или несправедливости. Дэвачан вовсе не одинаков для доброго человека и для равнодушного; но это не жизнь, обременённая ответственностью, и потому в нем логически нет места для страдания, так же как в авичи нет места для удовольствия или *раскаяния*. Это — жизнь *следствий*, а не *причин*, жизнь получения заработанного, а не зарабатывания его. И потому на всем протяжении этой жизни человек ничего не может знать о происходящем на Земле. Если бы ему было оставлено это знание, настоящее счастье в посмертном состоянии оказалось бы невозможным. Небеса, являющие собой нечто вроде наблюдательного пункта, с которого их обитатели смогли бы созерцать земные бедствия, стали бы поистине местом сильнейшей душевной пытки для самых сострадательных, бескорыстных и добродетельных из них. Даже если мы наделим их в своем воображении настолько ограниченным чувством сострадания, что сможем представить себе их равнодушно взирающими на страдания людей, до которых им нет никакого дела, им всё равно пришлось бы пережить в самом начале весьма несчастливый период, ожидая, пока те, к кому они были по-настоящему привязаны, умрут и присоединятся к ним, и вынужденно глядя на их, возможно, долгое, но далеко не всегда счастливое существование. Но и эту гипотезу портит то обстоятельство, что такое небо всё равно заставит страдать самых человеколюбивых и милосердных своих обитателей, которые не могут не печалиться по поводу несчастий всего человечества в целом даже после того, как их родные и близкие со временем освободятся от земных страданий. Единственный выход из этой дилеммы можно найти в предположении, что небеса, так сказать, еще не открыты и не начали свою работу, и что все когда-либо жившие на Земле люди, начиная от Адама, до сих пор пребывают в состоянии похожего на смерть транса, ожидая всеобщего воскресения в конце существования мира.* У этой гипотезы тоже есть свои слабые места, однако нас в данный момент интересует научная состоятельность эзотерического буддизма, а не учений других вероисповеданий.

---

* Таких воззрений придерживаются многие протестанты. — *Прим. ред.*

Но даже если читатель признает, что взгляд с небес на земную жизнь способен свести на нет всё небесное счастье, у него все равно могут остаться сомнения насчёт того, возможно ли истинное счастье в только что описанном состоянии, которое может показаться ему состоянием монотонного уединения. Однако причина этого возражения в том, что воображение человека, его выдвигающего, не может абстрагироваться от своего нынешнего окружения. Начнем с однообразия. Едва ли кто-нибудь станет жаловаться на скуку и монотонность в тот миг, или минуту, или полчаса, когда его охватывает ощущение величайшего счастья, которое он когда-либо испытывал в жизни. Большинство людей, конечно же, испытывало такие счастливые моменты, к которым они могут обратиться теперь для сравнения. Вспомните хотя бы один такой миг или минуту — слишком краткую для того, чтобы её можно было заподозрить в однообразии и монотонности, — и представьте это ощущение неизмеримо более продолжительным и к тому же абсолютно не связанным с какими-либо внешними событиями, которые позволяли бы отмечать течение времени. При таком положении вещей просто не будет места для какой-либо монотонности или скуки. Ничем не загрязнённое и ничем не нарушаемое ощущение абсолютного счастья длится и длится, но не вечно, так как породившие его причины сами тоже не бесконечны, но всё же очень долгое время, пока их импульс не исчерпается.

Не следует также полагать, будто душа в дэвачане никогда не меняет, так сказать, свой род занятий или что каждый миг земных ощущений может быть выбран для исключительного продолжения. Вот что говорит по этому поводу учитель, пользующийся непререкаемым авторитетом в данном вопросе:

"Есть две сферы причинных проявлений — объектная и субъектная. Энергии более грубого свойства — действующие в более плотных состояниях материи — предметно проявляются в следующей физической жизни; результатом их действия становится рождение каждой новой личности, совокупность каковых составляет великий цикл эволюционирующей индивидуальности. Дэвачан же служит сферой проявления следствий, созданных исключительно нравственной и духовной деятельностью. И если учесть, что мышление и воображение не имеют границ, то как вообще можно говорить о чём-то подобном однообразию в состоянии дэвачана? Немного найдется людей, чьи жизни настолько лишены всякого чувства, любви либо более или менее четко выраженной предрасположенности к определенной линии мышления, чтобы им было отказано в праве на пропорциональной продолжительности период дэвачанических переживаний в их посмертном существовании. Так, например, пороки, физические и чувственные привязанности того, кто был, скажем, великим философом, но плохим другом и своекорыстным человеком, могут повлечь за собою рождение еще более выдающегося интеллекта, но в то же время сделают его носителем человеком глубоко несчастным, пожинаящим кармические плоды всех тех причин, которые создала "прежняя" личность; таким образом, новый склад его характера будет являться закономерным и неотвратимым следствием доминирующих склонностей того существа, которым он был в прошлом рождении, а промежуточный между двумя физическими рождениями период, в соответствии с совершенными и

безошибочно действующими законами природы, *не сможет* быть ничем иным, кроме как *полным пробелом* в сознании. Однако в действительности этот унылый пробел, столь человеколюбиво обещанный (или вернее — подразумеваемый) христианской протестантской теологией всем "отлетевшим душам", коим предстоит оставаться подвешенными в пространстве в состоянии ментальной каталепсии на всем протяжении времени между собственной физической смертью и всеобщим "воскресением" накануне "Судного Дня", существовать не может. Причины, создаваемые умственной и духовной энергией, гораздо более важны и значительны, нежели те, что создаются физическими импульсами, а потому их следствия, дающие блаженство или страдания, тоже должны быть пропорционально более значимыми. Но жизни на нашей Земле, равно как и на других планетах, не могут предоставить подходящих условий для их осуществления, а поскольку каждый сеятель имеет безусловное право на возвращенный им урожай, ему приходится пожинать его либо в дэвачане, либо в авичи.* Так, например, Бэкон, которого поэт назвал "ярчайшим, мудрейшим и подлейшим из людей", может вернуться в следующем воплощении скупым стяжателем, наделенным выдающимися интеллектуальными способностями. Однако, как бы ни были велики эти способности, они так и не найдут достойного применения в той сфере мышления, которую великий основатель современной философии развивал в предшествующей жизни. Возможно, он станет каким-нибудь хитрым юристом, продажным генеральным прокурором, неблагодарным другом или бесчестным лордом-канцлером, обретшим, по велению собственной кармы, новую, близкую по духу почву в теле алчного заимодавца, своего рода нового Шейлока. Но куда же попадет Бэкон — этот непревзойденный мыслитель, для которого философское изучение самых сокровенных тайн природы было "первой, последней и единственной любовью", этот "интеллектуальный гигант своей расы" — куда он попадет после того, как сбросит с себя одеяние своей низшей природы? Неужели все плоды трудов его могучего интеллекта просто исчезнут, растворятся без следа? Разумеется, нет. Его нравственные и духовные качества также найдут для себя сферу, в которой их энергия сможет проявиться в полной мере. И этой сферой является дэвачан. Там, в дэвачане, все его великие планы нравственного совершенствования, все интеллектуальные исследования абстрактных принципов природы, все самые возвышенные и духовные стремления, составлявшие наиболее светлую часть его жизни, принесут свои плоды. Абстрактное существо, которое было известно в предшествующем рождении под именем Фрэнсиса Бэкона, а в будущем воплощении, *возможно*, прославится как презренный ростовщик (это будет личность, порожденная самим Бэконом, его Франкенштейн, сын его кармы), переходит на время в свой собственный внутренний мир, который оно, опять-таки, создало само, чтобы наслаждаться плодами великих и благотворных духовных причин, посеянных им при жизни. Оно входит в состояние чисто духовного, осознанного существования — в состояние сна, не менее живого и реалистичного, чем сама реальность, — и остается там до тех пор, пока карма не удовлетворится полностью и волны силы не начнут перехлестывать через край её циклической чаши; после чего существо переходит в следующую сферу причин — либо в том же самом мире, либо в следующем, в зависимости от уровня его продвижения... Так что в дэвачане *есть* "смена рода занятий", причем постоянная смена. Ведь эта жизнь-сон является временем созревания плодов, сбора урожая, выросшего из всех тех

психических зерен, что упали на землю с ветвей дерева физического существования в светлые моменты наших мечтаний и надежд, из призрачных вспышек блаженства и надежды, которые гаснут, упав на неблагодарную общественную почву, но вновь разгораются и разливаются розовым рассветным сиянием и созревают под вечно благотворным небом дэвачана. Не следует полагать, что если человек пережил в своем земном существовании лишь единственный миг подлинно духовного вдохновения, его дэвачаном будет этот самый "единственный миг", только продленный неопределённо долго. Эта единственная нота, взятая человеком на лире жизни, задаст лишь основной тон субъективного состояния этого существа, но от него образуются бесчисленные гармоник и полутона целой психической фантазмагии. Там все неосуществленные надежды, стремления и мечты становятся явью, а сны объективного мира превращаются в реальность субъективного существования. Там, по ту сторону завесы майи, посвященный ясно видит все её иллюзорные, изменчивые миражи, потому что ему открыта великая тайна проникновения в глубины самых сокровенных основ бытия..."

---

* Нижние уровни дэвачана примыкают к состоянию авичи.

Физическое существование характеризуется накоплением сил и энергии в период от младенчества до зрелости, после чего энергия убывает, доходя до старческого слабоумия и смерти, и сон жизни в состоянии дэвачана протекает аналогично. Там тоже есть первая вибрация психической жизни, достижение зрелости, постепенное истощение сил с переходом уставшего сознания в состояние апатии, затем — полубессознательное состояние, полное забытие и наконец — нет, не смерть, а рождение! — рождение в новой личности и возобновление деятельности, ежедневно порождающей все новые причины, плоды которых человеку предстоит пожинать в период последующего пребывания в дэвачане.

"Но тогда это не реальность, а просто сон, — возразят нам, — и душа, которая купается в обманчивых эмоциях блаженства, не имеющих под собою никакого реального основания, на самом деле просто обманута природой, и её ждет ужасное разочарование, когда она очнется ото сна и осознает свое заблуждение". Однако в действительности ничего подобного не происходит, и пробуждения ото сна так и не наступают, так как пробуждение от дэвачана становится следующим рождением в вещественной жизни, а оно требует от человека испытать воды из реки забвения. Что же до уединения души в дэвачане, то никакого сознания изоляции там нет, как нет и разлуки с избранным кругом близких людей. Причем эти близкие будут вести себя уже не так, как на земле, где друзья и приятели могут устать от вас и пожелать уйти, даже если вы очень хотите их видеть и они вам еще не надоели. Любовь, творческая сила, помещает перед личной душой, желающей их присутствия, их живые образы, которые её не покидают.*

---

* Ч. Ледбитер утверждал, что через эти образы действуют высшие "Я" соответствующих людей, причём не важно, находятся ли они в воплощении или вне его, а потому это общение имеет не более иллюзорный характер, чем общение на физическом плане через земную

личность. Таким образом души, заслужившие любовь большого количества людей, получают больше дополнительных возможностей для проявления и развития. — *Прим. ред.*

Говоря об этом, я снова могу воспользоваться словами моего учителя:

"Возражающие насчёт этого просто неуместно распространяют на дэвачан способы отношений существ, приложимые только к физическому существованию. Каждая из двух душ, находящихся в симпатии между собой, в развоплощённом состоянии вырабатывает свои ощущения дэвачана, делая другую участницей своего субъективного блаженства. Это будет для них так же реально, как если бы обе они были на земле. Тем не менее, в том, что касается личностной или телесной связи, они между собой разделены. Хотя наш земной опыт распознаёт только последний тип связи как *действительный*, для дэвачани он будет не только чем-то нереальным, но и не имеющим для *него* существования ни в каком смысле, даже как заблуждение: для его *духовных* чувств физическое тело или даже маяви-рупа является столь же невидимым, как он сам для тех, кто его любил на земле. И потому, даже если кто-то из "спутников" дэвачани всё ещё жив и, находясь в состоянии бодрствования, совершенно не подозревает о своем общении с умершим, для дэвачани это общение абсолютно *реально*. Да и какое ещё *действительное* содружество, кроме вышеописанного, чисто идеального, может быть между двумя *субъектными* существами, которые ещё менее материальны, чем даже наша эфирная тень — маяви-рупа? Возражать против этого на том основании, что существо таким образом якобы оказывается "обмануто природой", и называть его переживания "обманчивыми эмоциями блаженства, не имеющими под собою никакой реальности", значит демонстрировать полную неспособность понять условия жизни и бытия за пределами нашего материального существования. Ведь если здесь, в нашем мире, нам что-то представляется реальным, а что-то — поддельным или искусственным воспроизведением этой реальности, то можем ли мы утверждать, что в точности такое же разделение существует и в дэвачане, то есть в совершенно иных условиях, нежели наша земная жизнь? Один и тот же принцип нельзя применять к двум разным наборам условий. Можно ли представить себе, что реальность нашего воплощенного, физического состояния останется такою же реальностью и сможет сохранить те же самые качества и характеристики для развоплощённого существа? На земле человек имеет двойственную природу — в том смысле, что он является материальным и в то же время духовным существом; отсюда и естественное различие, проводимое его разумом, — анализирующим как физические ощущения, так и духовные восприятия, — между фантазией и реальностью. И хотя даже в этой жизни обе группы аналитических способностей постоянно стремятся уравновесить друг друга, та из них, которая преобладает в настоящий момент, рассматривает как иллюзию и игру воображения всё, что другой группе представляется полной реальностью. Но в дэвачане наше "Я" перестаёт быть двойственным в вышеописанном смысле и становится духовным, ментальным существом. И то, что в физической жизни казалось вымыслом, мечтаниями и относилось исключительно к сфере "фантазии", становится в новых условиях существования единственно возможной *реальностью*. Поэтому, если мы будем утверждать возможность существования для дэвачани какой-либо иной реальности, это будет абсурдом, чудовищным заблуждением и поддержкой в высшей степени нефилософичной идеи. Действительное — это то, что

совершается фактически: "реальность вещи доказывается её действительностью". И поскольку мнимого и искусственного в состоянии дэвачана быть не может, то отсюда логически следует, что всё в нем должно быть действительным и реальным. Осеняет ли шестой принцип — наша "духовная душа" — пять нижестоящих принципов в период жизни личности, или же полностью отделена от грубых принципов вследствие распада тела, она всегда несубстанциональна и всегда остается арупа; не обусловлена она и каким-либо конкретным местом и ограниченным горизонтом восприятия. И потому, в смертном теле или же вне его, она всегда отлична от него и свободна от всех его ограничений; и если мы называем её дэвачанический опыт "обманом природы", то тем самым лишаем себя права называть "реальностью" какое бы то ни было чисто абстрактное ощущение, целиком и полностью относящееся к сфере нашей *высшей* души, отражаемое и воспринимаемое ею — например, такие ощущения, как идеальное восприятие прекрасного, подлинная филантропия, любовь и так далее, равно как и любое другое чисто духовное ощущение, ещё при земной жизни наполняющее наше внутреннее существо во время земной жизни либо всепоглощающей радостью, либо страданием."

Нужно помнить, что в силу самой природы вышеописанной системы существует бесконечное разнообразие видов счастья в дэвачане, соответствующее бесконечному разнообразию степени заслуг и достоинств разных людей. Если бы "тот свет" действительно представлял собою вещественные небеса, как проповедует обыкновенная теология, то он был бы полон бесконечной несправедливости и ошибок. Начать хотя бы с того, что допущены туда будут лишь некоторые, а прочие будут изгнаны; блага же, полученные теми, кто всё-таки будет допущен в этот благодатный край, едва ли будут в точности соответствовать степени накопленных ими в жизни заслуг. Однако истинные небеса нашей Земли способны преспособиться к потребностям и заслугам каждого новоприбывшего с безошибочной соразмерностью. Это касается не только продолжительности состояния блаженства, определяемой причинами зарождающимися в предметной жизни, но и в силе и насыщенности эмоций, составляющих это блаженное состояние, то есть реальные небеса в точности подходят к той мере, в какой человека способен наслаждаться ими, ведь они — порождение его собственных устремлений и способностей. Пожалуй, это всё, что в состоянии понять о дэвачане непосвященный. Но и того, что уже было сказано, вполне достаточно, чтобы показать, насколько органично он вписывается в общую схему эволюции, занимая в ней и закономерное место.

Возвращаясь к прямым цитатам из моего учителя, можно добавить, что "дэвачан — это, конечно же, *состояние*, а не место, так же как и авичи, его противоположность (которую мы просим вас не путать с *адом*). Эзотерическая буддийская философия различает три основных *локи*, а именно: 1) кама-локу, 2) рупа-локу и 3) арупа-локу, что в переводе значит: 1) мир желаний и страстей, неудовлетворенных земных стремлений, обиталище "оболочек" (элементариев), а также жертв насильственной смерти и самоубийц; 2 — мир форм, то есть теней более духовных, имеющих форму и предметность, но не имеющих субстанции; 3 — бесформенный мир, или скорее, мир, лишенный формы, бестелесный, так как его обитатели не могут иметь ни тел, ни формы, ни цвета (в том смысле, который

вкладываем в эти понятия мы, смертные). Это три сферы, возрастающие по духовности, к которым притягиваются различные группы субъектных и полусубъектных существ. Все, кроме самоубийц и жертв преждевременной насильственной смерти, попадают, в соответствии со своими влечениями и способностями, либо в дэвачан, либо в авичи, то есть в одно из двух состояний, образующих бесчисленное множество вариаций в мирах рупа и арупа. Эти состояния не только имеют качественное разнообразие, касающееся формы, цвета и других характеристик, в которых они предстают перед субъектом, но и имеют бесчисленное множество степеней духовности и интенсивности ощущений — от низших на уровнях рупа и до самых возвышенных в арупа-локе. Изучающий должен помнить, что личность есть синоним *ограничения*; и чем более эгоистичными и ограниченными будут идеи, тем сильнее будет его притяжение к низшим сферам бытия и тем дольше ему придется оставаться на плане эгоистических социальных отношений".

Коль скоро дэвачан представляет собой состояние чисто субъективного наслаждения, продолжительность и интенсивность которого определяются добродетельностью и духотностью прошедшей земной жизни, то во время пребывания в нем души нет никакой возможности заслуженного воздаяния за совершённые человеком злые дела. Однако природа не позволяет себе ни прощать грехи, списывая их со счета просто так, ни предавать грешников по любому поводу вечному проклятию, подобно нерадивому домохозяину — слишком ленивому и недостаточно человеколюбивому для того, чтобы надлежащим образом анализировать поступки и мотивы своих домочадцев и судить их справедливым судом. Карма злодеяний, велика она или мала, столь же непременно вступит в действие в положенное время, как и карма добрых дел. Однако место её действия — не дэвачан, а новое рождение либо авичи — состояние, в которое попадают лишь очень своеобразные личности и лишь в исключительных случаях. Иначе говоря, если рядовой грешник будет пожинать плоды своих дурных дел в следующем перевоплощении, то закоренелого злодея — настоящего аристократа греха — ожидает перспектива авичи, состояние субъективного духовного терзания, обратная сторона дэвачана.

"Авичи — это состояние наиболее *идеального духовного* зла, отчасти напоминающее состояние Люцифера, столь блестяще описанное Милтоном. Но попадают в него немногие, как может догадаться вдумчивый читатель. Однако если мы утверждаем, что дэвачан предназначен почти для всех — как для добрых, так и для злых, и для равнодушных, — то гармония и равновесие оказываются в этом случае грубо нарушенными. Закон неотвратимого воздаяния и беспристрастной справедливости едва ли примирится и удовольствуется тем, что противоположность дэвачана вступает в действие так редко или же вовсе отсутствует; а потому мы должны признать, *что это не так*. "Зло — это темный сын Земли (материи), а *Добро* — светлая дочь Неба" (или духа), — говорит китайский философ; а поэтому местом наказания за большинство наших грехов является земля — место зарождения зла и поле его действия. Впрочем, даже на земле больше зла кажущегося и относительного, чем настоящего, и народным массам не дано каждодневно достигать губительного величия и значения "Сатаны".

Как правило, плохая карма терпеливо ожидает нового рождения человека в предметное существование, чтобы проявиться во всей своей неотвратимости. Не то чтобы вся хорошая карма полностью исчерпывала себя в дэвачане, после чего несчастной монаде приходилось бы развивать свое новое сознание, не имея за собой ничего, кроме злых деяний своей прошлой личности. Перевоплощение определяется как заслугами, так и упущениями предшествующей жизни, а существование в дэвачане есть всего лишь розовый сон — мирная ночь, наполненная сновидениями, более живыми и яркими, нежели дневное существование, и не проходящая в течение многих столетий.

Как будет показано ниже, дэвачан является только одним из состояний, образующих совокупное духовное (или относительно духовное) приложение к нашей земной жизни. Любители спиритических феноменов не сталкивались бы со всеми теми затруднениями, которые им приходится испытывать, если бы кроме дэвачана не было других состояний. Ведь как только человек оказался в дэвачане, он полностью погружается в свои собственные ощущения и практически не помнит о покинутой им Земле, то остается крайне мало возможностей для его общения со своими бывшими друзьями, продолжающими жить земной жизнью. Если узы взаимной привязанности между друзьями достаточно сильны, то не имеет значения, покинули ли они Землю раньше или по-прежнему остаются на ней: они всё равно присоединятся к счастливому дэвачаническому духу такими же довольными, блаженными и невинными, как он сам. Однако *возможно*, что и у живущего человека тоже быть видение дэвачана, но такие видения редки и носят односторонний характер, ибо пребывающие в дэвачане, наблюдаемые земным ясновидящим, даже не подозревают о том, что их видят. При этих редких видениях дух ясновидящего возносится в состояние дэвачана и входит в живые иллюзии этого существования. При этом у ясновидящего создается впечатление, что духи, с которыми он связан дэвачаническими узами симпатии, спускаются вниз, чтобы навестить землю и его самого, хотя на самом деле имеет место совершенно противоположное: это его дух поднимается к ним в дэвачан. Таким образом, многие субъективные духовные контакты (устанавливаемые большей частью тогда, ум сенситива чист) следует признать реальными, хотя непосвященному медиуму до очень трудно удержать в своей памяти истинные и неискаженные представления о том, что он при этом видел и слышал. Такими же реальными могут быть (хотя и гораздо реже) некоторые явления из числа тех, которые именуют психографией. Их суть состоит в том, что дух сенситива, так сказать, одилизируется аурой духа дэвачани, вследствие чего сам на несколько минут *становится* этой развоплощенной личностью и, находясь в таком состоянии, может записать некоторые мысли, которые были свойственны этой личности при жизни (причем её собственным почерком и языком). Два духа на время сливаются воедино, и преобладание одного из них над другим определяет преобладание в этом соединенном духе тех или иных характерных качеств. Так иногда можно наблюдать то, что обычно называют французским словом *rapport*, что по сути есть тождественность молекулярных вибраций астральных частей воплощенного медиума и развоплощенной личности.

Как уже указывалось и как нам подсказывает наш собственный здравый смысл, состояние дэвачана может иметь огромное множество вариантов, так что каждая

личность попадает в нем в самые подходящие для нее условия. Оттуда она затем переходит в подходящее для неё место в мир причин, на эту или другую землю, в зависимости от обстоятельств, когда происходит новое её рождение. И если учесть, что этот процесс сопровождается переходом из одного воплощения в другое сродств и наклонностей, совокупно называемых кармой, — тенденций к хорошему и плохому, зарождённых в прошлой жизни, — то можно видеть, что данное обстоятельство предоставляет нам не более и не менее, как ключ к решению загадки, которая до сих пор считалась неразрешимой, — загадки неравенства, с рождения существующего между людьми. Те условия, в которых мы начинаем свою жизнь, являются прямым следствием того, как мы использовали возможности, предоставленные нам в прошлом земном существовании. Они не препятствуют созданию новой кармы, какой бы она ни была, ибо она порождается тем, какое применение мы даём в свою очередь уже *им*. Но не следует полагать, что каждое событие нашей текущей жизни, приносящее нам либо радость, либо страдания, непременно является результатом действия нашей прежней кармы, приносящей свои плоды. Очень многие происшествия представляют собой непосредственные последствия действий, производимых в этой же самой жизни, — так сказать, наличные расчеты с природой, для которых ей едва ли приходится обращаться к записям своей бухгалтерии. Однако огромное неравенство, проявляющееся между людьми уже при рождении в этом мире, есть явное следствие прошлой кармы, бесконечное разнообразие которой неустанно поставляет все новых и новых рекрутов для службы в многообразных вариациях человеческих обстоятельств.

Не следует полагать, будто истинное "Я", оставляя земную жизнь со всеми её привязанностями, мгновенно впадает в состояние дэвачана. На то время, когда противоборствующие влияния четвертого и шестого принципов завершают в кама-локе разделение (или очищение) пятого принципа, истинное "Я" впадает в состояние бессознательного созревания. Я уже говорил, что жизнь в дэвачане сама представляет собой процесс роста, взросления и старения, однако на этом аналогии с землей не исчерпываются. Переходу в духовную жизнь предшествует родовое состояние, столь же бессознательное, как и то, что предшествует вхождению в физическую предметную жизнь. И этот период в различных случаях может иметь разную протяженность — от нескольких мгновений до весьма продолжительного времени, измеряемого многими годами. Когда человек умирает, его душа (или пятый принцип) погружается в бессознательное состояние и лишается всех воспоминаний как о внешних вещах, так и о внутренних. И неважно, сколько продлится его пребывание в кама-локе — несколько мгновений, часов, дней, недель, месяцев или лет; неважно, умирает ли он естественной или насильственной смертью, происходит ли это в юном или преклонном возрасте, а также каким было при жизни его "я" — добрым, злым или нейтральным; всё равно его сознание покидает тело очень быстро, подобно тому, как пламя покидает фитиль задутой свечи. Когда жизнь покидает последнюю частицу материи мозга, последний утрачивает способность к восприятию навсегда, а духовные способности человека — такие, как познание и воля, — тоже на некоторое время пропадают. В предметном мире может проявиться его маяви-рупа, как бывает в случае с привидениями, являющимися после смерти, но за исключением случаев, когда она послана сознательным или сильным желанием явиться перед кем-нибудь

или увидеть его, которое действует через умирающий мозг, это привидение будет действовать просто автоматически. Как явствует из сказанного, последующее возобновление сознания в кама-локе зависит прежде всего от свойств и качеств тех принципов, которые бессознательно покидают умирающее тело. Это пробуждение может быть относительно полным, но только при условиях, которые никак нельзя назвать желательными; или же оно может вообще не наступить, по причине быстрого перехода состояние созревания, ведущее в дэвачан. Это созревание может длиться очень долго, соразмерно накопленному "Я" запасу духовных сил; а всё остальное время пребывания человека между физической смертью и следующим рождением приходится на дэвачан. Конечно, общая продолжительность периода между смертью и новым рождением в значительной степени варьируется у разных людей, но говорят, что перевоплощение ранее, чем по истечении пятнадцати столетий, почти невозможно, в то время как пребывание в дэвачане, являющееся наградой за весьма богатую карму, иногда может достигать огромной продолжительности.

Замечания

Комментарии к учению, изложенному в предшествующей главе, удобнее будет перенести в конец следующей, совместив их с комментариями к приводимому в той главе описанию условий кама-локи.

Глава VI

КАМА-ЛОКА

Всё уже сказанное касательно посмертной участи высших принципов человека поможет нам проложить путь к пониманию тех обстоятельств, в которых оказываются остатки низших принципов человека после того, как истинное "Я" переходит либо в состояние дэвачана, либо в промежуточное бессознательное состояние подготовки к нему, соответствующее периоду физического внутриутробного созревания. Та сфера, в которой временно остаются эти остатки, известна оккультной науке под названием кама-лока, или сфера желания. Это не означает, что желания в ней достигают какой-то аномальной интенсивности в сравнении с желаниями, испытываемыми человеком в земной жизни; просто в этой сфере ощущение желания, являющееся частью нашей земной жизни, способно сохраняться.

Из сказанного нами о дэвачане очевидно, что значительная часть воспоминаний, накопленных вокруг человеческого "Я" в течение жизни, по самой природе своей несовместима с чистым субъектным существованием, к которому стремится истинное, неподвластное смерти духовное "Я"; однако они не обязательно исчерпываются и перестают существовать. Они сохраняются в некоторых молекулах более тонких (но не самых тонких) человеческих принципов, покидающих тело в момент смерти; и в точности как то, что обобщённо называют

"душой", отделяется от тела, так происходит и дальнейшее разделение составляющих элементов этой "души". Та часть пятого принципа (или человеческой души), которая по своей природе соединима с шестым принципом, духовной душой, и тянется в верх к нему, переходит, вместе с зачатком этой божественной души, в более высокую сферу (состояние дэвачана), где почти полностью освобождается ото всех земных привязанностей, — освобождается практически полностью в том, что касается её собственного духовного продвижения, хотя и сохраняет некоторое сродство с духовными устремлениями, исходящими с земли и может иногда притягивать их к себе. Но животная душа, или четвертый принцип (элемент воли и желаний, связанных с вещественным существованием), не тяготеет вверх и потому отдаляется от земли не более чем частицы тела, преданного земле. Однако местом пребывания этого четвертого принципа становится вовсе не могила. По своей природе (или сродствам) он не является духовным принципом, он и не физический. Лишь привязанности его физические; отсюда и результат. Он остается в сфере физического притяжения земли, в земной атмосфере, в той или иной местности; но поскольку он не принадлежит к разряду атмосферных газов (которые нужно рассмотреть особой в связи с обсуждаемой проблемой), то скажем, что четвертый принцип остается в кама-локе.

Вместе с четвертым принципом остается значительная часть человеческого существа (так, к сожалению, у большинства людей, хотя относительная её величина сильно разнится). Есть множество свойств, демонстрируемых каждым сложным человеческим существом — страстные чувства, желания, поступки и моря воспоминаний, — которые в сущности принадлежат физической жизни, хотя в них почти столько же живости, сколько и в высших устремлениях, и потому требуется время, чтобы они угасли. Их человек оставляет вместе с четвертым принципом, имеющим исключительно земную, смертную природу, и связанные с ним, они угасают, поглощаясь соответствующими вселенскими принципами, которым они принадлежат, подобно тому, как тело со временем поглощается землей; это происходит быстрее или медленнее соответственно степени сцепления субстанции, из которой они состоят.

Но где же тем временем оказывается сознание умершего человека? Конечно же, в дэвачане. Однако читателя, мало сведущего в оккультной науке, может ввести в затруднение тот факт, что в астральной составляющей человека, оставшейся в кама-локе, четвертом принципе с частью пятого, тоже присутствует некое подобие сознания. Говорят, что индивидуальное сознание не может пребывать в двух местах одновременно. Но на это мы можем сказать, что до некоторой степени это возможно. Как вскорости будет показано, было бы ошибкой говорить о сознании (как мы понимаем ощущение жизни), применительно к астральной оболочке, или астральным останкам. Речь может идти только о некоторых проявлениях псевдосознания, которое пробуждается иногда в оболочке, никоим образом не связанных с подлинным сознанием, в это время накапливающим силу и жизненную энергию в духовной сфере. Оболочка неспособна усваивать и воспринимать новые идеи и тем более разрабатывать на основании этих идей какую бы то ни было программу конкретных действий. Но в астральной оболочке иногда сохраняются импульсы воли, переданные ей при жизни. Четвертый

принцип служит инструментом воли, хотя это не сама воля; и импульсы, полученные им при жизни от высших принципов, могут продолжать действовать и производить результаты, для поверхностного наблюдателя почти неотличимые от тех, которые достигаются человеком при жизни, когда высшие принципы соединены с низшими.

При жизни четвертый принцип служит проводником смертного, по своей сути, сознания, не отвечающего условиям постоянного существования; но сознание даже низших принципов, проявляющееся *в течение жизни*, заметно отличается от смутного, нестабильного и неконкретного сознания, сохраняющегося в этих принципах, когда то, что *в действительности является жизнью*, осенявшее их или оживлявшее их своим вливанием духа, прекратило действовать через них. Человеческий язык не в силах раскрыть сразу все аспекты этой многогранной идеи, чтобы одновременно сделать их понятными, точно так же как невозможно отразить в плоском рисунке сразу все стороны объемного тела. И на первый взгляд несколько зарисовок, изображающих один объект с разных сторон, могут показаться такими разными, что в них трудно будет узнать одну и ту же вещь; хотя со временем, совместив их в уме, можно составить единую гармоничную картину. Так вот и с тонкими свойствами невидимых принципов человека — ни один трактат не может претендовать на большее, чем раздельное рассмотрение их разных аспектов. И взгляды с разных точек зрения должны совместиться в уме читателя, прежде чем его представления станут соответствовать реалиям природы.

При жизни четвертый принцип является вместилищем воли и желания, но это не сама воля. Он должен оживляться осеняющим его духом, или "единой жизнью", находиться в единстве с ним, дабы служить проводником этой возвышенной жизненной функции — воли в одном из самых высоких её проявлений. Как уже говорилось, санскритские названия высших принципов внушают мысль о том, что эти принципы являются проводниками единой жизни. Не то чтобы сама эта жизнь была каким-то делимым молекулярным принципом, она — единение всего и влияние духа. Впрочем, эта идея слишком тонка для нашего языка, а возможно, и для самого интеллекта. Но в данном случае её присутствие достаточно очевидно. Какие бы желания ни проявлял четвертый принцип при жизни, после физической смерти он уже не способен к активной волевой деятельности. И все же при некоторых ненормальных обстоятельствах он может, частично на время возвращаться к жизни, и этот факт способен объяснить многие, но ни в коем случае не все, явления спиритического медиумизма. Следует помнить, что "элементарий" (как обычно называли в прежних оккультных сочинениях астральную оболочку), в медиумическом токе может быть временно гальванизирован до состояния сознания и жизни, напоминая первое пробуждение человека, которого внесли в незнакомую комнату, больного и бесчувственного. Он очень слаб, его мысли путаются, он обводит все вокруг непонимающим взглядом, силясь осознать, что с ним происходит, вслушивается в слова, которые ему говорят, и даже пытается что-то отвечать. Такое состояние сознания не принимает в расчет ни настоящее, ни будущее. Это автоматическое сознание, заимствованное у медиума. Необходимо также помнить, что медиум является человеком, чьи принципы недостаточно крепко связаны между собою и потому могут быть на время заимствованы другими существами или

блуждающими в пространстве принципами, притягивающими некоторые из них, полностью или частично. Что же происходит, когда астральная оболочка оказывается вблизи человека, имеющего такую конституцию? Представьте себе человека, который только что освободился от своей земной оболочки, не успев осуществить перед смертью какое-либо желание, очень важное для него — не обязательно низменное, но всецело связанное с земною жизнью. Допустим, это желание сообщить что-либо кому-то из оставшихся на земле людей. Разумеется, не следует считать, что оболочка способна перемещаться в кама-локе, движимая разумным, осознанным и устойчивым стремлением осуществить задуманное; просто это последнее желание передается, наряду с другими волевыми импульсами, четвертому принципу, и пока молекулы, составляющие этот принцип, остаются связанными воедино (что может продолжаться многие годы), достаточно даже частичного возвращения её к жизни (путём гальванизации), чтобы она снова стала действовать в направлении ранее приданного импульса. И если такая оболочка вступает в контакт с медиумом (не настолько отличным по своей природе от покойного обладателя этой оболочки, чтобы раппорт между ними оказался невозможен), то некоторая часть пятого принципа медиума может присоединиться к этому блуждающему четвертому принципу и тем самым запустить некогда приданный импульс в действие. Тот минимум сознания и разума, без которого четвертый принцип не смог бы воспользоваться такими средствами сообщения, как грифельная доска и карандаш или крышка стола, по которой можно стучать, заимствуется у самого медиума; и тогда передаваемое подобным образом послание может в действительности оказаться тем посланием, которое усопший поручил перед смертью своему четвертому принципу, который до сих пор был лишен возможности его передать. Кто-то, возможно, скажет, что феноменальное появление надписей на закрытой грифельной доске, равно как и постукивание по столу, к которому явно никто не прикасается ни пальцами, ни какими бы то ни было предметами, уже сами по себе могут быть отнесены к явлениям самого чудесного свойства и потому служат очевидным доказательством того, что производящий их разум обладает знанием сил природы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Но дело в том, что астральная оболочка сама пребывает в астральном мире, то есть в царстве этих самых сил. И феноменальные проявления для нее — просто естественный образ действий. Она сознаёт процесс получения удивительных результатов с помощью сил этой более высокой, чем наша, сферы существования, не более, чем мы сознаём силы, посредством которых при жизни наши волевые импульсы передаются физическим нервам и мускулам.

На это нам, опять-таки, могут возразить, что во время спиритических сеансов "сообщающийся разум" нередко производит свои феномены исключительно ради самих феноменов, то есть с целью продемонстрировать свою власть над силами природы. Однако мы должны напомнить читателю, что оккультная наука весьма далека от того, чтобы утверждать, будто все без исключения феномены спиритизма связаны с источниками одной и той же категории. В этой книге мы до сих пор еще почти ничего не сказали об "элементах" — этих полуразумных существах астрального света, принадлежащих к совершенно иному царству природы, нежели мы. Сейчас мы не можем подробно останавливаться на их свойствах, и тому есть простая и очевидная причина: что адепты оккультизма настроены решительно против распространения подробных знаний об элементах

и о том, как они действуют. Владеть такими знаниями — значит обладать сверхфизической силой, в чём и причина величайшей секретности, которую оккультная наука окружает эту область знаний. Передавать эти силы людям, которые не прошли всех испытаний посвящения и не подтвердили свою нравственную надёжность, может быть крайне опасным. Именно благодаря управлению элементами адепты совершают некоторые свои наиболее впечатляющие физические чудеса. А наиболее выдающиеся физические феномены, наблюдаемые в ходе спиритических сеансов, представляют собой результаты спонтанной игры элементов. То же самое можно сказать практически обо всех индийских факирах и йогах низшего разряда, способных совершать феноменальные явления. Тем или иным образом, вероятнее всего, благодаря переданным им по наследству разрозненным обрывкам оккультных учений, они овладевают некоторой, как правило, небольшой, толикой оккультной науки. При этом им даже не обязательно понимать природу тех сил, которые они используют, так же как индийскому слуге, которого взяли работать на телеграф и научили, в каких пропорциях смешивать ингредиенты электролита для гальванической батареи, совсем не обязательно знать теорию электричества. Вполне может случиться, что это вообще единственный трюк, которому он обучен; и то же самое можно сказать о низшем разряде йогов. Они могут подчинять своему влиянию определенных элементов и с их помощью производить чудеса какого-либо определенного типа.

Возвращаясь к рассмотрению оболочек, оставляемых людьми в кама-локе, можно заметить, что их поведение во время спиритических сеансов не может быть в полной мере объяснено теорией, согласно которой они стремятся передать на землю то или иное послание, оставленное их прежними хозяевами, и пользуются для этого услугами первого попавшегося медиума, подходящего для данной цели. Даже если оставить в стороне все феномены, которые можно отнести на счет проделок элементов, то мы будем вынуждены признать, что сталкиваемся иногда с проявлениями со стороны элементариев, или оболочек, настолько целостного и последовательного интеллекта, что объяснить их одним лишь сохранением импульсов, оставшихся от прошлой жизни, не представляется возможным. Так оно и есть; но в сочетании с заимствованной у медиума частью пятого принципа, четвертый принцип снова становится послушным орудием в руках хозяина. Когда медиум погружен в транс, довольно значительная часть энергии его пятого принципа способна присоединиться к блуждающей оболочке, и в результате достигается временный эффект весьма заметного проявления сознания через эту оболочку. Но какова же в конце концов природа возникающего таким образом сознания? Ее можно сравнить с отраженным светом, и не более того.* Память — это одно, а способность к восприятию — совсем другое. Умалишенный тоже может отчетливо помнить многие эпизоды своей жизни, но он не способен воспринимать что-либо в истинном свете, потому что высшая часть его манаса (пятого принципа) и его буддхи (шестой принцип) не действуют в нём и покинули его. Если бы животное (например, собака) могло описать свои переживания, мы убедились бы в том, что его память (в том, что непосредственно касается его животной личности) столь же хороша, как и память его хозяина; тем не менее, память и инстинкты нельзя назвать способностями восприятия.

---

* В своих лекциях "Философия Бхагавад-гиты" Т. Субба Роу показывает, что и при жизни проявление сознания в телах человека имеет такую же отражённую природу. — *Прим. ред.*

Как только оболочка попадает в ауру медиума, она тут же перенимает, причем довольно точно, всё, что только может почерпнуть из заимствованных у медиума принципов и воспринять через его органы, пребывающие в магнетической связи с нею. Но это не идёт за пределы диапазона восприятия того же медиума или кого-то из присутствующих на сеансе. Отсюда те зачастую разумные, а иногда и весьма глубокомысленные ответы, которые можно от нее услышать, а также неизменная неосведомленность относительно всего того, чего не знают медиум или участники спиритического круга и чего не содержит в себе низшая, земная память умершей личности, частично реанимированной теми влияниями, под которыми она оказалась.* Оболочка интеллектуального, учёного, но полностью бездуховного человека, умершего естественной смертью, может просуществовать дольше, нежели элементарии людей с более слабым темпераментом, и даже произносить устами погруженных в транс ораторов (но не без помощи остатков своей собственной памяти) совсем недурные речи. Но они никогда не выйдут за рамки вопросов, над которыми ему приходилось напряженно и углубленно размышлять в течение жизни, а также не продемонстрируют ничего, что указывало бы на его дальнейшее продвижение в познании.

---

* Эта теория, однако, не объясняет тех случаев, когда на сеансах давались сведения, новые для медиумов, и учения, не характерные для их страны и времени, как например учение о реинкарнации, полученное французскими спиритами в середине XIX века. — *Прим. ред.*

Несложно понять, что когда астральная оболочка, притянутая в медиумический поток, вступает в раппорт с пятым принципом медиума, её вовсе не обязательно будет оживлять сознание (если это можно назвать сознанием), идентичное сознанию умершего, с высшими принципами которого она некогда была связана. Зато более чем вероятно, что ей придется отражать какую-то совершенно иную личность, характеристики которой, по крайней мере, некоторые из них, предлагаются ей умом медиума. В этой личности она и будет являться некоторое время и отвечать на вопросы; но затем в нестабильном и автоматическом восприятии элементария эхом отражается поток мыслей, рожденный разумом еще кого-то из присутствующих, и его ощущение личности начинает колебаться. Некоторое время оно мечется между двумя или тремя предложенными вариантами, а затем и вовсе пропадает на некоторое время. Оболочка снова засыпает в волнах астрального света, но уже через несколько мгновений может быть опять неосознанно привлечена к решению каких-то иных земных проблем.

Помимо уже описанных обычных элементариев, или оболочек, в кама-локе обитают еще и астральные существа иного рода, которых надо учитывать, если мы хотим понять себе всё многообразие состояний, в которых человек может оказаться в промежутке между двумя физическими жизнями. До сих пор мы рассматривали нормальный ход событий, когда человек умирает своей естественной смертью. Однако аномальная смерть влечет за собою и аномальные последствия. Так, в случае с самоубийцами и с людьми, преждевременно

умершими в результате несчастных случаев, развитие событий заметно отличается от последствий естественной кончины. Вдумчивое рассмотрение таких случаев должно показать, что в мире, управляемом правилами и законами, где сродства приводят к определённым последствиям, установленным природой, случай человека, погибшего внезапной смертью, когда его принципы были ещё прочно соединены и готовы держаться вместе ещё 20, 40 или 60 лет (смотря, сколько лет естественной жизни ему ещё оставалось), должен обязательно в чём-то отличаться от случая человека, дожившего до естественной стадии разрушения, когда сцепление между принципами начинает ослабевать, и ко времени остановки жизненного механизма каждый из них уже готов направиться далее своим собственным путем. Природа, всегда щедрая на аналогии, хорошо иллюстрирует эту идею на примере зрелого и незрелого плода. Если из первого косточка извлекается так же легко, как рука вынимается из перчатки, то из второго, незрелого, косточку можно выцарапать лишь с трудом, и так же непросто очистить ее затем от остатков мякоти плода. Так и в случае преждевременной смерти или самоубийства: косточку приходится извлекать из недозревшего плода. Мы не будем пока рассуждать о моральной ответственности, которую человек несет за акт самоубийства. Вполне возможно, что в большинстве случаев эта моральная ответственность действительно имеет место, однако это уже сфера деятельности кармы, которая, как и всякая другая карма, последует за человеком в его следующее воплощение, но это не имеет отношения к затруднениям, с которыми может встретиться такому человеку, прежде чем чтобы стать полностью и по-настоящему мертвым. Эти трудности, очевидно, одинаковы как для самоубийцы, так и для человека, погибшего во время героического исполнения своего долга, или для жертвы несчастного случая, над которым она была не властна.

Как правило, когда человек умирает, карма естественным образом прекращает составление своих счетов, или, иными словами, сложный набор наклонностей и привязанностей, устоявшийся в течение жизни в самом первом из непреходящих человеческих принципов (то есть в пятом), не может более пополняться. А подведение баланса откладывается до будущих времен, когда наступает следующее предметное рождение. Иными словами, сродства, долгое время дремавшие в дэвачане из-за отсутствия там подходящего для них поля деятельности, вновь утверждают себя, как только приходят в контакт с физическим существованием. Но в случае преждевременной смерти пятый принцип, играющий роль вместилища этих наклонностей, не может отделиться от земного принципа — четвертого. И потому элементарий, насильственно выброшенный из тела и оказавшийся в кама-локе, является уже не просто оболочкой, а самою личностью, которая недавно была живой и если и лишилась чего-то, то только физического тела. Её даже нельзя назвать мертвой в полном смысле этого слова.

Разумеется, элементарии подобного рода могут вполне осмысленно общаться с участниками спиритических сеансов, хотя и не без ущерба для себя самих, поскольку они, к сожалению, сохраняют способность создавать новую карму благодаря целостности своей астральной структуры и утоляют свою жажду жизни из нездорового медиумического источника. И если при жизни эти элементарии были личностями очень чувственными и приземленными, то и после физической

смерти они будут стремиться к удовольствиям подобного сорта, потворство которым может иметь в их нынешнем развоплощенном состоянии даже более прискорбные последствия для их кармы, нежели когда они искали тех же самых удовольствий при жизни. В таких случаях *facilis est descensus* (легко скатываться вниз). Будучи вырванными из жизни на самом пике развития своих земных страстей, они стремятся вернуться в привычную обстановку и прельщаются возможностью удовлетворить свои желания с чужой помощью, предоставляемой им медиумами. Они становятся инкубами и суккубами средневековых сочинений — жаждающими и ненасытными демонами, подталкивающими свои жертвы к преступлениям. Написанный мною в прошлом году краткий очерк на данную тему, несколько фраз из которого я только что воспроизвел, был опубликован в журнале "Теософист", с примечанием, аутентичность которого не вызывают у меня никаких сомнений. Смысл примечания сводится к следующему:

"Разнообразие посмертных состояний человека превосходит (если это вообще возможно) даже разнообразие человеческих жизней на земле. Жертвам несчастных случаев далеко не всегда приходится блуждать по земле — в поток её притяжения попадают только те, кто умер, отягощенный земными страстями, — эгоистичных людей, даже не помышлявших на протяжении своей жизни о благе других. Застигнутые смертью в самом расцвете (реальном или кажущемся) той или иной доминирующей страсти своей жизни, но так и не успевшие удовлетворить свои желания (или даже успевшие, но желающие ещё), такие личности не в силах преодолеть земное притяжение, чтобы ждать часа своего избавления в счастливом неведении и полном забвении. Из самоубийц те, которые подталкивают свои жертвы к преступлениям, принадлежат к категории покончивших с собою из страха перед человеческим судом за совершённые ими злодеяния или из-за угрызений собственной совести. Нельзя безнаказанно нарушать закон природы, и неумолимая причинная связь между действием и результатом в полной мере проявляется именно в мире следствий, в кама-локе, где за каждое преступление человек несет адекватное наказание; и оно может проявляться в тысяче различных форм, для самого поверхностного описания которых потребовалось бы много томов."

Те же, кто в счастливом неведении и забвении ожидает часа своего избавления, это конечно же те жертвы несчастных случаев, которые ещё на земле зародили в себе чистые и возвышенные сродства, так что после смерти они настолько же вне власти искушения, приходящего в форме медиумических потоков, насколько они были не подвержены преступным соблазнам во время земной жизни.

Следует ещё рассмотреть встречающихся в кама-локе существ иного типа. Мы уже проследили судьбу высших принципов человека после физической смерти, упомянув об отделении астральных отходов от непреходящей духовной составляющей и уточнив, что духовность может быть по своей природе либо святой, либо сатанинской, что и определяет её дальнейший переход соответственно либо в дэвачан, либо в авичи. Мы разобрали природу отделяющейся элементарной оболочки, способной сохранять некоторое время обманчивое сходство с подлинной личностью. Мы также обратили внимание читателя на исключительные случаи существования в кама-локе настоящих человеческих существ, включающих в себя все четыре принципа, и пояснили, что

это, как правило, жертвы несчастных случаев и самоубийцы. Но что происходит с личностью, не обладающей ни единым атомом духовности и не имеющий в своем пятом принципе никаких следов духовного сродства — ни к хорошему, ни к плохому? Очевидно, что в этом случае шестой принцип ничего не сможет притянуть к себе из пятого. Или, иными словами, такая личность уже потеряла свой шестой принцип еще до наступления физической смерти. Для подобного рода личности кама-лока оказывается сферой не менее закрытой, чем субъектный мир. Кама-лока может быть местом постоянного обитания астральных существ, элементаров; но для человека она может являться только преддверием к переходу в какое-то иное состояние. В воображаемом нами случае человеческая личность подхватывается сразу же после смерти потоком своей будущей судьбы, не имеющим ничего общего ни с атмосферой Земли, ни с дэвачаном, но связанного только с "восьмой сферой", упоминаемой иногда в старых оккультных трудах. Вероятно, большинству читателей до сих пор не было понятно, почему мы называем эту сферу "восьмой"; однако теперь, после того как впервые были публично даны объяснения семеричного устройства нашей планетной системы, значение термина становится достаточно ясным. Циклический процесс эволюции проходит через семь сфер, но с нашей Землей связана еще одна, восьмая сфера, так как не следует забывать, что наша Земля является поворотной точкой в этой циклической цепи. Таким образом, восьмая сфера — это выпадающий из общего круга тупик, из которой, по правде сказать, не вернулся еще ни один путник.

Легко можно предположить, что единственная сфера, связанная с нашей планетной цепью и расположенная ниже нашей сферы на шкале, имеющей дух в вершине, а материю в основании, должна быть не менее доступной нашему физическому зрению и оптическим инструментам, нежели сама Земля. А поскольку предназначение, которое данной сфере придется выполнять в нашей планетной системе, самым непосредственным образом связано с Землей, загадка восьмой сферы уже практически не таит в себе ничего загадочного, равно как и известно место, где её следует искать на небе. Однако что касается условий существования там, то адепты в сообщениях своим непосвященным ученикам крайне осторожны в своих высказываниях на данную тему, а потому у меня сейчас не имеется дальнейших сведений на этот счёт.

Впрочем, одно заявление об этом уже определенно было сделано, а именно, столь полная деградация личности, которая после смерти притягивает её в восьмую сферу, явление очень редкое. В огромном большинстве жизней всегда находится что-нибудь, что может притянуться к высшим принципам, — нечто такое, что способно оправдать очередную перевернутую страницу существования и спасти её от полного уничтожения. И здесь необходимо вспомнить, что дэвачанические воспоминания о жизни, какими бы достоверными и яркими они ни были сами по себе, касаются только тех жизненных эпизодов, которые вызывали в человеке ощущение возвышенного типа счастья, ибо только такое подлечит дэвачану, хотя вся остальная жизнь, с которой человек, как бы снял сливки, тоже может быть восстановлена в памяти, причем во всех подробностях. Но такое полное воспоминание достигается индивидуальностью лишь на пороге намного более высокого духовного состояния существования, чем то, которым мы заняты сейчас, — состояния, достигаемого намного позже в процессе продвижения через

огромные циклы эволюции. Каждая из продолжительной череды жизней, пройденных к тому времени человеком, покажется ему тогда отдельной страницей довольно объемистой книги, к которой её владелец, может обратиться в любое время по своему усмотрению, хотя многие её страницы, вероятно, покажутся ему чересчур скучным чтивом, и он нечасто будет к ним обращаться. Именно это оживление в памяти всех своих собственных, давно забытых личностей в действительности подразумевалось в доктрине о воскресении. Однако в сейчас у нас нет времени на то, чтобы, прервав начатое изложение, переключаться на изучение символизма, связанного с учениями, которые мы пытаемся донести до читателя. Возможно, что стоит впоследствии посвятить этой теме отдельное исследование. А пока, возвращаясь к изложению фактов, мы можем пояснить, что во всей многостраничной книге воспоминаний её достигший "воскресения" владелец не найдет ни одной целиком и полностью бесславной страницы. Ибо если даже его духовная индивидуальность была связана со столь безнадежно деградировавшими личностями, что они были полностью затяннуты низшим водоворотом, то она в таких случаях не сохранит в своих сродствах ни следа от них — такие страницы окажутся как бы вырванными из книги. А когда по окончании борьбы духовная индивидуальность, пройдя кама-локу, переходит в бессознательное состояние созревания, из которого, минуя дэвачан, перемещается прямо (хотя не сразу по времени) в следующую жизнь вещественной деятельности, всё самосознание, связанное с деградировавшей личностью, должно будет перейти в более низкий мир, где оно, в конечном счете, обречено на "вечную погибель" — это одно из выражений, бездумным хранителем которых стало современное богословие, сделав из психически-научных фактов полную чепуху.

Замечания

Ни одна часть данной книги не требует, по моему мнению, такого подробного рассмотрения и обстоятельных комментариев, как две предыдущие главы. Наши учителя на первых порах не очень много рассказывали о существовании в кама-локе и более высокой сфере, или состоянии дэвачана, для которого кама-лока является лишь преддверием; и я полагаю, что они делали это намеренно, чтобы передать для начала общие представления обо всем процессе эволюции. Духовное состояние, следующее непосредственно за нашей нынешней физической жизнью, есть отдел природы, изучение которого вызывает почти нездоровый интерес у каждого, кто однажды осознает, что между этим царством и нашим миром возможны контакты и даже некоторые эксперименты с участием его обитателей. Нам уже известно кое-что о феноменах того состояния существования, в которое человеческое существо переходит после смерти тела. Опыты спиритов в изобилии предоставляют нам связанные с ним факты. Однако большинство выводов и теоретических умозаключений, извлекаемых из накопленной информации о кама-локе, балансирует на пределе человеческого воображения; и ничто, кроме логичного и последовательного эзотерического учения, рассматриваемого во всей его полноте, не в состоянии упорядочить мысли занимающихся изучением фактов спиритизма и уберечь их от умозаключений, ошибочность которых это учение неизбежно демонстрирует. Поэтому интересующимся теософией не стоит сожалеть о том, что их постепенное приобщение к духовной науке осуществляется

так, что их внимание не привлекают к вопросам, касающимся состояния существования, непосредственно следующего за физическим. Интеллектуальные преимущества, получаемые от изучения общего плана Природы по всем её великим царствам, в которые способно проникнуть только совершенное ясновидение адептов, трудно переоценить, если это изучение предшествует подробному и обстоятельному ознакомлению с той духовной авансценой, которую частично может разглядеть даже менее могущественное зрение, и которую при первом знакомстве люди склонны принимать за исчерпывающую картину своего будущего.

Однако теперь мы можем несколько полнее рассмотреть процессы, происходящие с человеком сразу же после смерти, чем это было сделано в предшествующей главе, а природа борьбы, происходящей в кама-локе между высшей и низшей дуадами человека теперь может быть понята яснее. Эта борьба представляется довольно продолжительной и разнообразной и, вопреки нашему первому впечатлению, является не автоматическим или бессознательным проявлением сродств и сил, в момент смерти сразу готовых определить будущее духовной монады, а составляет фазу существования, которая в огромном большинстве случаев может длиться многие годы. В течение этой фазы развоплощенное человеческое существо вполне может являться живущим на земле людям через посредство спиритического медиумизма, что в значительной мере объясняет, если не полностью оправдывает, впечатления, которые выносятся из таких контактов спириты.

Но мы не должны делать слишком поспешного заключения, что душа человека, проходя через кама-локу, проходит именно такую борьбу и эволюцию, как могло нам представиться с первого взгляда. Прежде всего мы должны остерегаться чересчур приземленных и материалистичных представлений об этой борьбе, заставляющих нас думать о ней как о механическом разделении принципов. Подобное разделение *бывает*, когда от низших принципов избавляется сознание "Я", уже сделавшее уверенный выбор в пользу высших. Таким образом, в момент смерти тело механически отбрасывается душой, которую (возможно, в сочетании с промежуточными принципами) ясновидящие высокого уровня могут наблюдать покидающей более не нужное ей жилище. Весьма похожий процесс может в конечном счёте произойти и в кама-локе — уже с материей астральных принципов. Однако, прежде чем более детально рассматривать этот процесс, следует предостеречь читателя от возможного отождествления борьбы в кама-локе с этим конечным разделением принципов, или второй смертью, происходящей на астральном плане.

На самом деле борьба в кама-локе составляет содержание жизни существа на этой стадии существования. Как было справедливо отмечено в тексте предыдущей главы, эволюция, имеющая место на этой стадии, не связана с ответственным выбором между добром и злом, свойственным физической жизни. Кама-лока — часть великого мира следствий, а не сфера, в которой создаются новые причины (за исключением особых обстоятельств). Таким образом, существо кама-локи не является в полной мере хозяином своих действий; его скорее можно назвать игрушкой своих ранее приобретенных привычек и пристрастий. Однако эти сродства, проявляясь, истощаются *постепенно*, а потому на протяжении всего

своего пребывания в кама-локе существо обладает вполне живым сознанием того или иного рода. Даже кратного размышления достаточно для того, чтобы понять, что те сродства, которые проявляются всё сильнее и всё больше утверждают себя, имеют отношение к *духовным* устремлениям, которые человек испытывал при жизни; а те из них, которые со временем истощаются, связаны с *материальными* вкусами, эмоциями и наклонностями. Следует помнить, что существо кама-локи находится на пути в дэвачан, или, иными словами, постепенно вырастает в это состояние; и этот рост совершается путём действия и противодействия, приливами и отливами, как и практически любой другой природный процесс — неким родом колебаний между двумя противоборствующими центрами притяжения — материей и духом. Так, во время своего пребывания в кама-локе, "Я", так сказать, либо восходит к небесам, либо отступает к земле. Именно эта тенденция ритмического перемещения между двумя полюсами, или противоположными состояниями мышления иногда возвращает человека в ту сферу жизни, которую он недавно покинул.

Ведь страстное сопереживание земной жизни рассеивается далеко не сразу. А симпатии человека к высшим аспектам этой жизни, нужно помнить, даже ещё не на пути к ослаблению. Например, в то, что мы назвали здесь земными сродствами, едва ли следует включать чувство любви, относящееся по своим характеристикам преимущественно к состоянию дэвачана. Однако многие человеческие привязанности могут иметь как духовные, так и земные аспекты; так что воспоминания о них и созерцание их в связи с земными условиями и земной обстановкой, зачастую приводят существо кама-локи к приближению к земной жизни.

Само собою разумеется, что общение между человеческими существами в кама-локе и их друзьями, оставшимися за Земле, путём практики спиритизма, должно иметь место именно в те периоды существования души, когда её внимание всё ещё сосредоточено на земных воспоминаниях. А из этой мысли следуют два очень важных умозаключения.

1. Пока внимание души направлено вниз, она отвращается от духовного прогресса, которым была занята в период продвижения в противоположном направлении. Она может хорошо помнить о духовных устремлениях своей физической жизни и даже упоминать о них в разговоре, но её новый духовный опыт таков, по-видимому, его невозможно перевести на язык обычного физического интеллекта; а кроме того, он недоступен тем способностям, которые действуют, когда душа занята старыми земными воспоминаниями. Это состояние можно грубо уподобить положению бедного эмигранта, достигшего процветания в чужой стране, где он получил образование и благополучно занимается общественной деятельностью, изобретательством, филантропией и так далее. Он может поддерживать связь с оставшимися дома родственниками через письма, но в процессе их написания часто будет обнаруживать, что ему трудно держать их в курсе того, что теперь занимает его мысли. Данная иллюстрация подойдет к описываемой нами ситуации только в том случае, если мы представим себе нашего эмигранта подчинённым психологическому закону, который набрасывает на его восприятие некое подобие завесы всякий раз, когда он садится за написание писем своим бывшим друзьям, поскольку при этом ему приходится временно возвращаться в свое прежнее

умственное состояние. Однако со временем ему будет всё труднее писать на прежние темы, и не только потому, что его умственная деятельность превзойдет уровень, доступный его друзьям и ему самому до эмиграции, но и потому еще, что он в значительной мере позабудет свои прежние интересы. Его письма будут всё сильнее удивлять получателей, которые будут говорить себе, что хотя их автор, безусловно, тот самый человек, которого они когда-то знали, он стал заметно более нудным и здорово поглупел в сравнении с тем, каким он был раньше, до отъезда за границу.

2. Нужно иметь в виду, что хорошо известный закон психологии, согласно которому способности совершенствуются частым их применением и атрофируются при длительном бездействии, так же приложим на астральном плане, как и на физическом. Если в кама-локе душа приобретает привычку оглядываться на прожитую земную жизнь и постоянно вспоминать о ней, она тем самым поощряет и усиливает тенденции, ведущие войну с её высшими побуждениями. И чем чаще к ней взывают, пусть даже из чувства привязанности, оставшиеся на земле друзья, прося её проявиться при помощи медиумизма на физическом уровне, тем более мощными становятся импульсы, которые тянут душу назад, к физическому миру, и тем заметнее отставание её духовного развития. Эти соображения представляют собою важнейший мотив, побуждающий последователей теософического учения не одобрять всякие попытки установления контактов с душами отошедших посредством спиритических сеансов. Чем более подлинным является такое общение, тем вреднее оно для участвующих в нем обитателей кама-локи. Правда, при наших нынешних знаний трудно с уверенностью определить степень наносимого им таким образом ущерба. Нам может соблазнить вера в то, что в некоторых случаях глубокое моральное удовлетворение, получаемое земными участниками диалога, может перевешивать тот вред, который, вероятно, будет причинен душе умершего. Однако это удовлетворение бывает прямо пропорционально непониманию живущими тех условий, при которых происходит такое общение. Поначалу, то есть вскоре после смерти, всё еще живые и яркие воспоминания о земной жизни действительно могут позволить попавшему в кама-локу человеческому существу проявляться в форме, очень похожей на его недавно умершую земную личность; но с момента смерти эволюция человека приобретает иное направление. Проявляясь на физическом плане, он уже не сможет добавить ни одной свежей мысли к тем, что зародились в его уме ещё при жизни. В этом проявлении он уже не сможет стать ни мудрее, ни выше по уровню, чем был перед смертью — напротив, с течением времени он будет казаться своим земным друзьям всё менее разумным и всё хуже осведомленным. Общаясь с теми, кого он оставил на земле, он так и не сможет правильно объясниться с ними, и его неудача в этом будет становиться всё более тягостной.

Однако есть и еще одно соображение, выставляющее в весьма сомнительном свете предполагаемую разумность и уместность удовлетворения своего эгоистичного желания общаться с умершими друзьями. Нам могут сказать: это неважно, что давно умерший друг постепенно теряет интерес к земле, которую он покинул; пока от его (или её) прежней личности остается хоть что-нибудь, способное проявляться нам, с этим всегда будет приятно пообщаться. И еще: если тот, кого

мы любили, отложит ненадолго свое продвижение к Небесам ради разговора с нами, мы уверены, что он будет даже готов пойти ради нас на такую жертву. Однако при этом совершенно упускается из виду, что приобретение дурных привычек на астральном плане происходит так же легко, как и на уровне физическом. Однажды утолив в кама-локе свою жажду земного общения из колодца медиумизма, душа приобретает сильнейшее побуждение опять и опять возвращаться к этому способу удовлетворения. Но мы не только временно не даём душе идти своим путём, отвлекая её спиритическими контактами — мы *можем* нанести ей серьёзный и почти непоправимый вред. Я не утверждаю, что так происходит всегда и что это типичный случай, однако непредвзятое рассмотрение этической стороны проблемы заставляет нас признать, что такая практика чревата опасными последствиями. Но, с другой стороны, очевидно, что в некоторых случаях желание общаться может исходить из не из физического мира, а из астрального — когда развоплощенная душа, отягощенная каким-либо неудовлетворенным желанием (обычно какой-нибудь важной обязанностью, которую она не успела или не потрудились выполнить на земле), начинает изыскивать пути для его осуществления. И когда ещё живые друзья идут навстречу этому желанию усопшего, результат может быть полностью противоположным по сравнению с тем случаем, когда существо кама-локи просто пытаются возвратиться к земным интересам. В таких случаях оставшиеся на земле друзья могут, согласившись на спиритическое общение с душой усопшего, косвенно облегчить путь её духовного прогресса. Однако и здесь приходится быть осторожными и помнить о возможной обманчивости астральных явлений. Желание, изъявляемое обитателем кама-локи, не всегда отражает именно те идеи, которые действуют сейчас в его уме. Вполне может быть так, что это — просто эхо прежнего, возможно, очень старого желания, которое только сейчас смогло найти канал для внешнего проявления. Таким образом, хотя вразумительно изложенные пожелания человеческого существа, лишь недавно переместившегося в кама-локу, вполне могут заслуживать серьезного к себе отношения, к пожеланиям, исходящим от тени уже давно умершего человека, поведение которого в этой астральной форме заставляет, к тому же, усомниться в том, что он всё еще сохраняет более или менее целостное сознание своей прежней личности, следует подходить с величайшей осторожностью.

Я думаю, что перечисление всех этих фактов и возможностей кама-локи позволит теософам дать удовлетворительное объяснение многим спиритическим опытам и явлениям, которые первое наше изложение этой части эзотерического оставляло в значительной мере неясными.

Вполне понятно, что по мере происходящего в кама-локе постепенного очищения души от привязанностей, замедляющих ее продвижение к дэвачану, аспекты, притягивающие её к земле, ослабевают; поэтому в кама-локе обязательно всегда должно быть множество человеческих существ, почти готовых к полному и окончательному погружению в дэвачан, и эти существа неизбежно должны являть земному наблюдателю картину крайней материальной дряхлости. С течением времени они или, вернее, их низшие астральные принципы, погружаются в состояние, превращающее их в смутные и невнятные сущности, которые, следуя примеру прежних оккультных авторов, я называю в тексте этой главы

"оболочками". Однако это, пожалуй, не самое удачное название. Возможно, было бы правильнее обратиться к другому примеру и называть их "теньями"; но полюбому речь идет об одном и том же состоянии. Всё яркое и живое сознание, унаследованное (после смерти) низшими принципами, естественным образом связанными с физической жизнью, уже переместилось в высшие принципы, которые на сеансах не проявляются. Потому воспоминания о земной жизни почти исчезают. Низшие принципы в таких случаях могут пробудиться только под влиянием медиумического потока, если будут им привлечены; но и тогда они вряд ли будут чем-то большим, нежели просто астральным зеркалом, в котором отражаются мысли медиума или участников сеанса. Попробуйте представить себе, что краски нарисованной на холсте картины постепенно впитываются внутрь холста, чтобы затем проступить с обратной его стороны во всей своей изначальной яркости. Данный процесс ни в коей мере не уничтожит саму картину, но зато превратит всю картинную галерею, в которой это происходит, в унылую череду бессмысленных, однотонных коричневых полотен. Примерно то же происходит в кама-локе с человеческими существами, которые уже почти готовы полностью сбросить с себя весь тот материал, в котором ранее действовало их астральное сознание, чтобы перейти в полностью чистое состояние дэвачана.

Однако это еще не вся информация, которая учит нас относиться к исходящим из кама-локи явлениям с недоверием. Даже нынешний уровень понимания предмета позволяет нам осознать, что после наступления второй смерти на астральном плане, полностью высвобождающей из астрального мира очищенное "Я", и посылающей его в состояние дэвачана, в кама-локе от него должно остаться нечто, примерно соответствующее мертвому телу, завещанному им ранее земле в тот момент, когда душа ускользнула из физического существования. Фактически в кама-локе остается мертвое астральное тело, и не будет ничего нелогичного в том, если мы присвоим этим астральным останкам эпитет "скорлупа" или "оболочка". Если это действительно пустая оболочка, то она распадается в кама-локе так же быстро, как и труп истлевает в земле, подчиняясь закономерным природным процессам, а её элементы снова растворяются в общей массе материи, возвращаясь к тем класам материи, к которым принадлежат. Но даже *такая* астральная оболочка, полностью покинутая человеческим "Я", но еще не растворившаяся, может быть ошибочно принята во время спиритического сеанса за живое существо. На протяжении некоторого времени она остается астральным зеркалом, в котором медиум может увидеть отражение своих собственных мыслей, и восприняв их, поверить, что они исходят из какого-то внешнего источника.

Такого рода явления — в истинном смысле слова гальванизация астральных трупов. Хотя до тех пор, пока оболочка не распадется окончательно, между нею и настоящим духом, который в дэвачане, всё равно существует тончайшая связь, подобно тому, как в первое время после физической смерти сохраняется связь между существом, перешедшим в кама-локу, и оставшимся на земле мертвым телом. Эта последняя связь поддерживается благодаря рассеянной и истонченной, но всё-таки существующей материи бывшего третьего принципа, или линга-шариры, и я считаю, что изучение этого раздела предмета приведёт нас к лучшему пониманию тех условий, при которых на спиритических сеансах иногда удаются материализации. Но не углубляясь в отступление об этом, достаточно заметить,

что приведённая аналогия может помочь понять, как между существом в дэвачане и отброшенной оболочкой в кама-локе может некоторое время сохраняться подобная связь, представляющая обузу для высшего духа и, пожалуй, напоминающая последние отблески вечерней зари — для оболочки. Но оставшегося на Земле человека полученное через ясновидение или каким-то иным способом зрелище такой оболочки некогда близкого ему друга несомненно повергло бы в глубокую печаль, если бы он по ошибке принял эту оболочку за подлинное человеческую существо.

Благодаря приобретенному более или менее ясному взгляду на кама-локу, мы можем теперь использовать термины, поясняющие её явления, с гораздо большей точностью, чем это было до сих пор. Полагаю, что если мы примем новый термин — "астральная душа" — для существ кама-локи, только что покинувших земную жизнь или же в силу каких-то иных причин сохраняющим (даже в том своем аспекте, в котором обращаются снова к земле) значительную долю тех интеллектуальных признаков, которые были свойственны им в земной жизни, то найдём прочие термины, которые уже в употреблении, достаточными для передачи явлений, которые нам осталось разобрать. Тогда мы сможем полностью избавиться от слова "элементарий", которое часто путают с "элементалом" и которое, к тому же, абсолютно не подходит для обозначаемых им существ. Я мог бы также предложить называть астральную душу, погружающуюся в состояние интеллектуальной дряхлости (если смотреть на нее с нашей стороны), словом "тень", а термин "оболочка" оставить для подлинных оболочек, или мертвых астральных тел, окончательно покинутых дэвачаническим духом.

Изучение духовного роста в кама-локе естественным образом подводит нас к вопросу о том, как много может пройти времени, прежде чем переход сознания из низших принципов астральной души в высшие можно будет считать завершённым. Но, как всегда, доходя в своих рассуждениях о высших процессах природы до конкретных цифр, нам едва ли следует рассчитывать на однозначный ответ. Мне известно только, что, по утверждению эзотерических учителей Востока, пребывающие в кама-локе астральные души обычных людей, — коих мы могли бы назвать, в духовном смысле, многочисленным средним классом человечества, — редко способны проявляться дольше 25—30 лет. Однако эти приблизительные рамки могут быть существенно раздвинуты как в одну, так и в другую сторону. То есть какой-нибудь низменный и спившийся человек может задержаться в кама-локе намного дольше, по причине недостатка развития высших принципов, которые были бы в состоянии воспринять его сознание; или, с другой стороны, душа в высшей степени интеллектуального и умственно активного человека может задержаться в кама-локе опять-таки очень надолго (при отсутствии в его ментальной силе духовных наклонностей), вследствие необыкновенной живучести сил и причин, созданных им на вышестоящем уровне следствий. Но умственная деятельность трудно отрывается от духовности; подобное возможно только в случаях, когда ум был занят исключительно мирскими амбициями. Опять же, если период пребывания в кама-локе может быть, по той или иной причине, увеличен по сравнению с обычной продолжительностью, то он может быть и сжат до самого кратчайшего срока, если духовность человека, который дожил до старости и умер в преклонные лета,

добросовестно исполнив предназначение своей жизни, уже достигла к моменту смерти достаточно высокого уровня развития.

Есть и ещё одна важная возможность, связанная с проявлениями, достигающими нас через обычные каналы сообщения с кама-локой, которую здесь было бы желательно отметить, хотя в силу самой её природы она не может осуществляться часто. Едва ли кто-нибудь тех, кто сравнительно недавно приступил к изучению теософии, может знать многое об условиях существования адептов, отказавшихся от использования своих физических тел на земле. Открывающиеся перед ними при этом высшие способности превосходят, как мне кажется, рядовое человеческое понимание. Нет человека, настолько проницательного, чтобы ему было по силам, опираясь исключительно на возможности своего земного мозга, постичь суть нирваны. Но по всей видимости в некоторых случаях адепты выбирают некий средний путь, лежащий между земным перевоплощением и переходом в нирвану или в высшие сферы дэвачана (то есть в арупа-состоянии можно ожидать медленного продвижения эволюции человека к тому возвышенному состоянию, которого они достигли). В отличие от обычного дэвачанического духа, проходящего через это состояние на пути к следующему земному воплощению, адепт, став дэвачаническим духом самого возвышенного свойства, не будет лишен возможности, даже оставаясь в дэвачане, проявлять свое влияние на земле. Конечно, это будет *не то* влияние, которое может иметь своим следствием зримое проявление на физическом уровне, доступное восприятию всех и каждого. Однако медиумы самого высокого порядка, коих правильнее было бы назвать видящими, способны испытывать их влияние. В мировой истории зафиксировано немало случаев, когда некоторые великие люди оказывались осеняемыми и вдохновляемыми духом какого-либо адепта — осознанно или бессознательно.

Процесс распада оболочек в кама-локе логически указывает каждому, кто постарается вникнуть в его суть, на то, что в природе должны иметь место какие-то общие резервуары материи, соответствующие каждой её сфере, подобно земле и окружающим её элементам, куда после смерти возвращаются наши физические тела. Но великие тайны, в область которых вторгается данное предположение, требуют куда более углубленных исследований, нежели все те, которые мы до сих пор имели возможность предпринять. И всё-таки одно общее понятие, связанное с этим аспектом учения, мы можем с пользой предложить прямо сейчас. У состояния кама-локи есть соответствующие ему разряды материи. Мы не станем слишком глубоко вдаваться в метафизику данного вопроса, что могло бы даже заставить нас отказаться от представления о том, что астральная материя должна быть менее реальной и осязаемой, чем та, что способна влиять на наши физические чувства. Пока же достаточно будет сказать, что сходство кама-локи с землею, уже ставшее очевидным благодаря опыту спиритов, объясняется восточным учением о том, что кама-лока принадлежит земле и является земной так же, как пребывает в живом человеке и принадлежит ему астральная душа. Таким образом, кама-лока или, точнее, именуемое кама-локой великое царство материи, пребывающей в соответствующем состоянии, доступном для восприятия астральных существ и многих ясновидящих, представляет собою четвертый принцип Земли точно так же, как кама-рупа является четвертым принципом человека. Ибо у Земли есть семь принципов, как у и человеческих существ, её

населяющих. Так, состояние дэвачана соответствует пятому принципу Земли, а нирвана — шестому.

Глава VII

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ВОЛНА

Мы уже в общем рассказали о том, каким образом великая эволюционная волна жизни обходит, круг за кругом, семь миров, составляющих планетную цепь, частью которой являются наша Земля. Теперь мы можем подробнее проанализировать эту общую идею, дабы у читателя могло сложиться более полное представление о процессах, сопровождающих данное явление. И если мы действительно хотим сделать его более понятным для читателя, то самое лучшее, что мы можем предпринять, это попытаться объяснить суть некоторых связанных с планетной эволюцией явлений, которые для удобства изложения могут быть названы затемнениями, или обскурациями.

Изучающие оккультную философию, приступая к рассмотрению этого вопроса с умом, уже обильно оснащённым в других направлениях, склонны с самого начала делать не совсем правильные выводы. Сразу все объяснить невозможно, а самые первые, обобщенные объяснения нередко заставляют наиболее вдумчивых и умственно активных читателей домысливать совершенно неверные подробности. Такие читатели не хотят довольствоваться лишь общими контурами даже временно. Их воображение стремится заполнить все пустоты, и если дать ему возможность некоторое время трудиться без направляющего вмешательства извне, то впоследствии обладатель этого живого воображения с большим удивлением заметит, что продолжающая поступать к нему информация на ту же самую тему не согласуется с тем, чему его (как ему самому кажется) учили раньше. Автор этого трактата прилагал все усилия к тому, чтобы способ его изложения не допускал поспешного роста сорняков недопонимания в умах читателей, однако сами эти усилия иногда требуют забежать вперёд, набрасывая общие контуры и выпуская некоторые детали, нередко довольно важные, оставляя их до повторного, более подробного рассмотрения. Вот и сейчас автор просит читателя вернуться к объяснению, данному в главе III, где говорится о прохождении эволюционного развития через всю планетную цепь.

В той главе мы уже упоминали о том, что жизненный импульс переходит от одной планеты к другой "рывками, скачкообразно, а не равномерно движущимся потоком". Но на ранних ступенях эволюции её ход является настолько непрерывным, что подготовка нескольких планет к приему завершающей волны человечества происходит одновременно. В самом деле, на определенной стадии приготовительные процессы могут развиваться одновременно на всех семи планетах; однако очень важно помнить, что основная волна эволюции — передовая нарастающая волна — не может одновременно находиться более чем в одном месте. Теперь мы уже можем подробно рассказать о том, как это происходит, и читатель сможет лучше понять наши объяснения, если представит себе или нарисует на бумаге схему, состоящую из семи последовательно

расположенных кружков, символизирующих миры. Обозначим их соответственно буквами А, В, С и так далее. Несложно заметить, что под буквой D в этом случае будет значиться шар, или глобус, обозначающий нашу Землю. Напомним также, что оккультистам известно, что есть семь царств природы, три из которых, в порядке своего развития предшествующие более грубым материальным царствам, связаны с астральными и элементарными силами. Царство 1 развивается на планете (глобусе) А, после чего переходит на планету В, а на планете А в это же время начинает развиваться царство 2 и так далее. Заполните эту схему до конца, и вы увидите, что с когда на планете G развивается первое царство, на планете А развивается седьмое, человеческое царство. Но что же происходит, когда седьмое царство переходит на планету В? Ведь никакого восьмого царства, которое могло бы при этом развить деятельность на планете А, не существует! Великий процесс эволюции достиг своей наивысшей точки в завершающей волне — человеческой, которая, продвигаясь далее, оставляет за собою природу в состоянии временной летаргии. То есть, когда жизненная волна человечества перемещается на планету В, планета А погружается на время в состояние затемнения. Это состояние никоим образом не связано с распадом, разложением или чем-то, что позволяло бы характеризовать его как умирание. Распад, несмотря на обманчивое звучание этого слова, тоже предполагает движение и активную деятельность, только направленные в иную сторону. Это соображение дает нам ключ к пониманию многих вещей, кажущихся, в отсутствие оно, бессмысленными, и особенно благоприятствует лучшему пониманию той части индусской мифологии, которая повествует о божествах разрушения. Затемнение мира есть полная приостановка его деятельности. Однако это не означает, что в момент, когда тот или иной мир покидает последняя человеческая монада, он сразу же парализуется каким-нибудь катаклизмом или замирает в зачарованном оцепенении, словно дворец спящей красавицы. Животная и растительная жизнь некоторое время продолжают существовать так же, как и прежде, но она постепенно отступает, а не продвигается вперед. Великая жизненная волна покидает планету, и животное и растительное царства постепенно возвращаются в то самое состояние, в котором эта волна впервые их застала. Неспешный процесс погружения затемненного мира в состояние сна длится огромные периоды времени, ибо нетрудно догадаться, что затемнение продолжается в каждом случае в шесть* раз дольше времени пребывания волны человеческой жизни в каждом из миров. То есть, процесс, завершённый вышеописанным образом на планете А и связанный с перемещением жизненной волны на планету В, последовательно повторяется на протяжении всей цепи. Когда волна переходит на планету С, планета В оказывается в состоянии затемнения вместе с планетой А. И когда жизненную волну принимает планета D, уже три планеты — А, В и С — оказываются затемненными. С перемещением волны на планету G затемнены уже все шесть предшествующих миров. А жизненная волна тем временем движется дальше с неукоснительной периодичностью, симметричность которой снискала бы уважение любого ученого ума. Читатель может сразу уяснить себе эту идею, вспомнив наши предшествующие объяснения, касающиеся эволюционного продвижения человечества через семь рас, сменяющихся на в течение прохождения каждого круга на данной планете — то есть во время присутствия на ней волны жизни. Очевидно, что в этом эволюционном цикле центральное положение занимает четвертая раса. Но, как только центральная точка пройдена и на планете

начинается эволюция пятой расы, к приему человеческого рода начнет готовиться следующая планета. Например, эволюции нашей пятой расы сопутствует эволюция или, вернее, возрождение минерального царства на планете Е и так далее. То есть эволюция шестой расы на планете D современна возрождению растительного царства на планете Е, а развитие седьмой расы на планете D — возрождению животного царства на планете Е. А когда на планете D последние монады седьмой расы перейдут в субъективное состояние, или мир следствий, на планете Е начнется человеческий период, так как на ней начнёт своё развитие первая человеческая раса. А в мире, предшествующем миру D, тем временем всё более сгущаются сумерки, переходящие, в процессе того же самого поступательного движения, в ночь затемнения; и когда в мире D человеческий период достигает своей центральной отметки, ночь затемнения на предшествующей планете прочно устанавливается. Но, как бы ни был глубок сон, человек не прекращает дышать, и его сердце продолжает биться; точно так же и в отдыхающем мире, даже в самые темные периоды планетной ночи, продолжается жизнедеятельность. Таким образом планета сохраняет до прихода человеческой волны результаты, достигнутые за время предшествующей эволюции. Процесс возрождения пробуждающейся планеты длится дольше, чем её погружение в состояние покоя, так как ко времени возвращения человеческой волны она должна достичь более высокой степени совершенства, нежели та, которой она обладала на момент предыдущего отступления этой волны от ее берегов. Но с каждым возвращением природа обретает новые силы — день начинается свежестью и бодростью утра, и последующий период затемнения, необходимый для подготовки к новому пробуждению и потому несущий с собою новые надежды, придает эволюции новый импульс. Так что ко времени возвращения великой жизненной волны всё уже бывает готово к её приему.

---

* Или же в пять раз, если допустить полпериода утренней зари в начале и полпериода вечерних сумерек в конце каждого дня активной деятельности.

В первом очерке на данную тему мы уже в общих чертах упомянули о том, что не все миры, составляющие нашу планетную цепь, имеют равную степень материальности. Представив себе, что дух — это северный полюс окружности, а материя — ее южный полюс, мы можем проследить изменения в уровне материальности, равно как и духовности, в мирах как нисходящей, так и восходящей дуги. Теперь мы можем рассмотреть данные изменения более подробно, так как это поможет читателю понять суть эволюционного процесса гораздо лучше, нежели это было возможно до сих пор.

Помимо Земли, расположенной в самой низкой точке, то есть на полюсе материи, только два других мира нашей цепи доступны физическому зрению человека: один, расположенный позади нашей планеты, а другой — впереди нее. Этими мирами фактически являются Марс и Меркурий: Марс находится позади, а Меркурий — впереди нас; Марс уже пребывает в состоянии полного затемнения (в том, что касается человеческой волны), в то время как Меркурий только начинает готовиться к следующему человеческому периоду*.

---

* Для тех, кто, склонен полагать, опираясь на данные физической науки, что Меркурий расположен слишком близко к Солнцу, а следовательно, слишком горяч, чтобы быть подходящим местом для обитания человека, мы считаем уместным напомнить, что в официальном отчете Астрономического департамента Соединенных Штатов о недавних "наблюдениях на горе Уитни" имеются утверждения, способные выбить почву из-под ног у тех, кто чересчур самоуверенно критикует точку зрения оккультной науки по данному вопросу. Результаты произведенных на горе Уитни наблюдений за избирательным поглощением солнечных лучей свидетельствуют, согласно тому же официальному отчету, о том, что точка зрения, согласно которой атмосфера, пригодная для жизни, варьируется от Меркурия (как одного из ее полюсов) до Сатурна (противоположного полюса), более не представляется однозначно неправдоподобной. В данный момент нам нет необходимости заниматься Сатурном, и даже если бы мы пожелали объяснить, на основании оккультных принципов, факт пригодности Меркурия для обитания, используя для этого данные об избирательном поглощении солнечных лучей, мы могли бы справиться с этой задачей без рассмотрения противоположного, сатурнианского, полюса. Все дело в том, что академическая наука чересчур преувеличивает и в то же время преуменьшает роль Солнца как источника силы для всей Солнечной Системы. Преувеличивает, потому что температура планеты зависит не только от Солнца, но и в значительной степени от другого, совершенно не связанного с Солнцем влияния, сущность которого невозможно должным образом понять, не заглянув чуть далее за горизонт современных научных познаний о соотношении тепла и магнетизма, а также о магнетической метеоритной пыли, заполняющей межпланетное пространство. Впрочем, для того чтобы опровергнуть любое возможное возражение против предлагаемых нами объяснений, исходящее со стороны убежденных приверженцев современной науки, нам достаточно будет просто показать им, что те данные, на которые они опираются, даже с точки зрения этой самой науки, выглядят устаревшими. Современную науку отличает стремительный прогресс, и это одно из важнейших её достоинств. Однако никак нельзя признать её достоинством привычку ученых считать, что все концепции, несовместимые с признанными ею на данный момент умозаключениями, обязательно являются абсурдными.

Две планеты нашей цепи позади Марса, и еще две перед Меркурием — из материи не такого порядка, какую в состоянии обнаружить телескопы. Таким образом, четыре планеты из семи имеют бесплотную природу, которую люди, признающие материю только нашего, земного типа, наверняка назвали бы нематериальной. Однако в действительности они не являются нематериальными. Просто они принадлежат к более тонкому уровню материальности, нежели наша Земля, и это никоим образом не нарушает целостности плана природы, определяющего методы действия и этапы планетной эволюции. Последовательные круги и расы человечества проходят в своем тонком, "невидимом" состоянии через стадии большей или меньшей материальности — так же, как и на этой Земле. Но чтобы разобраться в этом, нужно сначала понять стадии земной эволюции, а потом уже изучать утонченные явления других миров, делая выводы на основании аналогий. Так что давайте вернемся к рассмотрению великой волны жизни и аспектов её проявления на нашей планете.

Так же, как планетная цепь, рассматриваемая в единстве, имеет свой север и юг, свои духовный и материальный полюса и проходит от духовности вниз через материальность, возвращаясь опять наверх к духовности, так и круги человечества составляют примерно такую же последовательность; так что планетную цепь вполне можно назвать аналогом последней. В человеческой эволюции — на всех планах, равно как и вообще во всем — имеется нисходящая и восходящая дуга. То

есть дух инволюционирует, если так можно сказать, в материю, а материя снова эволюционирует в дух. Низшая, или наиболее материальная, точка цикла становится, таким образом, перевернутой вершиной физического разума, являющегося замаскированным проявлением разума духовного. Следовательно, каждый новый круг человеческой эволюции на нисходящей дуге (равно как и каждая новая раса в каждом круге, если посмотреть в космическое зеркало меньшего масштаба) должен создавать более развитый физический интеллект по сравнению с предыдущим; а каждый новый круг восходящей дуги должен обладать более утонченной формой разума, соединенного с возрастающей духовной интуицией. Поэтому в первом круге человек даже на Земле является сравнительно бесплотным существом в сравнении с тем состоянием, которого он достиг на нашей планете в нынешнем круге; он не интеллектуален, но в высшей степени духовен. Подобно окружающим его животным и растительным формам, он воплощается в огромных, но пока еще плохо организованных телах. Во втором круге он всё еще остается гигантским и бесплотным, но его тело уже заметно плотнее и конкретнее, ближе к физическому, хотя духовность в нем по-прежнему преобладает над разумом. В третьем круге он уже развивает для себя вполне оформленное, компактное тело, поначалу имеющее форму скорее гигантской обезьяны, нежели действительно человека, но интеллект развивается всё больше. Во второй половине третьего круга его гигантский рост уменьшается, совершенствуется строение тела, и человек становится рационально мыслящим. В четвертом круге уже полностью развившийся интеллект сильно прогрессирует. Уже самые первые расы, с которых начинается этот круг, обретают человеческую речь в нашем нынешнем её понимании. Мир наполняется последствиями интеллектуальной деятельности и духовного упадка. В середине четвертого круга эволюция проходит полярную точку всего периода своего прохождения по семи планетам цепи. Начиная с этой точки и далее, духовное "Я" вступает в настоящую борьбу с телом и разумом за проявление своих трансцендентных сил. В пятом круге эта борьба продолжается, и хотя трансцендентные способности уже в значительной степени развиты, его борьба с физическим интеллектом и физическими пристрастиями становится как никогда яростной, поскольку в пятом круге не только духовность, но и интеллект делают шаг вперед в сравнении с предыдущим, четвертым кругом. В шестом круге человечество достигает такого совершенства тела и души, разума и духовности, которого обычные смертные сегодняшней эпохи не в состоянии достичь даже в своем воображении. Наиболее совершенные сочетания мудрости, доброты и трансцендентного просветления, которые только мог видеть или хотя бы мог представить себе наш мир, станут самыми обыкновенными для человека качествами. А те способности, которые проявляются ныне только как редкостные примеры наивысшего расцвета, позволяя некоторым исключительно талантливым людям изучать тайны природы и накапливать знания, лишь малые крохи которых раскрываются теперь (благодаря этой литературе и иными путями) широкому миру, будут рассматриваться как всеобщие и совершенно естественные. Но о том, как будет выглядеть человечество седьмого круга, даже самые общительные оккультные учителя предпочитают хранить торжественное молчание. Человечество седьмого круга будет для людей четвертого круга слишком богоподобным, чтобы можно было давать прогнозы насчёт его будущих свойств.

За время пребывания жизненной волны человечества на какой-либо планете индивидуальная монада неизбежно воплощается много раз. Отчасти эта необходимость уже была объяснена. Если бы в каждом расовом ответвлении, через которое проходит эволюционный путь монады, последней приходилось воплощаться только однажды, общее число воплощений за время прохождения человеческой волны одного круга на одной планете составило бы 343, то есть семь в третьей степени. Однако на самом деле монаде приходится воплощаться в каждой такой расовой ветви дважды и не удастся избежать еще нескольких дополнительных воплощений. По причинам, которые нелегко понять человеку, далекому от божественного, хранители оккультного знания крайне неохотно делятся конкретными цифрами, касающимися космогонии; хотя непосвященному сложно найти логическое объяснение подобного рода скрытности. Так, например, в настоящее время мы не можем сообщить читателю, сколько, в годовом исчислении, длится период одного круга. Однако, благодаря отступлению, недавно сделанному от традиционной секретности, которое могут в полной мере оценить только те, кто давно изучает оккультизм по старинному методу, мы всё-таки смогли узнать несколько цифр, непосредственно относящихся к нашему предмету. Это ценно еще и потому, что проливает свет на очень интересный факт, связанный с новым витком эволюции, на пороге которого мы сейчас находимся. Данный факт состоит в том, что на планете, например, на нашей Земле, населенной человечеством четвертого круга, или, если так можно сказать, в проходимой человечеством в его четвёртом путешествии через цикл миров, среди общей человеческой массы встречаются люди (немногочисленные в процентном отношении), фактически принадлежащие к пятому кругу. Из этого утверждения ни в коей мере не следует делать вывод, что некоторым индивидуальностям, благодаря какому-то чудесному процессу, действительно удастся пройти вдоль всей цепи миров на один круг больше, чем их собратьям — ведь из того, что мы уже рассказали о способе продвижения волны человечества, видно, что такое невозможно. Человечество пока еще не побывало в четвертый раз даже на следующей за нашей Землею планете. Но отдельные монады могут обогнать своих спутниц в плане индивидуального развития и стать такими же, какими монады большинства человечества станут только по завершении эволюции пятого круга. Это может быть достигнуто двумя способами: либо человек, родившийся на свет обычным представителем человечества четвертого круга, путем оккультного обучения целенаправленно развивает в себе все качества человека пятого круга, становясь таким образом тем, кого мы могли бы назвать искусственно развитым человеком пятого круга; либо, независимо от усилий, предпринимаемых человеком в текущем воплощении, он уже рождается представителем пятого круга благодаря общему числу его предыдущих воплощений.

Если обозначить обычное количество воплощений, которое монада должна пройти по закону природы на одной из планет за период круга, буквой x , а предельное количество дополнительных воплощений за этот же период, которые человек заставить себя совершить благодаря сильному желанию физической жизни, буквой y , тогда число $24,5 (x + y)$ может превысить $28 x$. То есть за 3,5 круга монада сможет пройти через столько воплощений, сколько обычная монада прошла бы за четыре полных круга. Менее чем за 3,5 круга подобный результат был бы недостижим, так что лишь сейчас, когда мы уже оставили позади середину

эволюционного пути на этой планете, отмечающей полпути, среди нас время от времени начинают появляться люди пятого круга.

Природа вещей не допускает, чтобы монада могла обогнать своих спутниц более чем на один круг. Несмотря на это Будда был человеком шестого круга. Однако данный факт связан с великой тайной, выходящей за рамки наших расчетов. На данный момент достаточно будет сказать, что эволюция Будды не ограничивается воплощениями в пределах одной планетной цепи.

Коль скоро мы упомянули в своих вычислениях о многочисленности человеческих жизней, следующих одна за другою в виде сменяющих друг друга воплощений индивидуальной монады, то необходимо добавить, во избежание недоразумений, что между ними следуют столь же многочисленные интервалы весьма большой продолжительности. Как уже было сказано выше, мы не можем в данный момент указать точную продолжительность круговых периодов. Более того, невозможно было бы назвать какую-то одну цифру для всех кругов, их продолжительность варьируется в широких пределах. Мы можем предложить вниманию читателя только один простой факт, совершенно определенно переданный нам высочайшим оккультным авторитетом, с которым мы связаны. Нынешняя раса человечества — пятая раса четвертого круга — начала развиваться около миллиона лет назад. Но и сейчас её существование еще не завершено. Поэтому, предположив, что раса живет на Земле около миллиона лет*, мы можем разделить эту жизнь для каждой индивидуальной монады на следующие этапы. В каждой расе монада должна пройти более ста воплощений, но едва ли их число может достигать 120. Но пусть даже этих воплощений у одной монады, в пределах нашей нынешней расы, будет ровно 120. И пусть средняя продолжительность жизни в каждом воплощении составляет целое столетие. Даже в этом случае мы имеем только 12000 лет физической жизни из миллиона лет существования расы, и, следовательно, целых 988000 лет человек проводит в субъектной сфере, а средняя продолжительность времени между двумя воплощениями составляет 8000 лет. Разумеется, на самом деле длительность этих промежуточных периодов может в значительной степени варьироваться, но едва ли она может составлять менее 1500 лет (если не принимать в расчет случаи адептов, неподвластных действию законов, коим подчинена жизнь обычных людей). Однако и эти 1500 лет надлежит считать если не неправдоподобно коротким, то, во всяком случае, крайне малым по продолжительности интервалом, отделяющим друг от друга два перевоплощения.

---

* Разумеется, в действительности жизнь расы продолжается много дольше. Но если бы мы перешли в рассуждения на эту тему к каким-либо конкретным цифрам, мы тем самым вступили бы на очень зыбкую почву, ибо точные длительности периодов держатся в строжайшем секрете, по причинам, о которых непосвященные ученики ("светские чела", как называют их теперь адепты, коим пришлось изобрести этот новый термин для отражения нового положения вещей) могут лишь смутно догадываться. Вычислениям, подобным приводимым выше, можно буквально доверять, но лишь настолько, насколько они простираются, и не следует опрометчиво использовать их как основу для дальнейших вычислений.

Однако есть факторы, которые ограничивают область приложимости этих вычислений. Например, случаи умирающих в детстве полностью отличаются от

тех, когда человек успевает дожить до зрелых лет, по причинам, которые вполне очевидны в свете уже изложенных объяснений. Ребенок, умирающий до того, как сможет стать ответственным за свои действия, не успевает создать новой кармы. В этом случае духовная монада оставляет тело ребёнка, будучи в том же состоянии, в каком она вошла в него после своей последней смерти в дэвачане. Она так и не дождалась возможности сыграть на этом новом инструменте, который сломался даже еще до того, как она успела его настроить. Поэтому перевоплощение монады может наступить незамедлительно, следуя прежней линии притяжения. Однако перевоплощенную таким образом монаду ни в коем случае не следует духовно идентифицировать с умершим ребенком. Примерно то же происходит, когда монада оказывается воплощенной в теле врожденного идиота. Такой инструмент вообще не может быть настроен, и потому играть на нем, то есть создавать новую карму, так же невозможно, как и в случае с ребенком, умершим в первые несколько лет своей жизни. Но оба эти примера являются явными исключениями, вовсе не меняющими вышеизложенное общее правило, справедливое для всех людей, достигших зрелого возраста и успевших направить свою жизнь либо в благое, либо в пагубное русло.

Замечания

Позже полученная информация и её изучение — сравнение различных областей учения и сопоставление изложенных в предшествующей главе утверждений с прочими — с предельной ясностью указывают на трудность пользования точными цифрами в эзотерическом учении. Эти цифры могут быть вполне приемлемы как средние величины, но приложение их к конкретным случаям может ввести в заблуждение. Период дэвачана у разных людей варьируется в таких широких пределах, что у любого правила, составленного для них окажется ошеломляющее количество исключений.

Начнем с того, что упомянутые средние величины рассчитаны для людей, достигших зрелого возраста. А ведь между взрослыми, много успевшими в жизни, и совсем маленькими детьми, у которых вообще не может быть дэвачанического периода, существуют ещё те, которые умерли в юности, успев накопить какую-то карму. Они должны поэтому пройти через обычные стадии духовного процесса, хотя из-за скоротечности своей жизни они успевают создать причин, приводящих к долговременным следствиям, так что эти люди возвращаются в воплощение после сравнительно короткого пребывания в мире следствий. Опять же, существует такая вещь как искусственное воплощение учеников, осуществляемое через непосредственное вмешательство махатм. При этом чела, который пока ещё не приобрёл способности контролировать этот процесс, возвращается в воплощенное состояние практически сразу же после предшествовавшей физической смерти, не попадая в естественный поток причин и следствий. Здесь, разумеется, можно сказать, что духовная связь, установленная этим перевоплощающимся чела со своим махатмой, как раз и играет в данном случае роль естественной причины; но поскольку махатмы вовсе не склонны руководствоваться при принятии такого рода решений личными капризами, то можно сказать, что эти искусственные перевоплощения являются как плодами

трудов самих учеников, свершённых ими в предшествующей жизни, так и кармы. Но какая бы причина ни вызывала эти перевоплощения — первая или вторая, — их всё равно следует отнести к явным и крайне редким исключениям из общего (и весьма приблизительного) правила.

Разумеется, при изучении сложных аспектов прежде совершенно незнакомой науки неподготовленный ум не в состоянии сразу же воспринять их со всеми необходимыми оговорками, условиями и допустимыми аномалиями, существование которых сразу же бросается в глаза. Поэтому на первое время нам придется довольствоваться усвоением самых общих правил, оставив исключения до лучших времен, особенно если речь идет об оккультном обучении, применительно к которому традиционные методы обучения действуют, как правило, следующим образом: ставится сложная и затруднительная проблема, которая решается при помощи новой, свежей идеи, чем и достигается закрепление этой идеи в памяти ученика. Как мне представляется в настоящее время, в процессе такого обобщенного изложения оккультных законов на предшествующих страницах данной книги было оставлено без внимания одно очень важное исключение из этих законов, имеющее место в природе. Описание продвижения волны человечества, которое я дал на предшествующих страницах, само по себе является вполне последовательным, однако со времени выхода в свет первого издания книги я получил из Индии ряд критических отзывов, в которых моя версия учения сравнивается с некоторыми фрагментами из других сочинений, о которых известно, что они находили от махатмы. Мне было указано на расхождение между двумя этими версиями, так как вторая указывает на допустимость того, что монада действительно *могла* пройти через все семь планет раньше, чем прочие монады, вместе с которыми она оказывается на нашей Земле, опережая их, таким образом, на целый круг. В то же время из моего собственного рассказа о планетных затемнениях можно заключить, что подобная возможность полностью исключена. По-видимому, ключ к этой загадке лежит за пределами диапазона тех фактов, о которых адепты готовы говорить свободно. И потому читателю следует понимать, что объяснение, которое я собираюсь тут предложить, есть плод моих собственных рассуждений и сопоставления с другими частями учения, а вовсе не аутентичная информация, исходящая непосредственно от автора учения, которое я излагаю.

По всей видимости, дело здесь в том, что затемнения всеобъемлющи настолько, насколько это касается описанных нами явлений на планете, которая подвергается затемнению *как целое*. Но даже здесь вмешиваются явления, относимые нами к исключениям, которые никогда нельзя упускать из виду. Основная масса человечества перемещается с одной планеты на другую, подчиняясь великому циклическому импульсу, когда наступает положенное для этого время, планета всё же не остается *полностью* безлюдной, и *не все* её области становятся, вследствие наступающих физических и климатических изменений, непригодными для обитания человека. Даже в период затемнения на планете продолжают существовать небольшие колонии людей; и монады, связанные с этими маленькими колониями, следуя уже иным законам эволюции, выходят из-под влияния тех сил, которые управляют движением основной массы человечества, переходящей с планеты на планету вместе с великой волной. Эти монады

переходят из мира в мир по пути, который может быть назван внутренним кругом эволюции, и намного опережают свою расу (ее подавляющее большинство). Каковы бы ни были обстоятельства, способные исторгнуть душу из самой гущи человеческого потока и перенести её из сферы притяжения планеты, занятой основной волной, в сферу притяжения внутреннего круга, все наши рассуждения о них пока что не в состоянии выйти за рамки смутных догадок и предположений.

В связи с той трактовкой, которую я рискнул предложить для концепции внутренних кругов, стоит обратить внимание читателя на то, что данный природный факт, реальность которого я допускаю, можно связать, при помощи аналогий, с широко распространенными учениями о Потопе. Ту часть планеты, которая остается обитаемой даже во время затемнения, можно сравнить с библейским Ноевым Ковчегом, если трактовать его в самом широком символическом смысле. Разумеется, у сюжета о Ноевом Ковчеге есть и более узкие символические значения, но вполне вероятно и то, что каббалисты могли вкладывать в него гораздо более широкий смысл, который я предложил. Так что в положенный срок, когда затемненная планета будет готова к новому заселению людьми, колонисты из ковчега смогут стать зачинателями этого процесса.

Глава VIII

ПРОГРЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Как уже, вероятно, заметил читатель, закон природы предполагает неограниченное развитие всех человеческих существ в направлении высших фаз существования. И не менее очевидно то, что, наделяя эти существа, по мере их эволюционного продвижения, всё б`ольшими способностями и непрестанно расширяя сферу их деятельности, природа предоставляет каждому человеку всё более определенную возможность выбора между добром и злом. В предыдущих кругах эта привилегия выбора еще не была вполне развита, и ответственность человека за свои поступки действовала не вполне. Фактически первые круги человеческой эволюции вообще не налагали на человеческое "Я" никакой духовной ответственности, в том широком смысле этого слова, к рассмотрению которого мы сейчас подойдем. Следующий за каждым вещественным существованием период дэвачана полностью справлялся со всеми человеческими заслугами и проступками, и даже самая жалкая личность, которую "Я" могло создать на протяжении первой половины эволюции, просто сбрасывалась со счетов (в том, что касалось проекта в целом), в то время как сама заблудшая личность, отбыв сравнительно короткий срок наказания, уже больше не беспокоила природу. Но вторая половина великого эволюционного периода проходит уже по другим принципам. В эти новые фазы существования "Я" не может вступить, не имея собственных заслуг, соответствующих новым перспективам его развития; человеку, ставшему в этой поворотной точке своего пути уже полностью ответственным и высоко одаренным существом, уже недостаточно просто плыть по течению потока прогресса: он, если хочет продвигаться вперед, должен плыть сам.

Ввиду того, что сложность предмета не позволяет нам изучать его во всех аспектах сразу, наш обзор природы пока что ограничивался семью кругами человеческого развития, составляющими целый планетарный проект, в виде непрерывной последовательности, пройти через которые естественным образом суждено человечеству в общем. Вспомним однако, следует помнить, что уже о человечестве шестого круга мы говорили как об обладающем всеми теми возвышенными качествами и способностями, которые в наше время присущи только высшим адептам, в то время как человечество седьмого круга будет обладать качествами скорее божественными, нежели человеческими. Но и на этой стадии развития каждое человеческое существо ещё можно будет идентифицировать по непрерывной связи со всеми его личностями, нанизанными на нить жизни с самого начала великого эволюционного процесса. Можно ли предположить, что характер этих личностей в дальней перспективе уже не будет иметь последствий, и что из двух стоящих рядом богоподобных существ седьмого круга одно может быть развито в результате долгого ряда безупречных и полезных жизней, а другое — вследствие столь же долгой череды подлых и вредоносных существований? Конечно же, так произойти не может, и потому мы спрашиваем: как можно совместить непреложные законы природы с предназначенным человечеству развитием до высших форм существования, венчающим все здание?

В точности, как дети не могут нести ответственности за свои поступки, так и ранние расы человечества не были ответственны за свои; но приходит время взросления, когда полностью развившиеся способности позволяют каждому человеку делать выбор между добром или злом в той жизни, которую живёт сейчас, тем самым позволяя своему непрерывно существующему "Я" тоже сделать свой окончательный выбор. Этот период, — огромный по своей продолжительности, ибо природа не склонна загонять свои творения в западню, торопя их с принятием столь важного решения, — еще только начинается, и пройдет целый период круга по семи мирам, прежде чем он будет окончен. Пока на Земле не пройдена середина пятого круга, этот великий вопрос — быть или не быть (звучащий на сей раз применительно к будущему), — не может считаться окончательно решенным. Мы вступаем сейчас во владение способностями, которые делают человека полностью ответственным существом, но нам еще необходимо время для того, чтобы применить эти способности в период зрелости своего "Я"; и то, как мы будем их применять, определит огромной важности последствия.

Основная борьба разворачивается в первой половине пятого круга. До этого времени обычный ход жизни может быть либо хорошей, либо плохой подготовкой к этой борьбе, которую, впрочем, нельзя назвать борьбой в строгом смысле этого слова. Теперь нам предстоит изучить природу этого процесса, который мы описывали прежде просто как выбор между добром и злом, что есть хотя и точная, но далеко не исчерпывающая его характеристика.

Мы исследуем теперь постоянно возникающий и вечно угрожающий конфликт между интеллектом и духовностью. Нам придется несколько расширить общераспространенные представления о значении двух этих слов, чтобы осознать их оккультный смысл. Ведь европейский способ мышления склонен создавать явно приниженный образ духовности, полагая её скорее свойством человеческого

характера, нежели самого ма, — своего рода бледной добродетельностью и стремлением "быть хорошим", проистекающим из приверженности выполнению религиозных обрядов и из благочестивых устремлений, вызываемых теми или иными, порою весьма причудливыми, представлениями о божественном и небесах, в которых был воспитан этот "духовно мыслящий" человек. Но в оккультном понимании духовность имеет мало отношения к набожным эмоциям или вообще никакого; она относится к способности человеческого разума воспринимать знание непосредственно из первоисточника, — абсолютного знания — вместо извлечения его путём сложного и трудоёмкого процесса логических рассуждений.

Развитие чистого интеллекта, способности к рассуждению, было занятием европейских народов, достигших в этой сфере человеческого развития таких великолепных результатов, на протяжении столь долгого времени, что наименее приемлемой для европейца во всей оккультной философии поначалу становится именно оккультная теория касающаяся интеллекта и духовности. Происходит это не столько из того, что оккультная наука склонна слишком принижать роль интеллекта, сколько из склонности западного мышления склонно чрезмерно принижать роль духовности. Обобщенно говоря, западная философия до сих пор не имела возможности по достоинству оценить значение духовности — ведь она не была знакома со всем диапазоном внутренних способностей человека. До сих пор она просто продвигалась ощупью к вере в то, что такие способности вообще существуют. Сам Кант — величайший из современных поборников этой веры — похоже, был готов довольствоваться утверждением, тем, что есть такая способность как интуиция — если бы мы только знали, как ею пользоваться.

А процесс работы с ней, в оккультной науке, в высшем её аспекте, и есть развитие духовности. Одно лишь достижение власти над силами природы, изучение некоторых тонких ее секретов, касающихся внутренних принципов, от которых зависят внешние, физические результаты, составляет низший аспект оккультной науки; и в эту низшую сферу последней физическая наука может и должна постепенно внедряться. Однако обретение тех привилегий и качеств, которые являются законною собственностью духовности, при помощи одного лишь интеллекта — физической науки в приложении к более высокому — составляет одну из опасностей той борьбы, от исхода которой зависит конечная судьба человеческого "я". Ведь есть одна вещь, которую интеллектуальные процессы не в состоянии помочь человечеству осознать — и это природа и непревзойденное величие духовного бытия. Наоборот — интеллект формируется физическими причинами, совершенствованием физического мозга, и направлен на достижение лишь физических результатов, то есть на повышение уровня материального благополучия. Даже если современный интеллект, делая уступку "религии" и своим "слабым братьям", к которым он относится с добродушным презрением, воздерживается от осуждения духовности, он всё равно считает, что физическая жизнь является единственным серьезным делом, достойным практичного человека или даже искреннего филантропа. Но поскольку духовное существование — живое субъектное сознание — в действительности длится много дольше, чем интеллектуальное физическое существование, превышая его по продолжительности как минимум в 80 раз (что мы уже выяснили, обсуждая состояние дэвачана), то разве не очевидно, что субъектная жизнь гораздо важнее

физической, и что интеллект заблуждается, направляя все свои усилия улучшение условий физического существования?

Все эти рассуждения показывают, что выбор между добром и злом, который человеческое "я" делает в ходе великой борьбы между интеллектом и духовностью, не сводится к одному только выбору между общепринятыми представлениями о добродетели и грехе. Вовсе не ответ на такой грубый вопрос как греховность и добродетельность человека в конечном счёте окончательно решит, продолжит ли он жить и развиваться в направлении высших фаз бытия или полностью прекратит жить. Мы можем сказать (хотя и не знаем, насколько это разумно — счищать вековую пыль с еще одной тайны на столь ранней стадии нашего прогресса), что решение вопроса "быть или не быть" *вообще* никак не связано с вопросом о том, добродетелен человек или же грешен. Как станет ясно по ходу нашего изложения, духовность может быть не только доброй, но и злой. Так что великий вопрос о продолжении человеческого существования неизбежно сводится к вопросу о духовности, приходящей на смену материальности. То есть вопрос состоит не столько в том, "*будет* ли человек жить и достаточно ли он хорош, чтобы ему было позволено жить дальше?", но скорее в том, "*сможет* ли человек продолжить жизнь на более высоких уровнях существования, которых человечество должно в конце концов достичь в процессе эволюции?". Приготовил ли он себя к этой жизни путем развития непреходящей части своей природы? Если нет, то его связь прерывается.

Читателю не следует спешить с выводом, будто оккультная философия считает, что порок и добродетель вообще не оказывают никакого влияния на духовную судьбу человека, коль скоро ни один из известных этой философии природных фактов не свидетельствует о решающем влиянии этих характеристик на окончательный выбор направленности человеческой эволюции. Ни одна система не придает такого значения нравственности, и не является в этом вопросе столь безжалостно строгой, как та, которую изучает и проповедует оккультная философия. Но порок и добродетель определяют прежде всего, будет ли человек счастлив или же ему придется страдать, а не главный вопрос продолжения существования за пределами того периода огромной продолжительности, который отпущен человеку на то, чтобы стать чем-то б`ольшим, нежели просто человек, ибо в дальнейшем он уже не сможет продолжать свое развитие при помощи одних лишь сравнительно низких человеческих качеств. Едва ли кто-нибудь может вообразить, что добродетель, пусть даже незначительная, способна пропасть втуне, не воплотившись в должное время в соответствующие высшие качества; но мы погрешили бы против научной точности, если бы назвали добродетель непосредственной причиной развития на высших его стадиях, хотя нельзя отрицать, что она может стимулировать развитие того, что станет причиной прогресса.

Это рассуждение о том, что конечное развитие человека определяется его духовностью независимо от её нравственной окраски, и составляет подлинный смысл оккультного афоризма, который гласит: "Чтобы стать бессмертным в добре, человек должен отождествиться с Богом, а чтобы стать бессмертным во зле — с Сатаной. В мире душ есть два полюса, и между этими полюсами прозябает и умирает, не оставляя следа, бесполезная часть человечества"*.

Как и все

окультиные истины, эта загадка имеет и более узкое приложение, подходя для микрокосма так же, как и для макрокосма. В узком смысле она указывает на дэвачана и авичи, а также бессодержательную судьбу бесцветных личностей; но в более важный смысл касается сортировки человечества в середине великого пятого круга: тем, чьи индивидуальные "я" крайне бездуховны, предстоит исчезнуть, а прочим — обрести бессмертие либо в добре, либо во зле и двигаться далее. Точно такой же смысл содержит и следующее изречение из Откровения Иоанна Богослова: "О, если бы ты был холоден, или горяч! Но так как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих" (III: 15, 16).

---

* Элифас Леви.

Так что духовность не есть набожность; духовность — это мышление высшего порядка, познающее деятельность природы путём непосредственного слияния разума с её высшими принципами. На это физический интеллект может возразить, что разуму человеческому доступен только один способ познания, состоящий в том, чтобы наблюдать явления, а затем размышлять над ними. Однако здесь он заблуждается. Существует и другой способ познания, и существование окультиной науки — наилучшее тому доказательство. Кроме того, повсюду вокруг нас можно увидеть факты, указывающие на существование таких доказательств, если только проявить терпение и исследовать их истинное значение. Уже одного только феномена ясновидения, в каких бы грубых и несовершенных формах он ни являл себя миру в последнее время, вполне достаточно для того, чтобы нельзя было утверждать, будто для сознания не может быть никаких иных путей, кроме пяти физических чувств. Разумеется, в нашем мире ясновидение — явление исключительно редкое; но оно ясно указывает на существование в человеке потенциальной способности, которая, как можно судить даже по самым несовершенным её проявлениям, позволит человеку воспринимать новые знания непосредственно, без помощи наблюдений и размышлений, когда достигнет своего наивысшего развития.

Одна из самых озадачивающих трудностей, с которой сталкиваешься, пытаясь изложить эзотерическое учение простым и понятным языком, в действительности вытекает из того факта, что духовное восприятие, в отличие от всех обычных способов приобретения человеком знания, само по себе является великой и возвышенной возможностью человеческой природы. Именно этот метод обычно используют адепты в процессе окультиного обучения своих учеников, передавая им свои наставления. Они пробуждают в ученике дремлющее чувство и через него убеждают ученика в том, что то или иное учение действительно является истинным. Вся схема эволюции, описанная нами в предыдущих главах, проникает в ум принятого челы, поскольку он получает возможность воочию наблюдать весь этот процесс путём ясновидения. Такой способ передачи знаний вообще не требует слов. И потому сами адепты, коим природные процессы и явления знакомы так же, как нам — наши пять пальцев, затрудняются порою при написании трактатов на окультиные темы, ведь они не могут вызвать у нас ментальные образы сложной анатомии планетной системы, ибо что наше шестое чувство пока еще спит.

Безусловно, от нынешнего человечества никак нельзя ожидать, чтобы оно, в большинстве своем, сознавало наличие у него шестого чувства, поскольку время его активного использования еще не пришло. Мы уже говорили о том, что каждый круг, который проходит человечество, посвящен развитию в нем соответствующего по номеру принципа и подготовке к освоению следующего. Мы также говорили, что в первых кругах человек сначала был как бы тенью, его форма была неразумна и слабо организована. У него развился самый первый принцип — тело, однако оно не было похоже ни на что из того, что мы можем себе сейчас вообразить, и оно просто привыкало к использованию жизненной силы. В четвертом круге, в котором мы находимся сейчас, полностью развился четвертый принцип — волеизъявление, желание, и этот принцип постепенно начинает сливаться с пятым — разумом, интеллектом. А в пятом круге полностью развившемся разуму (интеллекту, или душе), в который тогда переместится человеческое "я", предстоит слиться с шестым принципом — духовностью, или полностью прекратиться и не утруждать себя более продолжением существования.

Всем, читавшим буддийскую литературу, знакомы постоянные намеки на то, что душа архата едина с Богом. Иными словами это можно назвать опережающим развитием шестого принципа. Архат собственными усилиями преодолевает все препятствия, не позволяющие человеку четвертого круга сделать это, достигая стадии эволюции, ожидающей человечество (или, вернее, ту его часть, которой удастся достичь этой ступени в процессе естественного развития) лишь во второй половине пятого круга. А делая это, ему, очевидно приходится преодолевать самый опасный этап, соответствующий середине пятого круга. И это изумительное достижение адепта (в том, что касается его личных интересов). Он достигает противоположного берега моря, в котором предстоит утонуть множеству людей. Там, ощущая удовлетворение, характер которого, не обладая хотя бы какими-то проблесками духовности или шестого чувства, невозможно даже представить, он ожидает прибытия своих будущих товарищей. Во избежание возможных недоразумений, сразу же уточню, что он ожидает остальных не в физическом теле, но, *заслужив привилегию отказаться от одного*, пребывает в духовном состоянии, которое глупо пытаться описывать, поскольку даже состояние дэвачана, достигаемое обычным человеком, и то почти за пределами возможностей воображения, незнакома с духовной наукой.

Возвращаясь к обычному эволюционному продвижению человечества, а именно — к превращению в людей шестого круга мужчин и женщин, которые никогда не пытались стать адептами раньше естественного срока, мы можем отметить, что это нормальный, закономерный путь, предписанный человеку природой. Но этот путь так же закономерен и для каждого пшеничного зернышка, которое созревает, чтобы упасть в подходящую почву и самому потом создать наполненный зернами колос. И как многим зернам по тем или иным причинам не удастся исполнить эту миссию, так и многим человеческим "я" не удастся пройти через испытания пятого круга. Усилия природы, заставляющей человека двигаться по пути эволюции, направлены на то, чтобы превратить его в существо неизмеримо более высокого порядка, в своего сознательного помощника, а в конечном счете — сделать из него то, что обычно называют творческим принципом самой природы. Первым достижением является развитие свободной воли, а вторым — увековечение этой

воли путём слияния её с конечной целью природы, которая блага. При этом неизбежно, что значительная, и породив временные страдания, в конце концов рассеется и исчезнет. Более того, конечная цель может быть достигнута только ценою значительного расхода первоначального материала — так же, как это происходит на более низких ступенях эволюции, где растение должно разбросать вокруг тысячу семян, чтобы хотя бы одно из них смогло породить новое растение. Так вот и богоподобные семена Воли, посеянные по одному в каждой человеческой груди, так же многочисленны, как и семена растений, разносимые ветром. Но следует ли ставить под сомнение справедливость природы только из-за того, что многим семенам суждено погибнуть? Подобная мысль может прийти в голову только тому, кто не понимает, что природа способствует росту каждого семени, которое пожелает расти, причем в той степени, в которой оно стремится к собственному росту, и неважно, насколько эта степень мала или велика. И если кому-то кажется ужасным, что "бессмертная душа" может исчезнуть в результате каких-то обстоятельств, то этот страх может быть вызван исключительно пагубной привычкой считать вечностью всё, что превосходит нашу микроскопическую жизнь. До того, как мы приблизимся к богоподобному состоянию дхьян-чохана, нам отводится больше места в субъектных сферах и больше времени в последовательной цепи манвантар, нежели заурядный мозг приписать бессмертию. И всякий добрый поступок, всякое возвышенное побуждение, которые мы, земные мужчины и женщины, совершаем или испытываем, должны отражаться в духовном существовании на протяжении многих эонов, независимо от того, оказалось ли человеческое существо способным или же неспособным продолжать свое развитие в возвышенных и изумительных условиях седьмого круга. А экзотерическое умозрение полагает, будто причины, созданные за одну краткую земную жизнь, могут производить вечные последствия! Мы воображаем, будто на основании этой семисотой или восьмисотой доли нашего вещественного существования за время нынешнего пребывания на Земле приливной волны эволюции природа сможет обнаружить достаточно веские причины для определения всей нашей дальнейшей перспективы. На самом же деле природа предусматривает настолько щедрое воздаяние даже за сравнительно малую затрату волевой энергии, приложенной в верном направлении, что как бы невероятно это ни звучало и каким бы невероятным в действительности ни было для обычной жизни, что одного краткого существования иногда может быть достаточно, чтобы обеспечить себе дальнейший рост на миллиарды лет. Адепт способен достичь за одну земную жизнь* такого значительного продвижения, что его дальнейший рост будет обеспечен и останется лишь делом времени. Но для этого семя, производящее адепта для земной жизни, должно быть изначально совершенным, условия его первоначального роста — благоприятствующими, а сам человек должен на протяжении всей своей жизни прилагать усилия в этом направлении, причем усилия гораздо более энергичные, сосредоточенные и неустанные, нежели это может предположить непосвященный человек со стороны. Обычно жизнь, разделяемая между материальными удовольствиями и духовными устремлениями, — какими бы искренними и прекрасными они ни были, — может произвести лишь двойственный результат: духовное вознаграждение в дэвачане и новое рождение на земле. Заметим, что способ, которым адепт поднимается над необходимостью дальнейших перевоплощений, вполне научен и довольно прост, хотя и может показаться некой теологической тайной, когда его излагают в

экзотерических сочинениях, используя такие термины, как карма, скандхи, тришна, танха и так далее. Следующая земная жизнь является результатом привязанностей, созданных пятым принципом, непреходящей человеческой душой, точно так же, как предшествующие ей переживания в дэвачане суть результат мыслей и чаяний возвышенного характера, порожденных человеком в предыдущей жизни. Таким образом, сродства, порождаемые в обычных случаях, являются отчасти материальными, а отчасти духовными. И как только душа переступает порог мира следствий, этот двойственный набор привязанностей создает для нее два направления притяжений, одно из которых имеет следствием субъектную жизнь в дэвачане, а другое, проявляющее себя лишь после неё, возвращает душу назад, в воплощение. Но если личность не накапливает за время своей вещественной жизни абсолютно никаких привязанностей к материальному существованию, её душа, влекомая одною единственной силой притяжения, устремляется исключительно в направлении духовности, и нечему тянуть ее вниз, в сторону предметной жизни. Поэтому душа не возвращается, она восходит в состояние духовности, соответствующее её степени притяжения и сродств духовного свойства, тогда как нить, связующая душу с противоположным полюсом, полностью отсекается.

---

* По сложившемуся у меня впечатлению, достижение подобных высот в течение одной жизни — явление крайне редкое, этого достигают скорее путём двух или трех искусственных воплощений.

Однако данное объяснение не охватывает весь спектр проблемы, поскольку адепт, как бы высоко он ни поднялся, должен в конце концов снова вернуться в воплощение, после того как остальное человечество пройдет великий разделительный период в середине пятого круга. А до тех пор, пока не будет достигнут подъем планетарной духовности, даже наивысшая человеческая душа вынуждена сохранять некоторое сродство с землей, хотя и не с той земной жизнью с её физическими наслаждениями и страстями, через какую проходим мы. Что же касается духовных последствий земной жизни, тут важно осознать, что в значительном большинстве случаев (исключая немногие аномальные) чувство справедливости в отношении судеб хороших людей полностью удовлетворяется постепенным, последовательным течением природы. Духовная жизнь всегда готова принять, ободрить и восстановить силы души после борений, свершений или страданий воплощения. Более того, оставляя в стороне вопрос о вечности, мы можем упомянуть о том, что в промежутках между циклами, после завершения каждого круга, природа предоставляет всему человечеству, за исключением тех несчастных, которые упорно следовали по пути зла, огромный по своей продолжительности период духовного блаженства, гораздо более долгий и еще более возвышенный по своему характеру, нежели дэвачанические периоды, наступающие после каждой отдельной жизни. В самом деле, природа очень терпелива и снисходительна по отношению ко всем и к каждому из её претендентов в течение их долгой подготовки к последнему испытанию. И даже первая неудача при попытке сдать этот важный экзамен не может считаться непоправимо фатальной (если только речь не идет о самом закоренелом и неблагодарном неудачнике), хотя всем этим несчастным и приходится потом долго ждать, когда им будет предоставлена возможность для переэкзаменовки.

Полное изложение обстоятельств, при которых проходит такое ожидание, не входит в план этого трактата; однако не следует полагать, будто незадачливый претендент на дальнейшее развитие, сам убеждённый в своей неготовности пройти критический период пятого круга, обязательно попадает в сферу уничтожения. Ибо чтобы её притяжение проявило себя, его "я" должно развить в себе неодолимую по своей силе привязанность к материи и такое же неодолимое отвращение ко всему духовному. Если же эти качества отсутствуют и одновременно с этим отсутствуют качества, достаточные, чтобы перенести "я" на другой берег, то судьбою таких неудач природы, *что касается нынешней планетной манвантары*, становится, как выражается Элифас Леви, смерть без воспоминаний. Они прожили свою жизнь, получив свою толику Неба, но так и не смогли достичь головокружительных высот духовного развития, открывшихся перед ними. Но они годны к дальнейшим воплощениям и жизни на тех планах существования, которые им хорошо знакомы. Поэтому им придется ожидать, оставаясь в негативном духовном состоянии, пока эти планы существования снова не будут активны *в следующей планетной манвантаре*. Разумеется, продолжительность этого ожидания совершенно не укладывается в рамки человеческого воображения, равно как и характеристики такого состояния существования. Однако широкий путь, ведущий сквозь эту странное царство сонного, полуодушевленного существования, всё-таки не следует сбрасывать со счетов, так как без него невозможно осознать симметрию и целостность всей эволюционной системы.

Теперь, после добавления вышеупомянутой возможности, эволюционная схема предстает перед читателем в относительно завершённой форме, правда, *в самых общих чертах*. Мы уже говорили о том, как единая жизнь, дух, оживляет материю — сначала в сравнительно простых формах, а затем постепенно доводит её до форм более высоких. Индивидуализируясь наконец в человеке, она проходит через примитивные, безответственные воплощения, пока, наконец, не переместится в высшие принципы и не разовьёт подлинно человеческую душу, которая отныне становится хозяйкой своей собственной судьбы. Впрочем, на первых порах природа все-таки принимает необходимые меры к тому, чтобы оградить душу от преждевременного крушения, стимулируя и восстанавливая ее силы в процессе эволюционного продвижения. Однако конечная цель, которая ставится перед душой, не ограничивается превращением ее в существо, способное позаботиться о себе; ибо душа должна стать способной заботиться также и о других, направлять и управлять (не выходя, если можно так выразиться, за конституционные рамки) действиями самой природы. Разумеется, прежде чем душа заслужит право на такое продвижение, ей придется пройти испытание, которое состоит в предоставлении ей полной власти над своими собственными делами. Но эта власть неизбежно открывает перед человеком возможность довести себя до катастрофы. Те предохранительные ограничения, которые окружают "я" в его юности, — его неспособность попасть в состояния более высокие или более низкие, нежели дэвачан и авичи между воплощениями, — с достижением зрелости отпадают. И "я" уже вершит свою судьбу, причем не только в том, что касается создания преходящих счастья или страданий, но и в плане огромных возможностей движения в обоих направлениях, открывающихся перед ним. Оно может реализовать открывающиеся перед ним грандиозные возможности двумя

способами, оно способно вести свою борьбу в одном из двух направлений и достичь высшей духовности либо в сфере добра, либо в сфере зла. Впрочем, оно также может связать себя с физическим, что ведет не ко злу, но к полному уничтожению или же, с другой стороны, к отрицательному результату, который не есть добро, но заставит начать обучающий процесс воплощений снова.

Замечания

Те условия, в которых оказываются монады, не прошедшие середину пятого круга и потому оказавшиеся выброшенными волною эволюции, если можно так сказать, на берег океана времени, описаны в данной главе довольно скупо. Мы ограничились лишь несколькими словами о том, что потерпевшие неудачу в процессе манвантары не подлежат полному уничтожению; и хотя их связь с эволюционирующим миром прерывается, им предстоит, после огромного периода ожидания, снова присоединиться к потоку эволюции. Из такого положения вещей можно сделать множество выводов. Начнем с того, что продолжительность периода ожидания, на которое обрекают себя неудачники, действительно такова, что превосходит человеческое воображение. Вторую половину пятого круга, а также весь шестой и седьмой круги успешно сдавшие экзамен монады проводят в состоянии духовности, а последние круги длятся неизмеримо дольше, нежели серединные. Затем следует огромный период отдыха в нирване, завершающий манвантару, — безмерная ночь Брахмы, пралайя всей планетной цепи. И только с началом следующей манвантары неудачники начинают пробуждаться от своего забытья, ужасающего воображение тех существ, которые продолжают вести активную жизнь, хотя для самих спящих этот транс, который неизбежно является просто полным отсутствием сознания, вероятно, не более утомителен, чем ночь для спящего без сновидений, в памяти которого она не оставит и следа. Судьбу неудачников следует считать несчастной прежде всего из-за того, что им придется пропустить, а не из-за того, что им придется при этом пережить. Кроме того, их участь можно назвать прискорбной в силу последствий этого сна: ибо после пробуждения им предстоит снова ощутить все неприятности физической жизни и заново пройти через огромное, почти бесчисленное множество воплощений, тогда как существа, обогнавшие их в ходе пятого круга эволюции, за время их транса вырастут до богоподобного совершенства дхьян-чоханов, и будут играть роль направляющих гениев следующей манвантары, а не беспомощных зависимых подчинённых.

Оставляя в стороне то, что мы могли бы назвать личным интересом существ, можно сказать, что существование в природе неудач в начале каждой манвантары есть факт, вносящий важный вклад в наше понимание эволюционной системы. Когда планетная цепь начинает впервые развиваться из хаоса, — если термин "впервые", даже понимаемый в узком смысле, вообще применим для какого бы то ни было периода вечности, в отношении которой само выражение "в начале" может звучать исключительно как фигура речи, — в ней еще нет никаких неудачников. При этом нисхождение духа в материю — через элементарные, минеральное и прочие царства — протекает так, как и было описано в предыдущих главах данной книги. Но, начиная со второй манвантары планетной

цепи в цикле активного существования солнечной системы, включающем в себя много таких манвантар, эволюция развивается несколько по-иному — заметно легче в сравнении с первой манвантарой (если, опять-таки, мне будет позволено использовать это выражение, применимое скорее в бытовом, нежели в научном смысле). Во всяком случае, процесс идёт быстрее, поскольку там уже существуют люди, готовые войти в воплощенное состояние, как только глобус, тоже уже существующий, сможет быть готов их принять. Представляется, что после первой манвантары серии (необычайно превосходящей по протяжённости последующие) никто из существ (впервые только развившихся из низших царств) не достигает большего, чем порога человеческой стадии. Тут прежние неудачники входят в воплощение, а за ними и остающиеся животные существа, среди которых уже выделились человеческие. Однако в сравнении с положениями эзотерического учения, касающимися текущей эволюции нашей нынешней расы, эти соображения, относящиеся к самым ранним этапам мировой эволюции, имеют для нас всего лишь отвлеченный познавательный интерес; и потому, как бы я ни старался, я пока не смогу изложить данную тему во всех подробностях.

Глава IX

БУДДА

Рождение исторического Будды, как это хорошо известно хранителям эзотерического учения, вовсе не сопровождалось всеми теми странными чудесами, которыми окружает его народное предание. И продвижение его к состоянию адепта не сопровождалось буквально сверхъестественными борениями, описанными в символической легенде. С другой стороны, воплощение, внешне описываемое как рождение Будды, оккультная наука определённо не считает событием, подобным любому другому рождению, а духовное развитие, пройденное Буддой за его земную жизнь, не рассматривает как обычный процесс интеллектуальной эволюции, похожий на пройденный любым другим философом. Ошибка, которую допускает при изучении проблем подобного рода большинство европейских авторов, объясняется их склонностью рассматривать экзотерическую легенду либо как рассказ о чудесах, к которому уже нечего добавить, либо как чистой воды миф, призванный украсить выдающуюся жизнь фантастическими подробностями. Более того, они уверены, что эта жизнь, какой бы выдающейся она ни была, могла быть прожита только в соответствии с естественнонаучными теориями, принятыми и в нашем XIX столетии. Однако изложенное на предыдущих страницах данной книги уже позволяет изложить то, что оккультная наука говорит об настоящем Будде, родившемся, как вполне верно установлено современными исследованиями, за 643 года до начала христианской эры в Капилавасту, недалеко от Бенареса.

Эзотерические концепции, в которых ничего не известно о законах, управляющих действиями природы в более высоких её областях, могут объяснить необычайное величие некоторых личностей, лишь предполагая, что их физические тела были рождены каким-то чудесным образом. Отсюда происходит и распространенная легенда о том, что Будда воплотился в этом мире благодаря

непорочному зачатию. Оккультной науке ничего не известно о каких-либо иных процессах сотворения человеческих младенцев, помимо предписываемых физическими законами, но зато ей известно многое о тех пределах в которых "единая жизнь", или "духовная монада", или непрерывная нить, на которую нанизываются последовательные воплощения, может выбирать тело ребенка в качестве своего будущего человеческого вместилища. Этот выбор для рядового большинства человечества осуществляется автоматически, благодаря действию кармы, то есть неосознанно для "я", выходящего из состояния дэвачана. Однако в тех необычных случаях, когда единая жизнь уже освоила шестой принцип, или, иначе говоря, когда человек уже стал адептом и обрел способность осознанно руководить собственным духовным "я" в том, что касается его ближайших действий, такой человек, покинув (на время или навсегда) то тело, в котором он достиг состояния адепта, способен сам выбирать для себя следующее воплощение. Уже при жизни он поднимается над притяжением дэвачана и становится одной из сознательных направляющих сил той планетной системы, к которой принадлежит. Но как ни велика тайна этого осознанно избранного перевоплощения, это вовсе не ограничено такими уникальными событиями, как рождение Будды. Этот феномен нередко воспроизводится высшими адептами и в наши дни. И хотя многое из того, о чем повествует популярная восточная мифология, представляет собой чистую фантазию или полностью символично, перевоплощения тибетских далай- и таши-лам, над которыми путешественники только потешаются по причине недостатка знаний, которые позволили бы им отсортировать факты от вымысла, представляют собою строго научное достижение. В таких случаях адепт заранее определяет, в каком ребенке, где и когда рождающемся, он намерен перевоплотиться, и при этом крайне редко терпит неудачу. Мы говорим "крайне редко", потому что некоторые обстоятельства физического характера невозможно полностью предусмотреть заранее. Несмотря на предвидение, которым обладает адепт, нельзя быть абсолютно уверенным в том, что ребенок, избранный им для своего следующего воплощения, благополучно достигнет физической зрелости. Кроме того, воплощаясь в физическом теле, адепт становится относительно беспомощным. Вне тела он остается тем же, кем стал, достигнув состояния адепта; но избрав себе для обитания новое тело, он вынужден позволить ему расти обычным порядком, в соответствии с законами природы, обучить его обычным навыкам и посвятить его посредством чётких оккультных методов в адепство, прежде чем это тело станет полностью пригодным для дальнейшей оккультной работы на физическом плане. Разумеется, для адепта все эти процессы значительно облегчаются благодаря действующей в нем особой духовной силе; но поначалу, находясь в теле ребенка, душа адепта, конечно же, чувствует себя ограниченной и стесненной и, как может подсказать нам наше человеческое воображение, ей может быть в нём неудобно и даже плохо. Однако у читателя сложится совершенно неверное представление, если он вообразит, будто перевоплощение, подобное вышеописанному, является привилегией, которой адепт готов воспользоваться с удовольствием.

Рождение Будды принадлежит к разряду таинств, подобных описанному, и в свете уже сказанного будет несложно проникнуть за традиционную легенду о его чудесном происхождении и найти символические указания на факты даже самых курьезных из притч. Например, едва ли можно отыскать что-либо менее напоминающее подлинный научный факт, нежели утверждение, будто Будда

вошел в бок своей матери в образе молодого белого слона. Но белый слон — это просто символ адепта, ибо и того и другого с полным правом можно назвать столь же прекрасным, сколь и редким существом. Аналогичный символизм можно разглядеть и в других легендах, повествующих о состоянии Будды до рождения и указывающих на то, что тело будущего ребенка было заранее избрано на роль вместилища великого духа, уже наделенного величайшею мудростью и благостью. В день его рождения явились Индра и Брахма, дабы засвидетельствовать свое почтение ребенку, и это значит, что силы природы уже находились в подчинении у воплощенного в детском теле Духа. А тридцать два признака Будды, описываемые в легендах при помощи нелепых физических символов, суть разнообразные способности адепта.

Выбор просветлённым человеческим духом, решившим воплотиться ради просвещения человечества, в качестве своего обиталища тела, известного под именем Сиддхартха (а впоследствии Гаутама), сына Суддходаны из Капилавасту, *не был* одной из тех редких неудач, о которых говорилось выше. Напротив, это был замечательный во всех отношениях выбор, и ничто не помешало Будде достичь состояния адепта в своём новом теле. А распространенное повествование о его аскетической борьбе, искушениях и, наконец, достижении им состояния будды под деревом Бо — это, конечно же, не более, чем экзотерическое описание его посвящения.

Начиная с этого момента, его деятельность приобрела двойственный характер: ему предстояло реформировать и обновить нормы морали для широких масс населения и оккультную науку — для адептов, так как адептство тоже подвержено циклическим изменениям и нуждается в периодических новых импульсах. Объяснение данного обстоятельства простыми и понятными словами не только полезно в познавательном плане, но и может представлять интерес для всех, кто изучает экзотерический буддизм, так как проливает дополнительный свет на некоторые загадочные вопросы более трудной для понимания "северной доктрины".

Будда посещает землю в каждой из семи рас великого планетного периода. Тот Будда, о котором мы ведем речь, был четвертым в ряду себе подобных; поэтому он стоит четвертым в списке, который мистер Рис Дэвидс заимствовал у Бюрнуфа, дабы показать, как северная доктрина была, по мнению самого мистера Дэвидса, расширена за счет метафизических тонкостей и нелепостей, нагроможденных вокруг простой морали, к которой сводится тот буддизм, который предлагается народу. Пятый будда, Майтрея, придет после окончательного исчезновения пятой расы, когда шестая раса будет существовать на Земле уже несколько сотен тысяч лет. Шестой будда придет в начале седьмой расы, а седьмой — в конце нее.

На первый взгляд, эта последовательность не гармонирует с общим планом человеческой эволюции. Мы находимся сейчас в середине пятой расы, однако с нею связывается только четвертый будда, а пятый не придёт ранее того времени, когда пятая раса уже практически исчезнет. Тем не менее объяснение этому можно отыскать, опять-таки, в величественных очертаниях эзотерической космогонии. В начале каждого великого планетного периода, когда фаза затемнения подходит к концу и человеческая волна, двигаясь по кругу мировой цепи, достигает глобуса,

на котором уже несколько миллиардов лет не жили люди, требуется наставник, который взрастил бы на этой планете первый новый урожай человечества. Не забывайте, что предварительная эволюция минерального, растительного и животного царств была осуществлена еще раньше, в процессе подготовки к новому круговому периоду человечества. И с первым вливанием жизненного потока в тот вид, который называют "потерянным звеном", начинается эволюция первой расы новой последовательности. Именно тогда и появляется Существо, которое можно считать буддой первой расы. Планетный дух, или дхьян-чохан, который является, или (если так можно сказать, игнорируя правила грамматики, во избежание неправильного понимания, которое может возникнуть вследствие использования формы единственного числа) является буддой, со всеми присущими ему, или им, совершенствами, воплощается среди юных, простодушных и легко поддающихся обучению первенцев нового человечества, чтобы передать первые общие представления о правильном и неправильном и первоначальные истины эзотерической науки достаточному числу восприимчивых умов, дабы быть уверенным, что внушенные таким образом идеи будут звучать в людях, передаваясь из поколения в поколение на протяжении миллионов лет, пока первая раса не завершит свой жизненный путь. Именно это пришествие Божественного Существа в человеческой форме в начале кругового периода и является исходным пунктом неискоренимого представления об антропоморфном Боге, присущего всем экзотерическим религиям.

Первый будда того ряда, в котором Гаутама Будда стоит четвертым, становится, таким образом, вторым воплощением Авалокитешвары — что есть мистическое имя сонма дхьян-чоханов, или планетных духов нашей планетной цепи, — и Гаутама, хотя он и считается в эзотерическом исчислении четвертым воплощением просветленного, на самом деле является пятым звеном в цепи и потому по праву принадлежит к нашей, пятой расе.

Как уже было сказано, Авалокитешвара — это мистическое имя сонма дхьян-чоханов, означающее проявленную мудрость, в то время как Адибудда и Амиабха оба означают абстрактную мудрость.

Цитируемое мистером Дэвидсом учение о том, что "у каждого земного, смертного будды есть свой чистый и славный двойник в мистическом мире, свободный ото всех унижительных ограничений материальной жизни, или, вернее, что будда, проявляющийся материальных условиях, есть только видимость, отражение, или эманация, или образ дхьяни-будды", совершенно справедливо. Число дхьяни-будд, или дхьян-чоханов, или планетных духов, совершенных человеческих духов предыдущих мировых периодов, бесконечно; однако из них в экзотерических учениях практически известны только пять, а в эзотерических — семь. При этом следует помнить, что это лишь манера говорить, которую не следует воспринимать слишком буквально, поскольку в той возвышенной духовной жизни, о которой мы ведем речь, нет места для обособленной индивидуальности.

Можно видеть, что всё это находится в полной гармонии с теми учениями о природе, которые излагались в предыдущих главах, и потому едва ли следует относить это на счет мистического воображения. Дхьяни-будды, или дхьян-чоханы — это усовершенствованное человечество предшествовавших манвантар; и

именно их *коллективный разум* (который Рис Дэвидс ошибочно считает сравнительно недавним изобретением северных буддистов), называется тут именем Ади-будда. Ади-будда значит "изначальная мудрость", и это имя упоминается в самых древних санскритских книгах. Например, в философских комментариях к "Мандукья упанишаде", написанных Гаудападой, современником самого Будды, это выражение часто употребляется и объясняется в полном соответствии с нашей трактовкой. Один мой индийский друг — брахман и пандит, обладающий непревзойденными познаниями в области санскрита, — показывал мне имеющийся у него экземпляр этой книги, которая, как ему известно, никогда не переводилась на английский. При этом он обратил мое внимание на одну фразу, имеющую непосредственное отношение к обсуждаемому нами сейчас вопросу, и сам перевел её для меня следующим образом: "Сама пракрити по сути и есть Ади-будда, и все дхармы существовали извечно". Гаудапада — широко известный писатель-философ, которого почитают и все индуистские, и все буддийские школы. Он был гуру, или духовным учителем, первого Шанкарачарья, о котором я вскоре расскажу подробнее.

Ко времени воплощения Будды адепство еще не было той крепкой, сплоченной иерархией, каковой оно сделалось под его влиянием. В истории мира не было эпохи без адептов; но иногда адепты рассеиваются по всему свету, порою уединяются в своих обителях, временами притягиваются к той или иной стране. Наконец, нельзя забывать, что их знания и силы не всегда вдохновлялись теми возвышенными и строгими нравственными принципами, которые Будда ввел в их позднейшую и самую высшую организацию. Осуществленная им реформа оккультного мира стала возможной благодаря его великой жертве — самоотречению, побудившему его отказаться от блаженного состояния нирваны, коего он вполне заслужил по окончании своей земной жизни, достигнув просветления, и взвалить на себя бремя новых воплощений ради продолжения начатого им дела, дабы принести еще большую пользу человечеству. После жизни в облике Гаутамы Будды он воплотился в личности великого учителя, о котором мало говорится в экзотерических сочинениях о буддизме, хотя без знания его жизни невозможно правильно определить ту роль, которую играет на Востоке экзотерическая наука. Этим учителем был Шанкарачарья.* Последнюю часть его имени расшифровать несложно: "ачарья" означает учитель. Всё имя превратилось в титул и так сохранилось до наших дней, хотя и при странных обстоятельствах, но его современные носители не составляют единую линию буддийских духовных воплощений.

---

* Е.П. Блаватская в "Тайной доктрине", т. III, раздел "Тайна Будды", даёт важные уточнения по этому вопросу, без которых возможно неверное понимание этого воплощения. — *Прим. ред.*

Когда Шанкарачарья появился в Индии, никто не обратил внимания на его рождение, которое по-видимому произошло на Малабарском побережье, примерно через шестьдесят лет после смерти Гаутамы Будды. Экзотерическое учение высказывается в пользу того, что Шанкарачарья просто *был* буддой во всех отношениях, только в новом теле. Данная точка зрения неприемлема для *непосвященных* индуистских авторитетов, которые относят жизнь

Шанкарачарьи к гораздо более позднему времени и считают учителем, совершенно независимым от буддизма и даже несогласным с ним. Однако мы тут излагаем мнение *посвященных* в эзотерическую науку, которые могут называть себя буддистами или индуистами. Эти сведения я получил не непосредственно от своего тибетского наставника, а от одного брахмана-адвайтиста из Южной Индии, который уверял меня, что все посвященные брахманы сказали бы мне то же самое. Некоторые последующие воплощения Будды описываются иначе, а именно как осенение духом Будды того или иного человека, но в лице Шанкарачарьи он сам вновь появился на земле. Целью этого было заполнение нескольких пробелов и исправление некоторых ошибок в его первоначальном учении, ведь эзотерический буддизм даже будде не приписывает абсолютную безошибочность в каждый момент своей деятельности.

Положение тогда было следующим. До прихода Будды индийские брахманы ревностно оберегали оккультное знание как исключительное достояние своей касты. Исключения делались иногда для представителей касты кшатриев, но всё же это правило поддерживало исключительность в очень высокой степени. Будда нарушил это правило, допуская к пути адепта все касты в равной мере. В принципе это нововведение было совершенно верным, но оно открыло путь для множества проблем, а также, как считали брахманы, для деградации самого оккультного знания, то есть для передачи его в недостойные руки — недостойные не просто из-за низкого кастового положения, но из-за низкого уровня нравственности, который, по их мнению, проникнет в оккультное братство вместе с новыми, низкородными братьями. Брахманы вовсе не имели в виду, что всякий человек, рожденный брахманом, обязательно должен быть добродетельным и достойным доверия; их аргументы сводились к тому, что к тайнам посвящения и силам, которое оно даёт, не следует допускать никого, кроме наиболее достойных и надежных. А для этого необходимо не только воздвигать на пути к посвящению всевозможные преграды, испытания и экзамены, но и избирать претендентов только из того общественного класса, который вообще, в силу имеющихся у него наследственных преимуществ, лучше всех подготовлен для воспитания подходящих кандидатов.

Дальнейший опыт сильно говорит в пользу обоснованности опасений брахманов, и следующее после жизни в лице Шанкарачарьи воплощение Будды явилось практическим признанием этого. Пребывая в облике Шанкарачарьи, Будда заранее попытался сгладить противоречия между индийскими сектами, неизбежность борьбы между которыми он предвидел. Активное противодействие брахманов буддизму началось во времена Ашоки, так как энергичные усилия этого правителя по распространению буддизма вызвали у брахманов ощущение угрозы их общественному и политическому превосходству. Следует помнить, что даже посвященные не всегда свободны от личных предубеждений. Они обладают *некоторыми* богоподобными качествами, при первом знакомстве с которыми люди несведущие склонны делать поспешный вывод, будто посвященные полностью свободны от человеческих слабостей. Посвящение и оккультное знание как таковые, конечно же, создают узы единства между адептами всех наций, и узы эти намного прочнее всех иных. Однако известны примеры, показывающие, что даже им не по силам устранить все разногласия. Так,

посвященные буддисты и брахманисты изучаемого нами периода не были единодушны во всех вопросах, ибо брахманы весьма решительно осуждали буддийскую реформуляцию в ее экзотерических аспектах. Чандрагупта, дед Ашоки, выбился из низов: его семья принадлежала к касте шудр. Этого было достаточно, чтобы буддийская политика Ашоки вызвала неприязнь со стороны представителей ортодоксальной веры брахманизма. Со временем их борьба приняла самые ожесточенные формы, хотя общеизвестная история не сообщает на сей счет почти никаких, а то и вовсе никаких подробностей. Партия первоначального буддизма потерпела сокрушительное поражение, и в правление Викрамадитьи (ок. 80 г. до н.э.) господство брахманов было полностью восстановлено. Однако еще до начала этой великой борьбы Шанкарачарья объехал всю Индию и основал в нескольких крупных центрах страны *матхи*, или философские школы. На осуществление этой задачи он потратил всего несколько лет, но влияние его учения оказалось столь огромным, что само его величие маскирует достигнутые перемены. Шанкарачарье удалось привести экзотерический индуизм в практическую гармонию с эзотерической "религией мудрости", тем самым предоставив людям возможность наслаждаться своими древними мифами, но при этом во всем полагаться на философское руководство эзотерических буддистов, хотя тут и приходилось мириться со всем тем, что было в брахманизме неискоренимо. Главная беда старого экзотерического индуизма состояла в том, что он был слишком привязан к пустому церемониалу и к идолопоклонническим представлениям о божествах индусского пантеона. А Шанкарачарья в комментариях к упанишадам и в своих оригинальных сочинениях подчеркивал, что для достижения мокши необходимо следовать пути *джняны*, то есть, иными словами, для духовного развития и достижения его цели важно тайное знание. Он стал основателем веданты. Слово это означает завершение или венец знания, хотя подтверждение правильности данной системы Шанкарачарья заимствовал из еще более древних сочинений Вьясы — автора Махабхараты, пуран и Брахмасутры. Надеюсь, читатель понимает, что эти утверждения я делаю не на основании собственных исследований, ибо я не востоковед, но исключительно опираясь на авторитет посвященного брахмана — выдающегося ученого-санскритолога и к тому же оккультиста.

В настоящее время школа веданты практически совпадает по охвату с индуизмом, исключая, конечно, некоторые особые секты — таких как сикхи, валлабхачарьи (или махараджи, как их незаслуженно называют), и может быть разделена на три основных течения: адвайта, вишишта-адвайта и двайта. Учение адвайты вкратце сводится к тому, что Брахман, или Пуруша (вселенский дух), действует только через пракрити (материю); и всё происходит, таким образом, через энергию, присущую материи. Следовательно, Брахман, или Парабрахман, есть пассивный, непостижимый, бессознательный принцип, но при этом — сущность, единая жизнь или энергия вселенной. С этой точки зрения учение адвайты тождественно трансцендентному материализму эзотерической буддийской философии адептов. Слово "адвайта" означает "не-двойственный" и подразумевает, с одной стороны, "не-двойственность", то есть единство вселенского духа, или буддийской единой жизни, в отличие от представления о его действии через антропоморфные эманации, а с другой стороны — единство человеческого духа со вселенским. Естественным следствием этого учения является признание адвайтистами

буддийской доктрины кармы, согласно которой будущая судьба человека целиком и полностью зависит от причин, порожденных им самим.

Вишишта-адвайтисты несколько видоизменяют это учение, добавляя к ним Вишну как сознательное божество, первичную эманацию Парабрахмана. Вишну считается личным Богом, способным вмешиваться в течение человеческой судьбы. Они не считают йогу, или духовную самоподготовку, эффективным способом духовного развития, но считают, что духовное достижение возможно главным образом благодаря *бхакти* — преданности. Если говорить языком европейского богословия, то адвайтисты верят в спасение только через собственные усилия, а вишишта-адвайтисты — в спасение божественною милостью. Концепция двайты незначительно отличается от вишишта-адвайты — двайтисты просто утверждают двойственность человеческого духа и высшего принципа вселенной по определению, а также считают неотъемлемой составляющей бхакти исполнение многочисленных церемониальных ритуалов.

Впрочем, необходимо помнить о том, что все эти различия касаются только экзотерических вариаций одной и той же фундаментальной идеи, которую разные учителя передавали в различных редакциях, зависевших от способности людей воспринимать и усваивать трансцендентные идеи. Все лидеры ведантистской мысли относятся к Шанкарачарье и к основанным им матхам с величайшим возможным почтением, а их внутренняя вера всегда восходит к единому эзотерическому учению. Фактически, взгляды посвященных всех школ Индии во многом совпадают. Если не принимать во внимание различий в терминологии, то система космогонии буддийских архатов, изложенная в общих чертах в этой книге, соответствует той, которой придерживаются посвященные брахманы и которую они исповедовали еще до рождения Будды. Откуда же они её получили? — может спросить читатель. Они могли бы ответить, что получили свои знания от планетарного духа, или дхьян-чохана, который первым посетил эту планету на заре человеческой расы нынешнего кругового периода, так много миллионов лет назад, что я не решаюсь даже высказывать какие-либо догадки на сей счет, в то время как точная цифра держится в тайне.

Шанкарачарья основал четыре основных матха: один — в Шрингери, в Южной Индии, всегда считавшийся самым важным из всех; второй — в Джаганнатхе, в Ориссе; третий — в Двараке, в Катхияваре; и четвертый — в Ганготри, на севере, на склонах Гималаев. Настоятель монастыря Шрингери, в дополнение к своему собственному имени, всегда носил титул Шанкарачарья. Эти четыре главных центра основали со временем и другие, и матхи существуют теперь по всей Индии, оказывая решающее влияние на развитие индуизма.

Я уже говорил, что ко времени своего третьего воплощения Будда ясно сознавал, что в своей безграничной любви, великом доверии человечеству и надежде на его усовершенствование, он слишком широко распахнул врата оккультного святилища. Его третьим воплощением явилась личность Цонкапы — великого тибетского адепта-реформатора XIV столетия. В этом существовании он был занят исключительно делами братства адептов, основная часть которых к тому времени была сосредоточена в Тибете.

С незапамятных времен в Тибете существует особая тайная область, по сей день неведомая и недоступная ни для кого, кроме посвященных, и недостижимая для обычных людей — причём для живущих в окрестных горах так же, как для приезжих. В этой области всегда собирались адепты. Однако во времена Будды эта местность еще не являлась той избранной обителью великого братства, каковой она стала впоследствии. В прежние времена махатмы в гораздо большей степени, нежели теперь, были рассеяны по свету. Но развитие цивилизации, порождающее столь тягостный для них магнетизм, к тому времени, о котором мы говорим, то есть к XIV веку, привело к тому, что рассеянные прежде по свету оккультисты потянулись отовсюду в сторону Тибета. Распространение оккультных знаний и сил действительно оказалось слишком широким, чтобы совместиться с безопасностью человечества. Задаче подчинить их системе строгих правил и законов и посвятил себя Цонкапа.

Не желая восстанавливать прежнюю несправедливую систему, основанную на кастовой исключительности, он разработал свод правил, которым должны были руководствоваться адепты. Результатом их применения должно было стать исключение из оккультной организации всех, кроме ищущих оккультных знаний в духе полной преданности высшим нравственным принципам.

В опубликованной в журнале "Теософист" за март 1882 года статье "Перевоплощения в Тибете" (в полной достоверности которой во всех её мистических смыслах я более чем уверен) приводится большое количество важной информации, касающейся одного из аспектов рассматриваемой нами в настоящее время проблемы, а также говорится о связях эзотерического буддизма с Тибетом, — поистине, неисчерпаемая тема для каждого, кто желает знать как можно больше о буддизме в его истинном значении.

"Непрерывная система воплощений "Сангьяса" (или Будды) в ламах начинается с Цонкапы, — читаем мы. — Вопреки распространенному мнению, этот реформатор не являлся воплощением одного из пяти небесных дхьяни-будд, созданных, как говорят, самим Шакьямуни после достижения им нирваны; он был воплощением Амиды (одно из китайских имен Будды). Хроники, сохранившиеся в гонпа (монастыре) Ташилхумпо, свидетельствуют о том, что Сангиас воплотился в Цонкапу вследствие упадка и деградации его учений. До того не было иных воплощений, кроме воплощений пяти небесных будд и их боддхисаттв: каждый из будд создает (читай, осеняет своею духовной мудростью) пятерых боддхисаттв... Одной из многих реформ, произведенных Цонкапой, был запрет некромантии, которую по сей день практикует, со всеми сопутствующими ей отвратительными ритуалами, бон — местная религия Тибета, с последователями которой "красные шапки", или "шаммары" всегда были в приятелях. Потому последние и воспротивились власти Цонкапы. За этим последовал раскол между двумя сектами. Полностью отделившись от гелугпа, дугпа (красные шапки) с самого начала составляли незначительное меньшинство, рассеянное по разным областям Тибета, главным образом, по его приграничным районам и прежде всего — в Непале и Бутане. Но хотя они сохраняли некоторую независимость в монастыре Сакья-дзонг — тибетской резиденции своего духовного (?) лидера Гонгсо-римпоче, бутанцы с самого начала подчинялись далай-ламам и зависели от них.

Таши-ламы всегда считались более могущественными и более почитаемыми, чем далай-ламы. Последние сами являются творением таши-ламы Набанг-лобсанга — шестого воплощения Цонкапы, который был, в свою очередь, воплощением Амиабхи, или Будды".

Некоторые исследователи буддизма разделяют теорию, сформулированную мистером Клементсом Маркхэмом в его "Рассказе о миссии Джорджа Богла в Тибет". Согласно этой теории, первоначальные буддийские писания сын Ашоки перенес на Цейлон, в то время как буддизм, проникший в Тибет из Индии и Китая, оказался со временем перегруженным догмами и метафизическими спекуляциями. А профессор Макс Мюллер добавляет: "Самым важным элементом буддийских реформ всегда был социальный и моральный кодекс, а не метафизические теории. Этот моральный кодекс является одним из самых совершенных из всех, которые когда-либо знал мир; и это благословение буддизм принес с собою в Тибет".

"Это благословение", — как сказано в авторитетной статье в журнале "Теософист", фрагмент из которой мы только что цитировали, — "пустило корни и распространилось по всей стране; и потому нет на свете народа более доброго, простого, имеющего столь чистые мысли и сторонящегося греха, чем тибетцы. Однако при всем этом простонародный ламаизм, в сравнении с подлинно эзотерическим буддизмом Тибета, буддизмом архатов, выглядит так же, как истоптанный десятками подошв снег на дороге в долине в сравнении с безукоризненно чистым снегом, сияющим на вершине высокой горы".

В действительности Цейлон наполнен эзотерическим, а Тибет — эзотерическим буддизмом. Цейлонцев интересует только или главным образом нравственность, а тибетцев или, вернее, тибетских адептов — наука буддизма.

Приведенные выше объяснения представляют собой лишь краткий очерк рассматриваемой проблемы. Я не располагаю ни местом, ни аргументами, достаточными для того, чтобы представить читателю полную картину взаимоотношений между внутренними принципами индуизма и буддизма. Я полностью признаю возможность того, что многие образованные и прилежные ученики после долгого и скрупулезного изучения данного вопроса могут прийти к выводам, на первый взгляд, противоречащим тем объяснениям, которые я имел возможность дать в этой книге. На это я могу сказать только то, что данные объяснения были получены мною непосредственно от авторитетов, коим изучаемая тема одинаково хорошо знакома как в своем академическом, так и в эзотерическом аспекте. Их внутреннее знание проливает свет на предмет в целом, полностью избавляя их от опасности неправильного истолкования текстов или неверной расшифровки завуалированных символов. Знать, когда родился Гаутама Будда, читать записи его наставлений и изучать распространенные легенды, собранные вокруг его биографии, — значит не знать почти ничего о реальном Будде, гораздо более великом, нежели все исторические учителя этики или фантастические полубоги преданий. И только когда мы сможем постичь связь между буддизмом и брахманизмом, величие эзотерической доктрины предстанет перед нами в своем истинном масштабе.

Глава X

НИРВАНА

Полное усвоение той части эзотерического учения, которую мы уже успели изложить, позволяет нам приблизиться к рассмотрению вопроса, который экзотерические авторы, писавшие о буддизме, рассматривали обычно в качестве отправной точки это религии.

За неимением лучшего метода исследования истинного смысла слова "нирвана", исследователи буддизма до сих пор, как правило, разбирали его составные части, изучая его корни и элементы. Однако с тем же успехом можно было бы пытаться определить запах цветка путём препарирования листка, на котором он нарисован. Умам, натасканным в интеллектуальных процессах физических исследований (а таковы, или, по крайней мере под косвенным влиянием этого — все наши западные умы XIX столетия), трудно постигнуть даже первое духовное состояние, которое выше нашей земной жизни, то есть дэвачан. Подобные условия существования лишь отчасти доступны пониманию, так как для полного их осознания необходимо применять высшие способности; более того, это невозможно передать другому уму посредством слов. Чтобы ученик понял суть подобных явлений, настоящий оккультный учитель старается пробудить в нем эти высшие способности и предоставить ему возможность наблюдать самому.

Дэвачан делится на семь состояний, соответствующих различным ступеням духовного просветления, достигаемым кандидатами на вхождение в это состояние. В дэвачане существуют *рупа-* и *арупа-*лока — то есть, иначе говоря, состояния, допускающие (субъективное) сознание формы, и состояния, превосходящие это сознание. И всё-таки даже наивысшее состояние арупа-локи дэвачана не идет ни в какое сравнение с тем удивительным состоянием чистой духовности, которое называют нирваной.

Когда духовная монада, следуя обычным, предписанным природой путем в течение круга, завершает свое огромное путешествие от первой планеты до седьмой и временно прекращает свое существование — вернее, все свои разнообразные существования там, включая также и периоды, проведенные в дэвачане, — тогда "я" переходит в духовное состояние, отличающееся от дэвачанического, и на протяжении непостижимо долгого времени отдыхает, прежде чем возобновить свой ход по планетной схеме. Это состояние можно назвать "дэвачаном дэвачанов" — чем-то вроде обобщения всех пережитых ранее дэвачанических периодов; оно превосходит дэвачан настолько, насколько сам дэвачан превосходит частично развитые духовные устремления или порывы любви, переживаемые нами в земной жизни. Об этом межцикловом периоде — необычайно возвышенном в сравнении с любым, пережитым ранее, даже с субъектными условиями планет восходящей дуги, не говоря уж о наших здешних условиях, — в эзотерической науке говорят как о состоянии частичной нирваны. Пронесясь в воображении через необозримые перспективы будущего, мы должны представить себе время приближения эпохи, соответствующей межцикловому периоду седьмого круга человечества, в котором люди станут подобны богам. Как только завершается самая последняя, самая возвышенная и славная из объектных

жизней, усовершенствованное духовное существо достигает состояния, в котором к нему возвращается полная память обо всех ранее прожитых им жизнях. Человек может, обернувшись назад, увидеть весь тот странный маскарад, каковым ему представляется теперь цепь пережитых предметно-вещественных существований, разглядеть по отдельности каждую из своих прошлых земных жизней и каждый мельчайший ее эпизод, проникнуть мысленным взором до самых сокровенных глубин их смысла и постичь их внутреннюю связь со всеми вещами, ибо он уже достиг всеведения — в том, что касается этой планетной цепи. Это высшее развитие индивидуальности является великой наградой, которую природа приберегла не только для тех, кто заслужил ее, так сказать, преждевременно, благодаря сравнительно короткому, но ужасно напряженному периоду отчаянной борьбы, ведущей к состоянию адепта, но также и для всех, кто, благодаря явному перевесу добра над злом во всей совокупности прожитых воплощений, смог счастливо миновать долину теней смерти в середине пятого круга, тем самым проложив себе дальнейший путь вверх — в шестой и седьмой круги.

Это необычайно возвышенное, благословенное состояние именуется в эзотерической науке порогом нирваны.

Следует ли нам углубляться в рассуждения о том, что последует за этим? Мы могли бы сказать, что ни одно состояние индивидуального сознания, хотя бы даже ощущение отождествления со всеобщим сознанием на данном уровне существования, не может сравниться в своей духовной возвышенности с абсолютным сознанием, в котором всякое чувство индивидуальности растворяется в целом. Мы можем использовать подобного рода выражения в качестве интеллектуальных ярлыков, однако для рядового ума, пребывающего в плену у физического мозга и порожденного им интеллекта, они едва ли будут иметь какой-то живой смысл.

Всё, что можно передать словами, — это то, что нирвана есть возвышенное состояние сознательного покоя во всеведении. После всего, что мы уже рассказали, было бы нелепо заводить разговор о разного рода дискуссиях, которые ведут изучающие экзотерический буддизм о том, означает ли ли нирвана уничтожение. Мирские сравнения не в состоянии передать то чувство, с которым воспринимают нирвану знатоки эзотерической науки. Может ли худшее из всех предусмотренных законом наказаний быть наивысшей честью для самых достойных? Является ли деревянная ложка символом самой великой, непревзойденной учености? Подобные вопросы могут служить лишь весьма бледной иллюстрацией той нелепости, которую представляют собой всякие рассуждения о том, что буддизм может считать нирвану эквивалентной уничтожению. А ведь существует еще и непостижимое для нас состояние паранирваны, которое, как говорят, еще выше, неизмеримо выше, нежели нирвана. Я не стану даже пытаться как-то истолковать это утверждение, однако оно показывает, к каким трансцендентным царствам мысли относится этот вопрос.

Смятение умов относительно сущности нирваны возникло в значительной степени из-за утверждений, касающихся Будды. Утверждают, что он достиг нирваны, будучи на Земле; говорят также, что он отказался от нирваны, согласившись на новые воплощения ради блага человечества. Однако эти два утверждения можно

вполне примирить между собой. Как *великий* адепт, Будда, конечно же, достиг той великой цели, к которой стремятся все адепты на Земле: его духовное "я" перешло в невыразимое состояние нирваны. Не следует полагать, что каждому адепту легко предпринять такой переход. До меня доходили лишь отдельные, разрозненные намеки о природе этой великой тайны, и всё-таки мне представляется, что я буду прав, если, собрав их вместе, скажу, что предпринять попытку достичь нирваны могут лишь высокие посвященные, ибо она предполагает полную остановку жизнедеятельности тела на период времени, по сравнению с которым самый продолжительный каталептический транс, известный обычной науке, выглядит незначительным, так что требуется его защита от естественных процессов разложения средствами, найденными оккультной наукой. Кроме того, предпринявший её рискует не продолжить более земное существование. Первый риск состоит в том, что как только нирвана будет достигнута, "я" может не захотеть возвращаться. Возвращение, несомненно, требует огромных усилий и является великой жертвой, и решиться на него может только духовный странник, всецело преданный своему долгу, в самом чистом и абстрактном его понимании. Второй риск связан с тем, что даже если чувство ответственности возобладает над искушением остаться — искушением, помните, не отягощенным мыслью о каком-либо наказании для тех, кто ему поддастся, — даже в этом случае нельзя быть уверенным, что путешественнику удастся вернуться обратно. Но несмотря на это и многие другие адепты кроме Будды смогли осуществить этот великий переход, хотя возвращение в темницу грубой плоти (какой бы утонченной она гипотетически ни была по сравнению с телами большинства обычных людей) повергало их в подавленное состояние которое могло длиться неделями. Поистине, повторное нисхождение на землю и возвращение в утомительный круг физических жизней после достижения нирваны — это слишком тяжкий удар.

Но самоотречение Будды опять же непостижимо больше этого, ведь он не просто вернулся из чувства долга, чтобы завершить земную жизнь, в которой он был Гаутамой, но полностью исполнив этот долг и заслужив право на уход в нирвану на бесчисленные эоны, данное ему расширенной земной миссией, он отказался и от этой награды (или, скорее, отложил её на неопределённый срок), чтобы сверх этого долга предпринять ряд дополнительных воплощений ради человечества в целом. Какое же благо принесло человечеству это самоотречение? — спросит, возможно, читатель. Однако подобный вопрос может быть продиктован только глубоко укоренившейся привычкой, приобретённой большинством из нас, оценивать любое благо физическими мерками и даже в этом отношении смотреть очень недалеко вперёд. Тот, кто прочел одну из предшествующих глав этой книги, посвященную прогрессу человечества, едва ли станет задаваться вопросом, какое именно благо Будда намеревался принести людям. Его неизбежно интересовало, как помочь наибольшему числу людей перейти через великий критический период пятого круга.

Всё происходящее до этого рассматривается адептами, а тем более, буддой, всего лишь как подготовка к решающей битве. Таким образом, исходя из этой точки зрения, материальное благополучие нынешнего поколения значит не более чем пыль. Единственное, что важно для человечества в настоящий момент, это развивать в нём склонности, способствующие как можно большему числу

человеческих "я" выйти на кармический путь, который обеспечит рост их духовности в будущих рождениях. И конечно же, эзотерические учителя — адепты, соратники Будды — убеждены в том, что развитие духовности способно в огромной степени сократить существующее в мире количество даже временных, преходящих человеческих страданий. Но нельзя считать, что счастье человечества, даже в пределах одного поколения, совершенно не заботит приверженцев эзотерической науки. Не следует думать, что эзотерическая политика витает в небесах и совершенно безразлична к людям, живущим на Земле сейчас. Однако как бывают годы, урожайные или неурожайные на пшеницу и ячмень, так обстоит дело и с ростом духовности у людей; и, во всяком случае в Европе, судя по опыту прежних великих народов, в периоды, соответствующие нашему нынешнему, т.е. бурного развития разума в направлении физического и материального прогресса, едва ли можно рассчитывать на хороший урожай в других областях развития. Поэтому в данный момент самый верный способ принести благо странам, где интеллектуальный подъем наиболее заметен, состоит в том, чтобы добиться понимания интеллектом важности духовности, пусть даже раньше, чем эта важность начнёт ощущаться, если вообще удастся завладеть вниманием этого проницательного, но неблагосклонного судьи. Однако любой, даже незначительный успех на этом поприще (чему, я надеюсь, будут способствовать и наши разъяснения) оправдывает позицию тех (составляющих меньшинство среди эзотерических опекунов человечества), кто посчитал, что эти усилия стоят затраченного времени.

Итак, нирвана является тем, что задаёт тон эзотерического буддизма, равно как и исследований доселе двигавшихся в неверном направлении посторонних учёных. Великая цель всей грандиозной эволюции человечества состоит в совершенствовании человеческих душ до такой степени, чтобы в конце концов они стали соответствовать этому пока что непостижимому состоянию. А великой победой нынешней расы планетных духов, уже достигших этого состояния, будет продвижение к этому как можно большего количества человеческих "я". Нам пока еще далеко до той эпохи, когда нам будет серьезно угрожать опасность оказаться полностью негодными для такого прогресса; однако великий процесс подготовки к этому решающему экзамену целесообразно начать уже сейчас, тем более, что карма, накапливающая плоды наших усилий, предпринимаемых в этом направлении на протяжении многих последовательных жизней, в нужный момент непременно воздаст нам, и в результате когда-нибудь в отдаленном будущем наше просвещённое следование самым высшим интересам совпадёт с обретением благополучия в периоде дэвачана и следующем воплощении.

Могут сказать, что если развитие духовности является той великой целью, к которой следует стремиться, то не так уж важно, будут ли люди двигаться к ней по одному религиозному пути или по иному. Это ошибка, с которой, как было показано в предыдущей главе, Будда, в своём воплощении Шанкарачарьей, особенно боролся — с тем верованием раннего индуизма, что мокша может быть достигнута путем бхакти, независимо от джняны, то есть что спасение может быть достигнуто путем набожности и преданного служения без постижения вечной истины. То спасение, о котором мы говорим, — не избежание наказания путем умиловливания небесного владыки; это позитивный, а не негативный результат:

вознесение в духовные области столь возвышенные, что претендент, стремящийся к проникновению в них, должен обладать тем, что мы назвали бы всеведением. Уже судя по тому, каким образом обычно действует природа, ясно, что никогда и ни при каких обстоятельствах, человек просто потому, что он был добр, не может внезапно стать мудрым. Высшая добродетель и *мудрость* человека шестого круга, который, раз став таковым, начинает постепенно приобретать божественные качества, может быть выращена тоже лишь постепенно, но одна только добродетель, нередко сопряженная, как известно, с самыми фантастическими религиозными верованиями, не в состоянии провести человека далее дэвачанических периодов благочестивого, но малоосмысленного восторга, и если подобные условия воспроизводить в течение многих существований, это в конечном счете может завершиться безболезненным исчезновением индивидуальности в период великого кризиса.

Не бездумное, хотя и благонамеренное, признание модных догм ближайшей церкви, а искреннее стремление и постоянный поиск настоящей духовной истины позволяют человеку вознести свою душу в субъектное состояние — душу, уже готовую впитывать истинное знание из латентного всеведения своего собственного шестого принципа, а затем в должное время воплотиться, неся в себе импульс в том же направлении. Ничто не оказывает более пагубного влияния на человеческое развитие в плане индивидуальной судьбы, чем весьма распространенное мнение, будто одна религия ничем не хуже любой другой, если только следовать ей в духе благочестия; и даже если те или иные религиозные учения представляются откровенно абсурдными, подавляющее большинство добрых людей всё равно не задумываются об этом и продолжают повторять их в непоколебимо преданном настроении ума. Одна религия никак не может быть равнозначна другой, даже если бы все религии приводили к равно безупречной жизни. Но я предпочту воздержаться от критического анализа отдельных вероучений, дабы эта книга могла остаться простым и никого не оскорбляющим изложением подлинных внутренних учений той мировой религии, которая, даже во внешних своих аспектах оставив за собой бескровную и невинную летопись, таким образом действительно давала безупречные биографии на протяжении всего своего существования. Более того, истинная духовность развивается не бездумным и раблепным принятием учений даже этой религии. Лишь стремление отыскать истину, изучая и проверяя все учения, призывающие поверить в них, позволяет достичь желаемого результата. На Востоке подобное стремление, подкрепленное непоколебимой решимостью, ведет к достижению состояния челы и вместе с этим — к приближению к истине и получению знаний путем развития внутренних способностей, которые только и позволят удостовериться в истинности знаний. На Западе, в царстве интеллекта, границы которого определяются историко-географической картиной современности, истина, к сожалению, может устанавливаться и познаваться только при помощи множества слов, споров и дискуссий. Но всё-таки за ней можно следовать, и даже не удастся схватить её, сам факт охоты за нею рождает в душе охотника соответствующую привычку, которая, укоренившись, не преминет принести в будущем свои плоды.

ВСЕЛЕННАЯ

Во всей восточной литературе, посвященной строению космоса, постоянно упоминаются о "дни и ночи Брахмы": вдохи и выдохи творческого принципа, периоды манвантары* и пралайи. Эта идея присутствует во многих восточных мифологиях, однако нам нет необходимости рассматривать сейчас её символические аспекты. Отраженный в ней процесс природы представляет собою поочередную смену периодов деятельности и отдыха, наблюдаемую на всех ступенях великого восхождения от бесконечно малого до бесконечно великого. Для человека манвантара и пралайи чередуются каждые двадцать четыре часа — это периоды сна и бодрствования. Растительная жизнь подчинена тому же самому закону, угасая и снова возрождаясь каждый год, в зависимости от времен года. Планета тоже имеет свои манвантары и пралайи, ибо волна человечества наплывает на её берега, проходит эволюционный путь через семь человеческих рас, а затем отступает. Большинство экзотерических религий считает одну такую манвантару целым циклом вечности.

---

* Ударение на второй слог. — *Прим. авт.*

Большая манвантара нашей планетной цепи — это та, которая завершается с переходом в нирвану последнего дхьян-чохана седьмого круга человечества, достигшего совершенства. Несложно заметить, что эта формулировка весьма растяжима. Можно даже сказать, что она бесконечно растяжима, и это отчасти объясняет, почему во всех трактатах, посвященных популярным аспектам восточных религий, царит такая путаница. Все ключевые понятия, перенесенные в общедоступную литературу из тайной доктрины, имеют для посвященного по меньшей мере семеричное значение, тогда как непосвященный читатель, естественно предполагая, что одно слово означает одну вещь, и всегда стараясь выяснить его значение путем сопоставления различных его применений, выводом среднее, в результате оказывается безнадежно сбив с толку.

Планетная цепь, к которой мы принадлежим, далеко не единственная, имеющая наше Солнце своим центром. Точно так же, как в нашей цепи есть другие планеты, помимо Земли, так и в нашей солнечной системе существуют иные планетные цепи, помимо нашей. Всего таких цепей семь, и наступает время, когда все они вместе погружаются в пралаю. Такая пралайя называется солнечной, а промежуток между двумя такими пралайями занимает солнечная манвантара, охватывающая, в свою очередь, семь пралайи и манвантар нашей планетной цепи, равно как и всех остальных. Даже адепты говорят, что мысль человеческая приходит в растерянность, когда обращается к вопросу о том, сколько солнечных пралайи должно миновать, прежде чем наступит великая космическая ночь, в которую погрузится, повинувшись всеобщему, универсальному закону чередования деятельности и отдыха, вся огромная вселенная. Однако даже эта огромная пралайя, как говорит эзотерическая наука, непременно должна наступить.

После пралайи одной отдельной планетной цепи нет необходимости начинать эволюционное продвижение с абсолютно чистого листа. Имеет место лишь возобновление ранее прерванной деятельности. Растительное и животное царства,

не полностью развившиеся к концу предыдущей манвантары, не уничтожаются. Их жизнь, или жизненная энергия, переживает ночь, или период отдыха; у них тоже есть, если можно так сказать, своя собственная нирвана, да и почему бы ей не быть у этих эмбриональных или детских существ? Все они, как и мы сами — порождения единого элемента. И как у нас есть свои дхьян-чоханы, так и у них, в их царствах, существуют свои элементальные охранители, которые заботятся о них всех так же, как дхьян-чоханы заботятся о человечестве в целом. Единый элемент не только заполняет собою космическое пространство, коим он сам и является, но и пронизывает каждый атом космической материи.

Но когда пробьёт час солнечной пралайи, хотя процесс человеческой эволюции в последнем, седьмом круге точно такой же, как и в предыдущих, каждая планета, после того, как ее покинет человек, уже не просто переходит из видимого состояния в невидимое, а уничтожается. С началом седьмого круга седьмой планетной цепи манвантары, когда каждое царство достигло своего последний цикл, на каждой из планет, после ухода с нее человека, остается одна лишь майа некогда живших и существовавших на ней форм. С каждой новой ступенью продвижения человека по нисходящей и восходящей дуге с одной планеты на другую оставленная им планета уподобляется пустой оболочке, кокону, покинутому бабочкой. Вместе с уходом человека происходит и отток из всех царств населяющих планету существ. В ожидании перехода в более высокие формы они пока свободны и будут отдыхать в своем летаргическом сне в пространстве до тех пор, пока вернутся к жизни уже в новой солнечной манвантаре. Прежние элементалы будут отдыхать до тех пор, пока не будут призваны стать, в свою очередь, телами минеральных, растительных и животных существ в следующей, более высокой планетной цепи, ожидающей их на пути к превращению в людей; а эмбриональные сущности низших форм, коих останется к тому времени совсем немного, повиснут в пространстве, подобно каплям воды, внезапно превратившимся в ледышки. Но они оттают от первого же горячего дыхания новой солнечной манвантары, чтобы составить душу будущих планет. Медленное развитие растительного царства до той стадии, о которой мы ведем речь, становится возможным благодаря более длительному межпланетному отдыху человека. Когда наступает солнечная пралайя, всё очистившееся человечество погружается в нирвану, дабы потом возродиться из этой межсолнечной нирваны в более возвышенных системах. Цепочки миров разрушаются и исчезают, подобно теням на стене, на которую перестал падать свет. "По всем признакам, — говорят адепты, — именно в этот момент наступает солнечная пралайя, хотя есть еще две меньшие пралайи, которые завершаются в другое время".

В начале новой солнечной манвантары бывшие прежде в субъектном состоянии элементы материальных миров рассеиваются в виде космической пыли, после чего, получив необходимый импульс от новых дхьян-чоханов новой солнечной системы (высшие из дхьян-чоханов прежних систем уже продвинулись еще выше), порождают первичные волны жизни и, дифференцируясь на всё более разделяющиеся и различающиеся центры деятельности, образуют семиступенную лестницу эволюции. Подобно всем прочим небесным телам, наша Земля должна пройти через гамму семи уровней плотности, прежде чем достигнет конечной

степени материальности. Ничто в нашем мире в настоящее время не может дать представления о том, на что похожа эта конечная стадия материальности. Правда, французский астроном Фламарион в своей книге "La Resurrection et la Fin des Mondes" все-таки смог приблизиться к пониманию этой конечной материальности, и его предположения, за исключением некоторых моментов, как мне сказали, весьма схожи с реальным положением вещей. Вследствие того, что он называет вековым охлаждением (хотя правильнее было бы назвать это старостью и утратой жизненной силы), процесс отвердевания и усыхания Земли достигнет в конце концов той точки, когда вся планета превратится в пассивную, безжизненную массу. Её детородный возраст миновал, её потомство уже полностью вскормлено, её срок жизни подошел к концу. Поэтому составляющая планету материя перестает подчиняться законам сцепления и соединения, заставлявшим ее быть единой компактной массой. Она уподобляется трупу, который, не имея более сил сопротивляться разрушительным процессам, вынужден позволить составляющим его молекулам отделяться от тела и переходить во власть иных сил и влияний. К. Фламарион предполагает, что "притяжение Луны призвано сыграть роль разрушителя, создающего приливные волны, которые будут притягивать уже не океанскую воду, как это бывает во время приливов, а частицы Земли". Последняя идея не поддерживается оккультной наукой; она только иллюстрирует процесс исчезновения сил молекулярного сцепления земной материи.

Оккультная физика решительно переходит в область метафизики, где только и можно отыскать объяснение того, как возобновляется эволюция после вселенской пралайи.

Единственной вечной и непреходящей вещью во вселенной, которую обходит стороною, не разрушая, даже вселенская пралайя, является то, что можно назвать сразу пространством, временем, материей и движением. Это не есть нечто, обладающее всеми этими четырьмя качествами; это есть то, что само *является* этими качествами зараз и всегда. Эволюция начинается в полярности атомов, порождающей движение. В космогонии положительные и отрицательные, или активные и пассивные, силы соответствуют мужскому и женскому началам. Духовный поток входит в завесу космической материи, активный принцип притягивается пассивным. Если это может в какой-то мере помочь воображению, вспомните древний оккультный символ — великого Нага, змея, символизирующего вечность, заглатывающего свой собственный хвост и образующего таким образом круг этой самой вечности или, вернее, её циклы в вечности. Главное и единственным свойство вселенского духовного принципа, бессознательного, но вечно активно жизнедателя — распространяться и излучать; а основное качество вселенского материального принципа — собирать и плодоносить. Бессознательные и не существующие по отдельности, они становятся сознанием и жизнью, когда сходятся вместе. Слово Брахма происходит от санскритского корня *брих* — "распространяться, расти или плодоносить"; следовательно, эзотерическая космогония сводится к распространяющейся животворящей силе природы в её вечной эволюции. Ни один речевой оборот не внес столько путаницы в человеческий разум, занятый размышлениями об изначальном происхождении вещей, как слово "творение". Говоря о творении, мы тем самым постоянно противоречим фактам. Но стоит нам только осознать, что

наша планета и мы сами являемся "творениями" не в большей степени, чем какой-нибудь айсберг, то есть всего лишь временные состояния бытия, а наш нынешний облик, геологический или антропологический, — это всего лишь преходящее состояние, соответствующее той ступени эволюции, которой мы достигли, — и мы встанем на путь верных рассуждений. Тогда мы сможем увидеть, что подразумевается под единым и единственным началом, или элементом во вселенной, под определением этого элемента как андрогинного, а также что стоит за утверждением индусской философии, согласно которому все вещи суть всего лишь майа — преходящие состояния, за исключением единого элемента, отдыхающего только во время маха-пралай — ночей Брахмы.

Пожалуй, мы уже достаточно углубились в бездну тайны великой Первопричины. Нет ничего парадоксального в том, что просто в силу своего невежества заурядные богословы думают, что много знают о Боге. И не будет преувеличением сказать, что даже те феноменально одаренные знатоки оккультной науки, смертная природа которых столь очищена и возвышенна, что их восприятия способны достигать иных миров и иных состояний существования и непосредственно общаться с существами, настолько же превосходящими в развитии основную массу людей, насколько человек превосходит полевых насекомых, — даже они предпочитают не оперировать какой-либо концепцией, хотя бы отдаленно напоминающей Бога церквей и теологов. Каждый смертный адепт знает о том, что в пределах Солнечной Системы за всё отвечает закон, воздействующий на материю во всех её многочисленных формах, плюс направляющее и преобразующее влияние высших разумов нашей Солнечной Системы — дхьян-чоханов, представителей человечества, достигшего совершенства в предыдущей манвантаре. Эти дхьян-чоханы, или планетные духи, о природе которых почти бесполезно размышлять, не осознав по крайней мере природы своего собственного бытия в развоплощенном состоянии, придают пробуждающимся мирам в конце пралайи планетной цепи такие импульсы, которые продолжают ощущаться на протяжении всего периода эволюции. И только рамки великого закона природы ограничивают их действие. Например, они не могут приказать, чтобы всё мировое пространство сделалось раем, а все люди от рождения были мудрыми и добродетельными. Они могут работать лишь через принцип эволюции, а потому не в состоянии отнять у какого бы то ни было человека, обладающего потенциальной возможностью развиться до дхьян-чохана, его право творить зло, если он предпочитает его добру. И если зло совершено, то не в их власти предотвратить производимое им страдание. Вещественная жизнь есть почва, в которую посажены семена жизни, а духовное существование (необходимо помнить, что это определение используется просто как противопоставление грубому материальному существованию) — это цветок, который в конечном счете должен из них получиться. Однако зародыш человека есть нечто большее, нежели цветочное зернышко: у него есть свобода выбора расти вверх или же вниз, так как без этой свободы человеческое растение не смогло бы развиваться. Отсюда и неизбежность зла. Однако в пределах, устанавливаемых логической необходимостью, дхьян-чохан впечатляет эволюционную волну своими идеями и понимает происхождение всего, что наблюдает.

Чем больше мы размышляем о величии циклической эволюции, изучением которой таким образом занимается эзотерическая наука, тем более разумным нам представляется отложить на потом рассмотрение причин происхождения всего космоса. Обычному человеку, который живет своей земною жизнью и которому предстоит прожить еще немало, возможно, сотни таких жизней, равно как и сотни еще более важных периодов между воплощениями (более важных с точки зрения продолжительности и перспектив заслуженного счастья или страданий), непременно было бы разумнее заняться изучением вопросов, имеющих практическое значение, а не рассуждениями, представляющими для него исключительно отвлеченный интерес. Разумеется, с точки зрения религиозного мышления, не располагающего никакими позитивными знаниями о том, что выходит за пределы нашей земной жизни, нет ничего важнее и практичнее, нежели рассуждать о предположительных качествах и возможных намерениях грозного личностного Иеговы, изображаемого обычно в образе всемогущего судии, пред очами которого предстает душа умершего, чтобы выслушать свой приговор. Однако научное знание духовных вещей отодвигает наступление судного дня на неопределенно далекий срок, заполняя оставшееся до него время самой разнообразной деятельностью. Более того, это знание убеждает нас в том, что еще миллионы и миллионы столетий человечеству не придется встречаться ни с какими судьями, кроме одного вездесущего судии — Седьмого Принципа, или Вселенского Духа, существующего везде и своим воздействием на материю вызывающего к жизни как самого человека, так и весь мир, в котором он живет, и те будущие состояния, в направлении которых он эволюционирует. Седьмой Принцип, не поддающийся определению и непостижимый для нас на нашем нынешнем этапе просветления, — это конечно же и есть единственный Бог, признаваемый эзотерическим знанием, и никакие его персонификации, за исключением символических, не допустимы.

И всё же, эзотерическое знание, которое придаёт древнему символизму жизнь и реальность так же часто, как и входит в противоречие с современными догмами, показывает, насколько даже самые антропоморфные представления о Божестве, связываемые в экзотерических традициях с сотворением мира, далеки от того, чтобы быть полностью вымышленными. Прототипом личного божества во всех последующих модификациях этого представления был планетный дух, действительно воплощавшийся среди людей в первом круге. Однако эта ошибка, которую делают несведущие люди в связи с этой идеей, касается просто масштабов — личностный бог малозначительной малой манвантары принимается ими за творца всего космоса. Для людей, которые не знают о человеческой судьбе ничего сверх того, что находится в пределах одного вещественного воплощения, это вполне естественная ошибка — полагать, что всё, что сверх этой жизни, есть однородное духовное будущее. Бог этой жизни становится для них Богом всех жизней, миров и периодов.

Надеюсь, читатель не поймёт меня превратно, т.е. в том смысле, что что эзотерическая наука считает планетного духа первого круга богом. Как я уже говорил, она изучает деятельность природы на всём громадном протяжении от неизмеримо далекого прошлого до такого же необозримого будущего. Те огромные области времени и пространства, в которых действует наша солнечная

система, *доступны* изучению смертных адептов эзотерической науки. Они знают обо всём, что и как происходит в этих пределах, и знают, что на всё можно объяснить действием коллективной созидательной воли сонма планетных духов, действующих согласно закону эволюции, которому следует вся природа. Адепты общаются с этими планетными духами и узнают от них о том, что закон нашей Солнечной Системы справедлив и действителен также и для других систем, в которые способно проникать восприятие планетных духов так же, как восприятие адептов способно проникать в жизнь других планет нашей цепи. Закон чередования деятельности и отдыха действует повсеместно, и потому во всём безграничном космосе пралайя должна следовать за манвантарой, а манвантара — за пралаей, пусть даже через немыслимо долгие промежутки времени.

Кто-то, возможно, спросит: какова же цель всей этой вечной последовательности? Ответить на это проще, если ограничиться только одной солнечной системой и сформулировать этот вопрос следующим образом: с какой целью первоначальная туманность преобразуется в планетные вихри эволюции и создает миры, в которых вселенский дух, вибрируя в материи, рождает форму и жизнь и те более высокие состояния материи, в которых имеет место то, что мы называем субъектными, или духовными состояниями бытия. Полагаю, всякий рассудительный ум будет удовлетворен, если мы скажем, что всё это нужно для того, чтобы могли появиться и жить осознанной жизнью, наполненной величайшим знанием и блаженством, такие совершенные существа как планетные духи, причём на протяжении столь долгих периодов времени, что в нашем представлении они равносильны вечности. И этого непостижимого величия в конечном счёте имеет возможность достичь всякое живое существо. Дух, присутствующий в каждой одушевленной форме (которой он, в свою очередь, достигает в результате эволюционного восхождения от иных форм, именуемых нами, вследствие укоренившейся привычки, неодушевленными), продолжает медленно, но верно продвигаться вперед — до тех пор, пока его неутомимое воздействие на материю не разовьёт человеческую душу.

Из этого вовсе не следует, что окружающие нас растения и животные уже развили в себе некий принцип, который уже в ходе нынешней манвантары сможет принять человеческую форму. Однако даже если ход эволюции прерывается естественным периодом покоя, это не означает, что развитие так и останется незавершенным. В конце концов каждая духовная монада, сама по себе являющаяся безгрешным и бессознательным принципом, пройдет через сознательные формы низших ступеней, отбрасывая одну за другой всё более высокие формы, пока не создаст такую, в которой сможет в полной мере проявиться богоподобное сознание. И конечно же, величественность любых человеческих представлений о том, каким может быть разумный смысл существования вселенной, не делает такую цель недостаточной, даже если конечное предназначение самого планетарного духа и состоит в том, чтобы после периодов, по отношению к которым его развитие из минеральных форм первичных миров — всё равно что детство, — слить свою достигшую великолепия индивидуальность с совокупностью всего сознания (которую эзотерическая метафизика трактует как абсолютное сознание, которое есть не-сознание). Эти парадоксальные утверждения — лишь метки, указывающие

на идеи, для человеческого ума непостижимые, так что рассуждать о них — только тратить время.

Однако все эти рассуждения дают ключ к пониманию эзотерического буддизма, который есть более прямой потомок универсальной эзотерической доктрины, нежели все прочие массовые религии, поскольку создавался он для того, чтобы научить людей любить добродетель ради неё самой, а также ради того благотворного воздействия, которое она оказывает на будущие воплощения, а не чтобы держать людей в подчинении какой-либо жреческой системы или догмы, нагоняя на них страх фантастическими историями о персонифицированном судие, ожидающем их, чтобы мучить после смерти дольше, чем длилась их жизнь. Мистер Лилли, несмотря на благородство своих намерений и явную симпатию к прекрасной нравственности и возвышенным устремлениям буддизма, ошибается, усматривая в его храмовом ритуале присутствие концепции личного Бога. В великом эзотерическом учении о природе, несовершенный набросок которого даёт наша книга, такой концепции нет. Адепт, излагающий эзотерическую доктрину, не может допустить агностического подхода, даже когда речь идет о самых отдаленных от нашей планетной системы областях. Ему недостаточно просто сказать: "В пределах досягаемости возвышенных чувств планетных духов, в пределах, доступных их зрению, — а их познания распространяются до самых дальних рубежей звездного небосвода, — природа остается самодостаточной; что же касается ещё более отдаленных горизонтов, то тут мы не можем пока предложить никаких гипотез". Скорее всего, адепт скажет по этому поводу следующее: "Вселенная бесконечна, и было бы насмешкой над здравым смыслом выдвигать гипотезы, помещающие что-либо за пределами бесконечности, лежащее по ту сторону пределов беспредельности".

То, что предшествует всем проявлениям вселенной и должно бы лежать за пределами проявления (если эти пределы вообще можно найти), есть то, что лежит в основе проявленной вселенной, доступной нашему кругозору, то есть материи, оживляемой движением, — её Парабрахман, или дух. Материя, пространство, движение и продолжительность составляют единую и вечную субстанцию вселенной. И нет больше ничего, что было бы абсолютно вечным. Это — первое состояние материи, само по себе совершенно недоступное физическим чувствам, которые могут иметь дело только с качественно иным ее состоянием — проявленным. И хотя такая трактовка в некотором смысле материалистична, читатель, уже знакомый с нашими предыдущими комментариями, наверняка заметит, что эзотерическое учение так же далеко от того примитивного и ограниченного взгляда на природу, который обычно ассоциируется в нашем понимании с материализмом, как северный полюс далек от южного. Оно спускается к материализму лишь для того, чтобы соединить свои методы с его логикой, после чего восходит к высшим царствам идеализма, дабы воспринять и изложить наиболее утончённые возвышенные и устремления Духа. И не будет слишком частым повторение утверждения: это учение представляет собою синтез науки и религии — тот мост, по которому самый дотошный и осторожный искатель экспериментального знания может достичь противоположного берега, встретившись там с верующим энтузиастом, а самый ревностный верующий может вернуться снова на землю, всё же имея с собой Небеса.

Глава XII

ОБЗОР УЧЕНИЯ

Только длительное знакомство с эзотерической доктриной позволяет убедиться, насколько она гармонирует со всеми фактами природы, которые мы в состоянии наблюдать. Однако уже теперь можно проследить некоторые соответствия между изложенными в этой книге учениями и явлениями окружающего нас мира.

Начав с двух наиболее значительных затруднений обыкновенной философии, каковыми являются конфликт между свободной волей и предопределенностью и происхождение зла, мы непременно увидим, что изложенная здесь система природы позволяет нам подходить к решению этих проблем гораздо смелее, чем это делалось до сих пор. Вплоть до настоящего времени весьма осмотрительные мыслители совершенно не дерзали предполагать, что загадка свободной воли и предопределения может быть решена при помощи метафизики или религии. Европейское мышление было склонно целиком относить эту проблему к сфере непознаваемого. И, как ни странно, это удовлетворяло людей, склонных оценивать религиозные учения как нечто большее, нежели просто временные гипотезы, невзирая на их явную несовместимость с некоторыми выводами, которые совершенно очевидно следовали из них самих. Всеведение личностного Творца, охватывающее как будущее, так и прошлое, не оставляло человеку места для независимой власти над своей судьбой, несмотря на то, что такая власть ему абсолютно необходима хотя бы для того, чтобы политика вознаграждения и наказания за совершённые им при жизни поступки могла стать чем-то большим, нежели просто вопиющей несправедливостью. Один знаменитый английский философ, смело взявшийся за рассмотрение этой проблемы, заявил в одном из своих посмертно опубликованных очерков, что логические рассуждения неизбежно приводят к тому, что Бог не может быть всеблагим *и* всемогущим одновременно. Люди вольны наделять его последовательно либо тем, либо другим из этих качеств, но никогда — обоими вместе. Данный вывод был воспринят с надлежащим уважением благодаря огромному авторитету его автора, но затем благоразумно отложен в сторону из уважения к ортодоксальным догматам.

В этом затруднительном положении на помощь к нам приходит эзотерическая доктрина. Прежде всего, она честно оценивает незначительность нашего мира по сравнению со всей вселенной. Этого факта природы ранняя христианская церковь инстинктивно боялась и боролась с ним с такой жестокостью, которая могла быть вызвана только страхом. Истина была отвергнута, а провозглашавших подвергали пыткам на протяжении многих столетий. Но когда эта истина, даже вопреки папским запретам, все-таки получила признание, церковь прибегла к последнему, "отчаянному средству" (по выражению мистера Риса Дэвидса), притворившись, будто данный факт не имеет никакого значения.

До сих пор это притворство имело успех, превосходивший самые радужные надежды его изобретателей. Испытывая ужас перед астрономическими открытиями, они приписывали миру в целом настолько беспощадную логику, что

мир, как выяснилось со временем, совершенно не был склонен ее принять. Оказалось, что люди захотели делать как раз то, чего, как я уже говорил, эзотерический буддизм предписывает нам не делать: отделять науку от религии и держать их порознь, в обособленных, водонепроницаемых емкостях. Этот принцип применялся так долго и настойчиво, что в конечном счете перестал восприниматься как довод в пользу несостоятельности религиозной догмы и ее несовместимости с реальностью. Но стоит нам только восстановить связь между искусственно разделенными емкостями и поставить их на один уровень друг с другом, как мы тут же заметим, что уменьшение значения Земли в масштабах вселенной влечет за собою пропорциональное уменьшение убедительности теорий, заставляющих нас считать все события своих жизней частью общего замысла, рожденного всеведением Творца вселенной. Напротив, представляется маловероятным, что существа, населяющие одну из небольших планет, которая вращается вокруг одного из небольших солнц в океане вселенной, сравнимого с одной из капель воды в океане, могут быть свободны от универсального принципа всеобщего подчинения закону. Но этот принцип не может сосуществовать с управлением по произволу, которое есть существенное условие такого предопределения, как оно понимается в теологических дискуссиях. Следует отметить, что предопределение, вступающее в конфликт со свободной волей, это не предназначение рас, а индивидуальная предопределенность, связываемая с идеей божественной милости или гнева. Предопределение расы, подчиненное законам, аналогичным тем, которые определяют основные тенденции развития каких угодно множеств независимых случайностей, ничем не противоречит индивидуальной свободной воле; таким образом эзотерическая доктрина устраняет уже давно замеченное противоречие, якобы существующее в природе. Человек сам является хозяином своей судьбы, но, если так можно сказать, в конституционных рамках. Он волен использовать по своему усмотрению права и возможности, дарованные ему природой, а они практически неисчерпаемы, когда это касается индивидуальности. Но в среднем действия человека при данных условиях, будучи помноженными на общую численность единиц, создают закономерную и целенаправленную картину циклической эволюции, которая как раз и является коллективной человеческой судьбой.

Верно, что можно говорить и об индивидуальном предопределении, но не с точки зрения религиозной догмы, то есть как о результате божьей милости или гнева, а на чисто метафизических основаниях. То есть могут утверждать, что каждое человеческое существо с детства фундаментально подвержено влияниям тех или иных конкретных обстоятельств и что взрослая жизнь является всего лишь продуктом или отпечатком этих влияний, с самого начала формировавших личность человека; следовательно, если знать все эти обстоятельства, то можно заранее предсказать как нравственный, так и интеллектуальный результат. Согласно данной логической цепочке всё может выглядеть так, что обстоятельства каждой человеческой жизни теоретически могут быть заранее предугаданы достаточно проникательным разумом и что наследственные влияния, являясь ничем иным, как плодами еще более ранних, предшествующих обстоятельств, также могут быть включены в общую схему вычислений как дополнительная переменная величина, вполне поддающаяся определению. Однако такая точка зрения входит в не меньшее противоречие с сознательностью, присущей человеку,

чем религиозная догма об индивидуальном предопределении. Сознание свободы собственной воли — это фактор, который невозможно игнорировать, и та свободная воля, которую мы ощущаем, совсем не похожа на примитивную автоматическую реакцию, сравнимую с рефлекторным подергиванием лапки дохлой лягушки. И заурядная религиозная догма, и рядовая метафизическая аргументация требуют рассматривать свободу воли лишь в таком свете, однако эзотерическая доктрина возвращает ей её подлинное достоинство и показывает диапазон её деятельности и пределы её власти и независимости. Воля властна направлять индивидуальную судьбу, но бессильна перед лицом циклического закона, действие которого в человеческой истории обнаруживает даже такой философ-позитивист, как Дрэйпер, невзирая на краткость исторического периода, доступного его рассмотрению. И тем не менее эта ловушка, подобная зыбучим пескам, которую Дж. С. Милл сумел разглядеть за нагромождением теологических противоречий, — великий вопрос, допустимо ли умозрительно работать с гипотезой "всеблаготворного" и "всемогущего", — находит объяснение в раскрываемой здесь системе. Великие совершенные существа, цвет предыдущего человечества, хотя и далекие от того, чтобы составлять собою всевышнего Бога, которые тем не менее, подобно божествам, вершат судьбы нашего мира, не только не являются всемогущими, но и ограничены в своей деятельности довольно узкими рамками. По всей видимости в то время, когда сцена, так сказать, заново готовится к возобновлению великой драмы жизни, они имеют возможность внести в процесс некоторые улучшения, исходя из собственного опыта, накопленного за время предыдущего представления, однако в том, что касается общего плана пьесы, они могут лишь повторить прежнюю постановку. Они, в своём большем масштабе, могут делать то, что в меньшем масштабе делает выращивающий георгины садовник: он может добиться значительного улучшения формы и цвета, но, как бы тщательно он ни ухаживал, его цветы так и останутся георгинами.

Задаёшься вопросом: неужели то, что природные аналогии, куда ни глянь, поддерживают эзотерическую доктрину, никак не способствует её принятию? "Как наверху — так и внизу", — писали древние оккультные философы; то есть в микрокосме отражён макрокосм. Вся доступная нашему физическому созерцанию природа подтверждает это правило, если, конечно, можно говорить о полномасштабном проявлении каких-то принципов в столь ограниченной области. Строение низших животных воспроизводится, с некоторыми изменениями и усовершенствованиями, в высших животных и в самом человеке. Тонкие прожилки листочка разветвляются подобно веткам самого дерева, на котором он растёт, а использование микроскопа показывает, что аналогичное разветвление продолжается и в масштабе, уже недоступном невооруженному глазу. Перемешанные с грязью потоки струящейся в придорожной канаве дождевой воды оставляют в образуемых ими лужах "осадочные породы" точно так же, как это делают реки на дне озёр или безбрежные воды мирового океана. Геологическая деятельность пруда и океана отличается только масштабом; и когда эзотерическая доктрина описывает воздействие возвышенных законов природы на человека и на всю планетную семью, различие здесь наблюдается тоже только в масштабах проявления. Как дети в каждом человеческом поколении нуждаются в заботе родителей, чтобы потом, став взрослыми, в свою очередь опекать новое поколение детей, так и каждое великое манвантарическое поколение человечества, вырастая

в дхьян-чоханов, заботится о благополучном развитии своих наследников, дабы потом уступить им свое место, а самим перейти в ещё более высокие состояния существования.

Не менее уверенно, чем на вопрос о свободе воли, эзотерическая доктрина отвечает на вопрос о существовании зла. Эта тема была рассмотрена в главе "Прогресс человечества". Однако эзотерическая доктрина, как будет показано ниже, рассматривает великую загадку происхождения зла гораздо более подробно, нежели иные учения, не ограничиваясь просто провозглашением гипотезы, в соответствии с которой человеческая воля, самую природой призванная вырасти и возвыситься до состояния дхьян-чохана, свободна тем не менее творить зло, когда ей того хочется. Такова общая характеристика действующего в природе принципа; но не менее детально, чем сам принцип, настоящее учение прослеживает также механизм и способы его действия. Он проявляется через физическую карму и не может действовать не через неё, если только не отменить неизменный закон, согласно которому причины не может не производить следствий. Объектный человек, рожденный в физическом мире, в той же мере является порождением своей предыдущей личности, что и субъектный человек, коим он был в промежуточный период, проведенный в состоянии дэвачана. Зло, творимое человеком, продолжает жить после него в более буквальном смысле, даже чем тот, который вкладывал в эту фразу Шекспир. Могут спросить, как моральная провинность человека, допущенная им в одной жизни, может заставить его родиться слепым или увечным в совершенно иной период мировой истории, несколько тысяч лет спустя, у родителей, с которыми он не имел в своем прежнем земном существовании никаких физических контактов? Однако если учесть действие сродств, с этим затруднением можно разобраться легче, чем это могло показаться на первый взгляд. Слепой или увечный (в том, что касается физической оболочки) ребенок может рассматриваться скорее как потенциальная возможность, нежели как результат воздействия местных обстоятельств. Он никогда не смог бы появиться на свет, если бы не духовная монада, снова стремящаяся к воплощению и несущая с собою пятый принцип (вернее, ту его часть, которая переходит из одного воплощения в другое), точно приспособленный его кармой к существованию в том или ином потенциальном теле. И если этот принцип включает в себе серьезный дефект, то вполне может случиться так, что будет зачат и рожден на свет неправильно сформированный ребенок, дабы стать причиной несчастий для себя самого и для окружающих его людей (следствие в свою очередь становящееся причиной), а также живой загадкой для философов, пытающихся объяснить причину существования зла.

Это же объяснение, с небольшими видоизменениями, подходит для огромного множества случаев, которые мы могли бы привести в качестве иллюстрации к проблеме существования зла в мире. Более того, оно в какой-то мере охватывает и вопрос, связанный с действием кармического закона, который едва ли можно назвать слишком сложным, так как ответ на него содержится в самом учении. Тем не менее, он заслуживает упоминания. Соединение отягощенных кармой духов с наследственной линией, которая соответствует их потребностям или заслугам, служит тем очевидным объяснением, которое примиряет факт перевоплощения с атавизмами и наследственностью. Нам нередко кажется, что в появившемся на

свет ребенку наряду с чертами физического облика воспроизводятся и некоторые нравственные и умственные особенности его родителей или более отдаленных предков; и этот факт наводит на мысль о том, что его душа — в такой же мере порождение и ответвление семейного древа, как и его физическая оболочка. Нет нужды подробно останавливаться на всех многочисленных затруднениях и странностях, которые вызывает и заключает в себе теория, согласно которой душа, подобная искре, случайно отскочившей от наковальни, не имеет за собою никакого духовного прошлого, но тем не менее рассчитывает на нескончаемое духовное будущее. Ведь если душа — просто функция тела, то и исчезать она должна вместе с его распадом. Однако эзотерическое учение дает исчерпывающее объяснение феномена наследственной передачи признаков и качеств, равно как и всех прочих явлений, связанных с человеческой жизнью. Семья, в которой рождается перевоплощающийся дух, является для него тем же, чем является новая планета для всей волны человечества, движущейся по кругу вдоль манвантарической цепи. Эта планета создается эволюционным процессом, идущим в направлении, поперечном траектории продвижения человечества; однако она подходит для человечества, которое в должное время может населить её. Точно так же бывает, когда перевоплощающийся дух начинает стремиться в предметный мир: все влияния, удерживавшие его в состоянии дэвачана, уже исчерпаны; коснувшись, так сказать, источника природы, его дыхание стимулирует развитие ребенка, который, не будь этого импульса, так и остался бы лишь потенциально возможным и никогда не стал бы реальным. Но в линии наследственности семьи дух находит — конечно же, бессознательно, только в силу слепого действия сродств, — именно те условия новой жизни, к которым он подготовил себя в прошлой. Разумеется, мы не должны забывать об исключениях, присутствующих в каждом из общих законов природы. Например, в рассматриваемом нами случае может случиться так, что ребенку будет нанесена при родах случайная травма, и тогда искалеченная оболочка может достаться духу, карма которого ни в коей мере не заслуживает такого наказания. И вариантов таких случайностей может быть бесконечно много. Но всё что об этом можно сказать — природу эти случайности нимало не смущают, ибо у нее предостаточно времени для того, чтобы их исправить. Незаслуженные страдания, перенесенные в одной из жизней, будут обильно возмещены в следующей (или в следующей за следующей). Для восстановления справедливости у природы масса времени, и адепты, насколько мне это известно, утверждают, что незаслуженные страдания рано или поздно компенсируются, как правило, удачей. Таким образом, на основании строго научных наблюдений и анализа фактов, мы выстраиваем ту самую доктрину, которую религии иногда приходилось просто великодушно измыслить ради утешения страждущих.

Предлагая самые неожиданные решения наиболее сложных явлений жизни, эзотерическая доктрина тем не менее не жертвует ни одним из направлений, коих мы вправе требовать от подлинно религиозной науки. И одно из важнейших условий, которые мы можем предъявить системе подобного рода, состоит в том, чтобы в ней не было места несправедливости — как в плане причинения незаслуженного вреда, так и в плане дарования незаслуженных милостей, а действующая справедливость проявлялась бы как в великих вещах, так и в малых. Юридический принцип "de minimis non curat lex" (закон мелочами не занимается)

предоставляет человеческой греховности и слабости шанс избежать последствий своих несовершенств. Но в химии или механике нет места пренебрежению даже самыми малыми величинами. В физических процессах природа с точностью реагирует как на большие, так и на малые воздействия; и потому мы можем инстинктивно догадываться, что и в своих духовных действиях она не имеет бестактной привычки относиться к мелочам как к чему-то не имеющему последствий или забывать об уплате мелких долгов, помышляя лишь о крупных, подобно не слишком щепетильному торговцу, который беспокоится о выполнении лишь самых серьезных своих обязательств, пренебрежение коими может быть чревато для него судебным разбирательством. Малозначительные поступки, как добрые, так и дурные, игнорируются теми системами, с точки зрения которых окончательное решение будущей человеческой судьбы состоит в том, будет или не будет даровано человеку право присоединиться к однородному (или почти однородному) — общему для всех, кто был признан праведником, — состоянию блаженства. В том, что касается заслуг или провинностей, связанных исключительно с духовными последствиями, точное воздаяние природа может обеспечить лишь средствами того имеющего бесконечные градации духовного состояния, которое эзотерическая доктрина называет дэвачаном. Но сложности, с которыми тут приходится иметь дело, превосходят даже то разнообразие, которое могут предоставить возможности дэвачанического существования. Никакая система воздаяний, ожидающих человечество по завершении земного существования, не может быть признана научно приспособленной ко всем чрезвычайным обстоятельствам, если не отвечает требованиям справедливости по отношению ко всем разнообразным действиям и привычкам, включая и те, что связаны сугубо с физическим существованием и не имеют ярко выраженной нравственной окраски.

Невозможно представить, чтобы кроме как через возвращение в физическое существование люди могли получить в точности урожай от всех мельчайших причин, зарождаемых ими, когда они прошлый раз жили вещественной жизнью. Таким образом, обстоятельное изучение вопроса приводит нас к выводу, что кармический закон, в своей эзотерической форме столь непривлекательный для изучающих буддизм, не только ничем не противоречит чувству справедливости, но и является единственным вообразимым способом действия природы, который соответствовал бы данному требованию. Если раз осознать, что непрерывающаяся индивидуальность проходит через всю цепочку последовательных кармических перевоплощений, а также помнить, что эти перевоплощения перемежаются с цепью духовных существований, то становится очевидной изысканная симметрия всей системы, ничуть не омрачаемая обстоятельством, которое, на первый критический взгляд, представляется ее слабым местом, а именно — периодическим погружением в воды забвения, обязательным для каждого перевоплощающегося духа. Напротив, в действительности это забвение является единственным условием, без которого вещественное существование оказалось бы нельзя начать на свежую голову. Лишь очень немногие земные жизни полностью свободны от теней прошлых существований, воспоминание о которых омрачило бы новую жизненную долю. И если кто-то полагает, что изглаживание из памяти воспоминаний о каждой прожитой жизни подразумевает исчезновение всего ранее накопленного опыта, всех усилий и всех умственных достижений, добытых с

большими трудами, то он упустил из виду дэвачан, в котором накопленный опыт и достижения вовсе не пропадают, а превращаются в зерна, коим предстоит стать частью будущего великого урожая духовных плодов. И чем дольше в нашем уме присутствует эзотерическая доктрина, тем легче увидеть в ней ответ на любое выдвигаемое против нее возражение, которое выглядит таковым лишь с точки зрения несовершенного знания.

Перейдя от чисто абстрактных соображений к другим, отчасти переплетающимся с практическими моментами, мы можем соотнести эзотерическое учение с доступными нашему восприятию фактами природы, чтобы прямо проверить его утверждения. Ведь духовная наука, прозревшая абсолютную истину, не должна входить в противоречие с земными фактами, когда бы она ни касалась земного. Религиозные догмы, невзирая на вопиющее несоответствие многим очевиднейшим истинам в области геологии и астрономии, могут быть лелеемы церквями и паствой, но серьезного философского рассмотрения не заслуживают. Но как же согласуется с данными геологии и астрономии эзотерическая доктрина?

Не будет преувеличением сказать, что она является единственной религиозной системой, которая легко сочетается с физическими истинами, открытыми современными исследованиями в этих областях науки. Она не только способна мирно сосуществовать, в смысле взаимной терпимости, с гипотезами о туманностях и геологических пластах, но сама, так сказать, бросается в объятия этих фактов, поскольку в них нуждается. Ей трудно было бы доказать свою правоту без великих открытий современной биологии. И, как система, являющая себя миру в век науки, она едва ли может обойтись без новейших достижений физической географии.

Чередование геологических пластов земной коры, разумеется, служит зримым и очевидным свидетельством катаклизмов, имевших место при смене рас. Физическая наука достаточно быстро освобождается от робости, вошедшей в привычку за пятнадцать столетий жестоких преследований со стороны религиозных фанатиков; однако когда дело касается религиозных догм, она по-прежнему старается вести себя очень скромно — просто по привычке. Так, геология уже вполне готова заявить о том, что земная суша неоднократно оказывалась под водою, а затем поднималась над поверхностью океана, ибо об этом свидетельствует геологическое строение самих континентов и их шельфов. Однако она до сих пор не привыкла свободно оперировать накопленным материалом и делать заключения, которые вторгались бы на территорию религии. И всё-таки мы уверены в том, что если бы геология потрудилась систематизировать все известные ей факты, составив нечто вроде последовательной истории Земли, где неизбежные пробелы в познаниях были бы заполнены гипотезами, которые эта наука считает наиболее правдоподобными, то история, составленная ею для человечества, оказалась бы в общих чертах сходной с той, что набросана в одной из предшествующих глав данной книги, посвященной великим мировым периодам. И, как уверяют наши эзотерические учителя, чем далее продвигается развитие геологической науки, тем очевиднее становится истинность их учений, подтверждаемая все новыми окаменелыми свидетельствами минувших эпох. Эксперты с "Челленджера" уже дают подтверждения существования Атлантиды, хотя данная тема принадлежит к числу

проблем, мало привлекательных для научного мира в целом, и выводы в пользу существования исчезнувшего континента едва ли могут рассчитывать на широкое признание. Вдумчивые геологи уже вполне готовы признать, что в отношении деятельности сил, формирующих земную поверхность, нашу историческую эпоху можно назвать эпохой сравнительной инертности и медленных, постепенных изменений; но вполне возможно, что в прошлом неспешные процессы постепенного опускания, подъёма и эрозии дополнялись еще и преобразованиями катастрофического характера. И тут остаётся лишь шаг или два до признания в качестве факта гипотезы о том, что поочерёдно происходят великие поднятия и погружения континентов, и что вся карта мира не просто время от времени радикально изменяет свои очертания, подобно узорам калейдоскопа, но подвержена периодически повторяющимся изменениям, восстанавливающим, по прошествии огромных промежутков времени, прежнее положение вещей.

В ожидании дальнейших открытий, однако, уже можно признать, что в нашем распоряжении уже достаточно геологических знаний, подкрепляющих космогонию эзотерического учения. И то, что это учение держалось его хранителями в тайне от остального мира в ожидании того дня, когда достижения науки проложат путь к его признанию и правильному пониманию, едва ли можно назвать неразумным с их стороны. Смогут ли открытия в иных областях изучения природы убедить нынешнее поколение в истинности эзотерической доктрины — покажет время.

Конечно же, такие соответствия можно проследить и в биологии, причём столь же определённые, что и в геологии. Дарвиновская теория происхождения человека из животного царства, рассматриваемая в общих чертах, — далеко не единственный аргумент в пользу эзотерической доктрины, исходящий из этой области науки. Обстоятельные наблюдения, произведенные в последнее время в эмбриологии, особенно интересны для нас по причине явной связи сразу с несколькими разделами учения. Так, широко известная ныне истина о том, что последовательные стадии дородового развития человека соответствуют стадиям эволюционного прохождения нынешнего человечества через различные формы животной жизни, является настоящим откровением благодаря обилию выявляемых ею аналогий. Она не только подтверждает эволюционную гипотезу как таковую, но и являет собою замечательную иллюстрацию к тому, как действует природа, развивая новые расы человечества с самого начала каждого великого кругового периода. Когда ребенку предстоит развиться из зародыша, который так прост по своему строению, что он ближе не столько к животному или даже к растительному, а скорее к минеральному царству, — уже знакомый нам эволюционный процесс заново проходит, так сказать, в ускоренном темпе. Идеи прогресса, для разработки которых связной цепью в первый раз могли потребоваться бесчисленные века, раз и навсегда прочно запечатлены в памяти природы, а потому могут быть быстро воспроизведены по порядку за несколько месяцев.

То же происходит и с эволюцией человечества на каждой планете по мере продвижения жизненной волны. В первом круге эволюционный процесс идёт крайне медленно и не продвигается далеко, ибо идеи Природы сами ещё в процессе развития. Но если этот процесс уже был хотя бы однажды завершен, его

можно быстро воспроизводить. В последующих кругах жизненный импульс пробегает вверх по всей гамме эволюции с легкостью, постижимой лишь с помощью иллюстрации, которую предоставляет нам эмбриология. В этом объяснение отличия характера каждого последующего круга от предыдущего. Раз завершённый эволюционный этап быстро повторяется, после чего круг начинает уже собственную, дальнейшую эволюцию, которая протекает с совершенно иной скоростью — как ребенок, который уже обрел человеческую форму, продолжает затем свой индивидуальный рост гораздо более медленное в сравнении с предшествующими стадиями дородового развития.

Полагаю, мне нет необходимости детально сопоставлять экзотерический буддизм с предлагаемыми в этой книге взглядами на природу — причём изложенными весьма сжато, учитывая их охват и значение, но в то же время достаточно развёрнуто, чтобы читатель мог получить общее представление о системе во всём её широчайшем спектре. С помощью сообщённой теперь информации более опытные, чем я, исследователи буддийской литературы, сами смогут лучше меня подобрать ключи к её подлинному значению. Сейчас у нас есть как никогда хорошие шансы не только заполнить многие пробелы, оставленные записях наставлений Будды, но и понять, почему они были сделаны. Например, в книге мистера Рис Дэвидса мне встретилась такая фраза: "Буддизм даже не пытается разрешить задачу о первоначальном происхождении всех вещей". Приводя цитату из "Пособия по буддизму" Харди, он продолжает: "Когда Малунка спросил у Будды, вечен ли мир, тот ничего не ответил; причиной же этого молчания было то, что учитель счел данный вопрос не имеющим практической пользы". Однако на самом деле Будда промолчал потому, что не мог ответить на этот вопрос однозначным "да" или "нет", не создав при этом у спрашивающего ложного впечатления. Чтобы ответ был верным и не вводил в заблуждение, Будде пришлось бы изложить всю доктрину эволюции планетной цепи, для восприятия которой общество, в котором жил Будда, интеллектуально еще не созрело. Предположение, будто его молчание означало просто нежелание отвечать на бесполезный, на его взгляд, вопрос, является вполне естественной ошибкой, вызванной недостатком знаний из смежных областей; однако ни один ответ не мог бы быть ближе к истине, нежели это отсутствие ответа. Ни одна религиозная система из когда-либо пытавшиеся публично отвечать на вопрос о происхождении всех вещей, не смогла оставить более чем несколько царапин на его поверхности, по сравнению с углубленным проникновением в суть проблемы, достигнутым экзотерической наукой, учителем которой Будда был не менее выдающимся, чем наставником нравственности для народа.

Утверждения же Рис Дэвидса о том, чему буддизм учит (как бы тщательно они ни были разработаны), не менее неточны, чем и только что процитированное высказывание о том, чему буддизм не учит. Впрочем, неточность всех сделанных прежде заключений неизбежна. Я цитирую еще один пример — не для того, чтобы принизить значение тщательного исследования, к плодам которого он относится, а чтобы показать, как свет, пролитый теперь на весь наш предмет, проникает во все закоулки проблемы, представляя его всех аспектах совсем по-новому.

"Буддизм принимает существование материального мира и живущих в нем сознательных существ как доказанный факт и считает, что всё подвластно закону

причины и следствия, в результате чего всё постоянно, хотя и незаметно, изменяется. Нет такого места, где этот закон не действовал бы, а следовательно, нет нирая, ни ада в их традиционном понимании. Есть миры, в которых живут ангелы, чье существование также, в большей или меньшей степени, материально, соответственно тому, насколько святыми и праведными были их прошлые жизни. Однако и эти ангелы смертны, и миры, которые они населяют, не вечны. Существуют сферы мучений, где злые деяния людей и ангелов заставляют рождаться несчастными существами; но когда активная энергия зла, породившая их, истощается, они тоже исчезают, ибо их миры тоже бренны. Весь космос — земля, небеса и ады — постоянно стремится к обновлению или разрушению, всегда в процессе изменений, циклических переворотов, начало и окончание которых неведомы и непознаваемы. Ни боги, ни люди не могут быть исключением из универсального закона формирования и распада; соединение сил, составляющее наделенное чувствами существо, должно рано или поздно распасться; и только невежество и иллюзия позволяют ему считать себя отдельным, существующим само по себе созданием".

Как видите, данный фрагмент действительно может служить иллюстрацией того, насколько далеки распространенные представления о буддизме от подлинной эзотерической буддийской философии. Конечно же, эта философия действительно не находит места для неизменного и вечногорая или преисподней из монашеских легенд ни во всей огромной вселенной. Их там нет, как нет и в мировоззрении какого бы то ни было по-настоящему просвещенного мыслителя, азиатского или европейского, а вот "миры, в которых живут ангелы" и т.п., — живые и реальные, хотя и субъективные, уровни состояния дэвачана, — действительно существуют в природе. Примерно так же обстоит дело и со всеми остальными упомянутыми выше экзотерическими буддийскими концепциями, но в своей популярной форме они представляют собой хотя и очень точные, но все-таки карикатуры на соответствующие разделы эзотерического знания. Так, например, представление об индивидуальности как об иллюзии, а также о конечном растворении индивидуальности сознательного существа остаются совершенно непонятными без дополнительных пояснений относительно долгих эонов индивидуальной жизни в пока еще непостижимых для нас состояниях непрестанно прогрессирующего духовного возвышения, предшествующих пока еще несказанно отдаленному погружению в состояние не-индивидуальности. Такое состояние непременно должно наступить в будущем, но природа этого состояния такова, что ни один философ (во всяком случае, непосвященный) до сих пор не смог сказать о нем ничего, кроме самых приблизительных и неопределенных догадок. Как с идеей нирваны, так и с идеей об иллюзии индивидуальности — авторы, писавшие о буддийской доктрине и черпавшие из экзотерических источников, запутались в элементах этого учения, касающихся отдаленного будущего, находясь под впечатлением, что имеют дело с буддийским воззрением об условиях, следующих сразу за этой жизнью. Так утверждение, которое выглядит почти абсурдным, будучи лишено подходящего ему места в общей системе учения, может не только перестать быть оскорблением здравому смыслу, но и превратиться в возвышенную истину, стоит только восстановить его законное местоположение относительно других истин. Позвольте мне также добавить, что окончательное погружение совершенного Богочеловека, или дхьян-чохана, в абсолютное

сознание паранированы не имеет никакого касательства к "ереси индивидуальности", которая относится к физическим личностям. Но к этой теме я ещё вернусь чуть позднее.

Комментируя процитированную выше краткую характеристику буддийской доктрины, мистер Рис Дэвидс вполне справедливо замечает: "Эти учения ни в коей мере не являются исключительной особенностью буддизма, ибо сходные идеи лежат в основе еще более ранних индийских философий". (Разумеется, по той причине, что буддизм, вернее его учения, и есть сама ранняя индийская философия). "Более того, они встречаются и в других системах, весьма отдаленных от буддизма во времени и в пространстве. Но буддизм, имея дело с этой содержащейся в них истиной, мог бы дать ей более решительное и прочное выражение, если бы не позаимствовал бы также и причудливое учение о переселении душ — учение, которое, похоже, возникло независимо (если не одновременно) в долине Ганга и в долине Нила. Термин "переселение душ" использовался в разные времена и в разных странах в сходных в своей основе, но в то же время в весьма разнообразных теориях; и буддизм, позаимствовав основную идею у постведического брахманизма, преобразовал её настолько, что создал, по сути дела, новую гипотезу. Однако эта новая гипотеза, подобно прежней, говорит нам о прошлой жизни и о будущих рождениях и ничем не способствует искоренению в нашей нынешней жизни тех зол, на объяснение происхождения которых она претендует".

Данная книга должна бы рассеять те неверные представления, на которых основываются процитированные выше замечания. Буддизм не допускает ничего похожего на перемещение из человеческой формы в животную и затем обратно, хотя большинство людей понимают под переселением душ, или трансмиграцией, именно это. Буддийская трансмиграция — это трансмиграция дарвиновской эволюции, научно разработанная или, вернее, досконально изученная в обоих направлениях. Конечно, буддийские писания содержат упоминания прошлых рождений, в которых даже Будда был тем или иным животным. Однако эти упоминания относятся к очень отдаленному этапу дочеловеческой эволюции, ретроспективу которого открыло Будде его полностью просветленное видение. Ни в одном подлинном буддийском писании нет никаких указаний в пользу того, что существо, однажды достигшее состояния человека, может снова опуститься до уровня животного царства. Опять же, хотя и трудно представить себе что-либо менее подходящее для объяснения происхождения зла, чем эта карикатура на переселение душ, допускающая возможность подобного рода деградации, прогрессирующие перевоплощения человеческих "я" в предметное существование, совместно с действием физической кармы, а также с неизбежной игрой свободной воли в дозволенных ей пределах, действительно объясняют происхождение зла, полностью и окончательно. И хотя природа стремится к тому, чтобы взрастить новый урожай дхьян-чоханов, побочное возникновение преходящего зла — неизбежное следствие действия упомянутых сил или процессов, которые сами, в свою очередь, являются необходимыми составляющими столь грандиозного предприятия, как вселенская эволюция.

В то же время читатель, который возьмет на себя труд взяться за книгу мистера Риса Дэвидса и исследовать весьма пространный фрагмент, посвященный

рассматриваемой теме, а также скандхам, осознает, насколько безнадежно пытаться вывести сколь-нибудь рациональную теорию происхождения зла из используемых автором экзотерических материалов. Невозможно на их основании и предложить правильное объяснение высказывания, сразу же после этого процитированного фрагментом цитаты из "Брахмаджала-сутры":

"Объяснив, откуда происходит необоснованная вера в вечное существование Бога и божеств, Гаутама переходит к рассмотрению вопроса о душе и называет тридцать две веры, которые он объявляет ложными. Вкратце их характеристика выглядит следующим образом: "На каком принципе, на каком основании все эти нищие монахи и брахманы строят свои учения о будущем существовании? Они учат, что душа материальна или нематериальна, или и то и другое вместе, или и ни то и ни другое; что она может иметь только один или множество состояний сознания; что её восприятие весьма ограничено или же беспредельно; что она может пребывать в радости или в страданиях, или ни в том ни в другом. Шестнадцать ересей учат, что после смерти человека ждет сознательное существование. Еще восемь ересей учат, что душа — материальная, или нематериальная, или соединяющая оба эти качества, или же не обладающая ни одним из них, — может рассчитывать после смерти лишь на бессознательное существование. И, наконец, еще восемь ересей учат на восемь разных ладов тому, что душа продолжает существовать после смерти в состоянии бытия, которое не является ни сознательным, ни бессознательным". Проповедь завершается словами: "То, что привязывает учителя к существованию (танха, жажда жизни), отсечено, но его тело продолжает существовать. И пока его тело живет, его будут видеть и боги, и люди, но после завершения жизни и разрушения тела уже ни боги, ни люди не увидят его". Возможно ли более конкретно и категорично отрицать существование души или чего-то подобного, что могло бы продолжаться в каком бы то ни было состоянии после смерти?"

Конечно, экзотерическим исследователям это высказывание не может не показаться вопиющим противоречием всему тому, что буддизм говорит о последовательном прохождении одной и той же индивидуальности через различные воплощения, что логически подразумевает существование переходящей из тела в тело души так же недвусмысленно, как цитированный выше фрагмент его отрицает. И без понимания семи принципов человека отдельные высказывания по поводу того или иного аспекта проблемы бессмертия примирить между собою будет невозможно. Однако ключ к правильному пониманию, который теперь дает эта книга, снимает все эти кажущиеся противоречия. В приведенном отрывке Будда говорит об астральной личности, в то время как бессмертие, признаваемое экзотерическим учением, относится к духовной индивидуальности. Подробные разъяснения на сей счет были даны в главе о дэвачане, в том числе — в цитируемых в ней фрагментах из "Буддийского катехизиса" полковника Олкотта. Лишь с тех пор, как два года назад фрагменты великого откровения, составившие данную книгу, стали печататься на страницах журнала "Теософист", это важное для решения проблемы человеческого бессмертия различие между личностью и индивидуальностью начало приобретать вразумительный вид. Однако и в более ранних оккультных сочинениях имеется немало указаний, которые ныне могут быть использованы как подтверждения достаточно близкого знакомства ранних

авторов с этим учением. К примеру, обратившись к самой новой из изданных за последнее время оккультных книг, в которой завеса тайны хотя и не была снята, по-прежнему скрывая суть учения от не слишком пристального взгляда, но во многих местах оказалась протертой почти до состояния прозрачности, мы можем выбрать любой из дюжины имеющихся в ней фрагментов, иллюстрирующих тему бессмертия души. Вот один из них:

"Философы, по-своему объяснявшие падение в зарождение, рассматривали дух как нечто совершенно отличное от души. Они допускали его присутствие в в астральной оболочке лишь настолько, насколько это относилось к духовным эманациям или лучам "сияющего". Человек и душа должны были завоевать свое бессмертие, поднявшись сами к духу, с которым, если их усилия увенчались успехом, они в конце концов соединялись, и которым они должны были быть, так сказать, поглощены. Индивидуальность человека после смерти зависит от духа, а не от его души и тела. И хотя было бы абсурдным применять слово "личность" в его общепринятом значении к нашей бессмертной сущности, всё же последняя является определённым существом — самим по себе бессмертным и вечным, и даже в случае с неисправимым преступником, когда сияющая нить, соединявшая дух с душою с самого рождения, оказывается грубо разорванной, а развоплощенному существу приходится разделить судьбу низших животных, раствориться в эфире и утратить свою индивидуальность, даже тогда дух остается особым существом".*

---

* "Разоблаченная Изида", т. I.

Каждый, кто прочтет эти строки или, возможно, какой-то фрагмент главы, из которой они заимствованы, не может не заметить, в свете приводимых в этой книге пояснений, что эзотерическая доктрина, теперь выдаваемая более полно, была прекрасно знакома их автору, хотя именно мне была дарована привилегия впервые изложить ее ясным языком, не допускающим ошибочных толкований.

Конечно, осознание различия между личностью и индивидуальностью требует определенных умственных усилий; однако очевидно, что желание увековечить личное существование, то есть полностью сохранить в памяти все мимолетные обстоятельства нашей нынешней физической жизни (что как раз и составляет нашу личность), — не более чем минутная слабость нашей плоти. Многим, возможно, покажется иррациональным утверждение, что каждый из ныне живущих людей, чьи воспоминания о прошлом не простираются дальше детских лет, является тою же самой индивидуальностью, которая несколько тысяч лет назад относилась к совершенно иному народу и иной эпохе и которая снова проявится через такой же промежуток времени в будущем, чтобы жить уже в совершенно иных условиях. И всё-таки ощущение "я есть я" остается неизменным на протяжении всех этих трех жизней, равно как и сотен других, ибо это чувство коренится гораздо глубже, нежели представление, что "Я — Джон Смит, такого-то роста и такого-то веса, с таким-то состоянием и такими-то родственниками". Неужели невозможно представить себе, просто вообразить, что Джон Смит, наследуя дар Тифона,* изменяет время от времени свое имя, заново женится в каждом новом рождении, а то и чаще, где-то теряет свое состояние, а где-то,

напротив, его приобретает и успевает сменить с течением времени великое множество самых различных занятий, что эта личность может забыть спустя несколько тысяч лет обо всех обстоятельствах, связанных с нынешней жизнью Джона Смита, как будто эти обстоятельства и вся эта жизнь вовсе для него не существовали? Однако его "Я" остаётся тем же. И если даже это доступно нашему пониманию, то что же может быть непонятного в индивидуальной преемственности *чередующихся жизней*, прерываемых и возобновляемых через определенные промежутки времени и перемежающихся пребыванием в более чистом и возвышенном состоянии существования?

---

* Тифон (миф.) — сын троянского царя Лаомедона. В него влюбилась Аврора, или Эос, которая унесла его с собою. Она добилась для него бессмертия, но не вечной юности, так что в конце концов он стал настолько сморщенным и иссушенным, что скрипел на ходу, как цикада; (или) превратила его в цикаду.

Только разрешив кажущееся противоречие между идентичностью сменяющих друг друга индивидуальностей и "ересью" индивидуальности, эзотерическое учение будет иметь шанс подвести под "непостижимую загадку" кармы, от которой мистер Рис Дэвидс избавляется по быстрому, вразумительное и строго научное обоснование. О ней он говорит только то, что буддизм, "не признавая реальность души", был вынужден прибегнуть к крайнему средству, стараясь хоть чем-то заполнить пропасть между двумя последовательными жизнями, и этим "чем-то" является учение о карме. Кроме того, он отрицает эту идею как "нереальную фантазию мозга". Но как бы ни раздражала мистера Риса Дэвидса абсурдность этого учения, он тем не менее проявляет немалое терпение и большую интеллектуальную изобретательность, пытаясь создать нечто похожее на рациональное метафизическое истолкование крайне запутанных высказываний о карме, встречающихся в различных буддийских писаниях. Вот что он пишет:

"С точки зрения буддистов, учение о карме избегает как суеверной крайности тех, кто верит в обособленное существование некоей сущности, именуемой душой, так и противоположной крайности тех, кто будучи чужд всякой религии, не верит ни в нравственную справедливость, ни в воздаяние. Буддизм утверждает, что проник внутрь слова "душа" в поисках скрывающегося за ним реального факта, но никакого факта так и не увидел, а обнаружил только ту или иную из двадцати различных иллюзий, ослепляющих человека. Тем не менее, буддизм убежден, что если человек пожинает скорбь, боль и разочарование, то это означает, что он сам, а никто другой посеял некогда безрассудство, грех и заблуждение, если не в этой, то в одной из своих прошлых жизней. Но где же в таком случае тождество между тем, кто сеял, и тем, кто теперь собирает? Оно — в том единственном, что остается после смерти человека, когда все составные части сознательного существа уже распались, а именно — в его поступках, речах и мыслях, в его хорошей или плохой карме (буквально, "деяниях"), которая не умирает. Нам хорошо известен принцип "что посеешь, то и пожнешь", и потому нам нетрудно понять представление буддистов о том, что если человек что-то пожинает, то всё это он должен был некогда посеять. Нам знаком закон сохранения энергии, и потому мы в состоянии понять буддийский догмат (как бы он ни противоречил нашим христианским представлениям) о том, что никакая внешняя сила не в состоянии

уничтожить плоды человеческих деяний, пока их воздействие, направленное во благо или во вред, не проявится в полной мере. Однако своеобразие буддизма состоит в том, что, с его точки зрения, всё то, чем человек был или что он делал, не растекается во все стороны в виде множества отдельных ручейков, а снова сливается воедино, порождая новое сознательное существо — новое в отношении своих составных частей и качеств, но по сути то же самое — в том, что касается его существа, его деяний, его кармы".

Трудно представить себе более изощрённую попытку объяснения "тайны" буддизма, нежели предположение, что авторы этой тайны с самого начала придумали ее как "отчаянное средство", способное прикрыть их отступление с непрочных позиций. Однако на самом деле учение о карме имеет гораздо более простую историю и не нуждается в столь хитроумной интерпретации. Будда объявил его, как и многие другие явления природы, связанные с будущим, непостижимой тайной, и тем самым отмёл все вопросы о ней. Однако он вовсе не подразумевал, что, оставаясь непостижимой для широких масс, карма непременно должна быть тайной, и тем более непостижимой, для посвященных в эзотерическую доктрину. Её невозможно было объяснить без ссылок на эзотерическое учение, но стоит уяснить хотя бы основные принципы этого учения, и карма, равно как и многое другое, становится сравнительно простой и понятной, оставаясь тайной только в том смысле, в каком является тайной причина взаимодействия серной кислоты с медью и еще более активного ее взаимодействия с железом. Разумеется, эзотерическая доктрина оставляет для своих "светских чела" (так же как и химическая наука — для своих светских учеников, то есть тех, которые изучают лишь её физические явления) некоторые тайны, глубины которых они не в силах промерить. Я сам не готов объяснить, путём каких именно молекулярных изменений высшие сродства, составляющие карму, сохраняются в постоянных элементах пятого принципа. Но ведь и обычная наука не в состоянии сказать, что именно в молекуле кислорода заставляет её отделяться от молекулы водорода, с которой она была связана в капле дождевой воды, и соединяться с одной из молекул железной ограда, на которую падает эта капля. Однако в результате появляется пятнышко ржавчины, и считается, что этой загадке уже дано научное объяснение, коль скоро результат может быть предсказан заранее и на него можно ссылаться.

Так и с кармой: пятый принцип вбирает в себя сродства добрых и дурных поступков на протяжении всей человеческой жизни, после чего переходит вместе с ними в дэвачан, где те из них, которым, так сказать, подходит атмосфера этого состояния, расцветают и приносят изобильные плоды, а затем движется дальше, забирая с собою в вещественный мир те кармические влияния, которые еще не полностью истощили свою энергию. И так же верно, как молекула кислорода, оказавшись в окружении сотен других молекул, направляется к той, с которой имеет наибольшее сродство, отягощенная кармой духовная монада отравляется именно в то воплощение, с которым её сильнее всего соединяет мистическая привязанность. Этот процесс отнюдь не предполагает сотворения какого-либо нового чувствующего существа, разве что в том смысле, что создается новая телесная структура — новый инструмент ощущения. То, что живёт в ней, то, что радуется и печалится, — это всё то же прежнее "Я", — конечно же, отгороженное

от всех своих прошлых земных походов стеною забвения, но тем не менее пожинаящее их плоды; это всё то же "я есмь я", что и раньше.

По мнению мистера Риса Дэвидса, "довольно странно, что всё это" (подразумевается истолкование буддийской философии, которое ему позволили дать имеющиеся в его распоряжении экзотерические материалы) "за все минувшие 2300 лет или даже более не показалось отталкивающим многим искренним, отчаявшимся сердцам, продолжавшим верить в реальность лишь с виду величественного моста, который буддизм попытался перебросить через реку загадок и печалей жизни... Они не замечали, что сам вечный камень, связующее звено между одной жизнью и другой, это всего лишь слово — чудесное предположение, воздушное ничто, воображаемая причина, недоступная человеческому пониманию, индивидуализированная и индивидуализирующая милость кармы".

Было бы поистине странно, если бы буддизм действительно был выстроен на столь шатком основании. Однако его кажущаяся хрупкость объясняется всего лишь тем, что его мощнейший арсенал знаний оставался доселе скрытым от человеческих глаз. И лишь теперь, когда с его внутреннего учения снята завеса таинственности, каждый может видеть, как мало зависит буддизм во всех аспектах своего вероучения от туманных тонкостей метафизики. И если они всё-таки скопились вокруг буддизма, то только потому, что их нагромодили экзотерические истолкователи разрозненных налётов на эзотерическую доктрину, которые не могли быть полностью удалены из простой системы нравственности, предписанной для народа.

В действительном содержании буддизма мы находим возвышенную простоту, подобную той, что существует и в самой природе — единый закон, разветвляющийся до бесконечности (и действительно, усложняющийся, когда дело касается частных случаев, ведь и природа бесконечно разнообразна в своих проявлениях, преследуя всё же свою неизменную единую цель), непреложную доктрину о причинах и их следствиях, которые в свою очередь тоже становятся причинами в бесконечном процессе циклической эволюции.

Перевод Ю. Хатунцева под редакцией K.Z.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

